Алхимистика Кости Жихарева

Михаил Успенский

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Данный текст не содержит сцен курения, спиртных напитков употребления, ненормативного матерения, на духовные скрепы посягновения, малолетних растления, денег бюджетных пиления, во храмах неуставного пения, легкого поведения, иностранного усыновления, кружевного белья ношения, транспортных тарифов повышения, законной власти поношения, нефтяных цен падения. Исключены также все случайные совпадения, учтены даже самые вздорные мнения.

И тем не менее!

Приключения Кости Жихарева, потомка легендарного многоборского богатыря Жихаря, продолжаются!

- Михаил Успенский
  -
  - Заговор огорчённых
  - Сто лет одиночества с конфискацией
  - Противоположности сходятся и выигрывают
  - Круглый, а не дурак
  - Долги наши тяжкие
  - Как превратить время в деньги
  - Обложили
  - Недолгие сборы
  - За рубежом реальности
  - Кого найти…
  - Вас вызывает Буслай
  - …а кого обойти
  - Бой на волховском мосту
  - С моей ладьи выдачи нет!
  - Школа юнгов по-новгородски
  - Морской царь, морской самозванец и принц Пичалька
  - Кровь, любовь, яд и слёзы
  - Наши пираты ненашего моря
  - Одиссея капитана Буслая
  - Аццкий план трикстера
  - Дары депрессивного берега
  - Артур и его команда
  - Великая британская революция
  - Глас подземельный
  - Дар Владычицы Озера
  - Две стрелы от Робин Гуда
  - Шумел сурово Шервудский лес

- ○ В тени густых лесов
- ○ Уши для мистера Келли
- ○ Адское пламя из ночного горшка
- ○ Трёхгрошовый бес
- ○ Ночной полёт
- ○ Продаётся подержанная душа
- ○ О, суббота!
- ○ От соломенной куклы до трансформера
- ○ Мученик лженауки
- ○ Стокгольмский синдром в пражском подвале
- ○ О, четверг!
- ○ Самая короткая дорога
- ○ Вечный город – большая деревня
- ○ Во всём виноват Пушкин
- ○ Колобок возрождённый

Михаил Успенский
Алхимистика Кости Жихарева

Данный текст не содержит сцен курения, спиртных напитков употребления, ненормативного матерения, на духовные скрепы посягновения, малолетних растления, денег бюджетных пиления, во храмах неуставного пения, лёгкого поведения, иностранного усыновления, кружевного белья ношения, транспортных тарифов повышения, законной власти поношения, нефтяных цен падения. Исключены также все случайные совпадения, учтены даже самые вздорные мнения.

И тем не менее!

Залогинились ребята, запаролились.
Запаролились они да и зачатились.
А как зачатились – так и зафрендились…

«Бой Реалища с Виртуалищем»

© Успенский М., 2014
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014
© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Заговор огорчённых

…Тьма, пришедшая со стороны то ли Белого, то ли Чёрного, а то ли моря Лаптевых, накрыла город Кислорецк. Исчезло здание мэрии, украшенное конной статуей Ивана Калиты, сгинул неработающий цветомузыкальный фонтан «Радуга изобилия», пропали антивандальные киоски с мороженым, испарились два продовольственных рынка да третий вещевой – словно и не водились такие никогда на свете.

Виной всему была очередная авария на подстанции.

Кислоречане поругались, повздыхали, да делать нечего – повалились до срока спать всем городом: авось к утру отремонтируют!

Но один-единственный объект тьма как уж ни старалась, так и не сумела накрыть.

То был прогулочный теплоход «Кот Матроскин», что покачивался напротив здания речного вокзала. Свет хоть и с трудом, но пробивался сквозь вечно пыльные занавески музыкального салона с роялем. Мало того, оттуда ещё пробивалось задушевное пение – это старался известный в городе солист Гоша Квадратик:

Вновь весна без конца и без края
Возвратилася в наши края.
Ты лети далеко, моя песня блатная,
Дорогая подруга моя!

Неподвластная подлым законам,
Ты печали мои унеси.
Ведь не зря пацаны эти звуки шансоном
Называют теперь на Руси!

Ты поведай, напев криминальный,
Как от горя седеют виски!
И запью я французской водой минеральной
Двести грамм крепкой русской тоски!

Не всегда нам сопутствует слава,
Не всегда о нас пишет печать,
Но шансон заслужил уголовное право
Днём и ночью в эфире звучать!

Он расскажет беду и удачу,

Он по-честному людям споёт,
Как любимая женщина стонет и плачет,
Как преклонная матушка ждёт!

В этой жизни скончаться не ново —
Ведь не зря беспощаден закон,
Но в эфире любого нереально крутого
Заглушаешь ты, русский шансон!

На борту теплохода собралась вся немудрящая криминальная элита Кислорецка. То есть обе организованные преступные группировки – «Мыльный завод» и «Шлакоблоки».

Вдоль причала ходили туда-сюда полицейские – то ли охраняли противоправное сборище, то ли наоборот – собирались накрыть всех одним молодецким рейдом. Поди гадай. Кислорецкие стражи порядка славились своим коварством даже в соседних областях.

«Мыльный завод» и «Шлакоблоки» люто враждовали между собой полвека, если не дольше. Дрались за каждый киоск, за каждый прилавок на рынке, за каждый мешок чужой картошки. И только очень большая беда могла заставить соперников собраться вместе.

Звали эту беду Костя Жихарев.

– Братва, достал уже этот трудный подросток своим беспределом, – жаловался ветеран преступного движения Пыпа. – Только соберётся человек лишнюю копеечку заработать в поте лица, как тут же наш мальчишечка нарисуется. И хвать за руку! Копчёный потом две недели щипать по трамваям не мог! Прямо человек-паук какой-то!

– Ну ты скажешь тоже – человек-паук! – возмутился Дрон, ближайший помощник Пыпы. – Человек-то паук небольшой, ладненький такой! С ним бы и я справился! А у этого кулачищи что арбузы!

– Главное, обидно: он маску не носит, прикида себе не прикинул, кликуху не залудил – это неформат называется! Прямо так, в футболке и трениках, нападает! – сказал брат Брусок-старший. – Одно дело, когда тебя какой-нибудь Человек – Шаровая Молния вырубил, а тут простой школьник…

– Этот простой школьник нас напряг через Сазонтову протоку мост чинить! – воскликнул брат Брусок-младший. – В ледяной воде по пояс! Мы все могли простудить органы и умереть!

От «Шлакоблоков» на сходняк пришли Гарик Сатана, Калмык, Гвоздик и безработный вор-барсеточник Отарик Батумский.

Безработным Отарик стал, когда барсетки (если кто забыл, это такие мужские сумочки на ремешке) вышли из моды, а освоить новую профессию бедняга так и не смог: попадался каждый раз с поличным, то застревая в форточке, то ловясь на кармане. Кислорецкий криминал жалел Отарика как инвалида профессии.

– Скинуться надо, братва, – сказал Пыпа. – От души скинуться, не прибедняясь. И нанять московского киллера Курочкина. Мне добрые люди дали телефончик. Надо по нему позвонить и спросить тоненьким голосом Надю Чебыкину из третьего «б». Ответит бабушка-связная, скажет, что, мол, ошиблись номером…

– Ты, Пыпа, в обиду не возьми, – сказал Калмык, – но вот подробностей жизни ты не знаешь. Курочкин – специалист экстра-класса, кто бы спорил. Всех исполняет и никогда не попадается. Только он, как бы сказать, такой… чудаковатый…

– А точнее?

– Он, когда дело сделает и деньги получит, – сказал Калмык, – начинает чудить. Всех зачищает: и заказчиков, и посредников, и даже бабушку-связную. Мёртвую зону вокруг себя создаёт – могил этак на двадцать. Потому и не попался ни разу…

– Какой же дурак его нанимает? – воскликнул Дрон, потрясённый гибелью невинной бабушки.

– Вот они самые и нанимают, – сказал Калмык. – Надеются, что успеют его раньше загасить. Курочкин так и сказал журналисту: на мой век дураков хватит! А потом подождал, пока статейка выйдет, да и… Ну, вы поняли.

Быть мёртвым дураком или журналистом никому не хотелось.

– Рукам-ногам калечить, – сказал ожесточившийся от безработицы барсеточник. – Головой пробить. Челюсть заломать…

– Вот ты и ломай, – сказал брат Брусок-младший и подвигал собственной челюстью: ладно ли срослась.

– Хоп, отставить киллера, – решил Пыпа. – Тогда будем заявление на их семейку писать в органы опеки за то, что неправильно сына воспитывают, негармонично…

– Мышцы много, а духовности с гулькин хвост! – уточнил Дрон. – Возьмёт правильного пацана за туловище и начинает этим туловищем его же братву лупить! И ещё хвалит: хороший, мол, пацан попался, жиловатенький, надолго хватит! Где только этому подлому нерусскому приёму научился?

– А не западло будет в органы писать? – обеспокоился Гарик Сатана.

– Нам, пацаны, теперь не до понятий, – сказал Пыпа. – Нужно

как-то выживать. Или Костян – или мы.

– А переезжать надо, – подал голос специалист по сейфам Гвоздик. – Валить отсюдова. Вон тамбовские как в Питере кучеряво устроились! А мы что – хуже? Ладно, на Москву не претендую, но есть же и Орёл, и Воронеж, и даже Кирово-чепецк…

Конечно, насчёт Кирово-чепецка это он погорячился, но всё-таки обозначил реальный выход.

– Вот валить – точно западло. От корней своих оторваться, малую родину предать – да ни в жись! – сказал брат Брусок-старший. – Вся беда наша в этой проклятой богатыристике. Не должно быть такой ксивы – однако действует!

Помолчали, представив однажды увиденный страшный документ с подписями трёх васнецовских богатырей и княжеской печатью красного с золотом сургуча.

– Над нами уже смеются, – напомнил Пыпа, чтобы лучше замотивировать компанию. – Говорят, с ребёнком справиться не можем. Скоро сюда иногородние понаедут – из Нижнего Толчка, из Верхних Натоптышей или даже из самого Вкуснятина. Они-то чикаться не будут – ни с ним, ни с нами…

И он в неизбывной тоске обхватил свою лысеющую головушку синими от множества рисунков ручищами.

– А я-то на что? – раздался голос из-под рояля.

Отряхиваясь от пыли, поднялся известный уже участникам сходняка адвокат Ефрем Куковяка. Известен он был тем, что позорно провалил захват мыльнозаводовцами деревни Малые Улёты. Не ожидал юрист появления Кости Жихарева, хотя сам был дежурным трикстером в предыдущем повествовании. Но каким-то чудом закрепился и в нынешнем…

– Бей его! – закричал горячий Дрон. – Спасибо, пригодился уже однажды, больше не надо!

– Подождите, – сказал Куковяка и поправил узел галстука. – За сущие копеечки, за недорого найду я управу на вашего ворога. Только вы с нынешнего числа откажитесь от прежнего ремесла, в чужие дома и карманы больше не суйтесь, а вполне законно легализуйтесь…

– Это как? – удивились урки.

– А так, что вам, по размышлении зрелом, пора заняться банковским делом. И тогда граждане без напоминаний сами добровольно придут со своими деньгами. В очередь встанут, шарахаться от вас перестанут…

Урки разочарованно завыли.

– Мы, защитничек, про загасить Костю толковали, – сказал Дрон. – А ты нам какую-то диверсификацию противную впариваешь…

– И вовсе не противную, – сказал Куковяка, – а очень даже креативную. Знайте, что в мире нету бандита страшнее кредита. Куда эффективней, чем рейд пиратский, ряд финансовых операций! Накинем свою экономическую шлейку на Костину семейку!

Его речь заглушил тяжелый всплеск и бульканье за иллюминатором. Это какие-то злые люди утопили русского шансонье Гошу Квадратика – то ли он пел недостаточно душевно, то ли услышал достаточно много. Теперь плыть певцу далече – может, в Белое море, может, в Чёрное, а повезёт – так и в море Лаптевых…

Сто лет одиночества с конфискацией

…Пройдёт много лет, и, стоя в чёрном фраке перед королём Швеции, свежий нобелевский лауреат, профессор Нил Эдуардович Филимонов, вспомнит тот далёкий день, когда два дебила-выпускника решили макнуть его башкой в унитаз…

Выпускников звали Воликов и Журов. Воликов был поздоровее, он держал ботана Филимонова по прозвищу Джульверн вверх ногами и пытался сориентировать голову его в нужном направлении. Мелкий Журов снимал происходящее на планшет, чтобы немедленно выложить в Сеть.

При этом ни тот ни другой вовсе не опасались никаких последствий: у Воликова папа был судья, а у Журова – вообще прокурор, и эти папы могли от любого жалобщика не только отбиться, но и обвиноватить его самого!

Ботан Филимонов молча метался, пробуя вырваться.

– Ты сильно умный стал, Джульверн, – сказал Журов. – Умней всех быть хочешь, а это нехорошо…

Ничего плохого ботан им не сделал – просто он вернулся с очередной олимпиады с очередной наградой, и директор школы Семён Ароныч на линейке в очередной раз поставил Филимонова в пример всем прочим. И даже зачитал благодарственное письмо от знаменитых академиков Платонова и Невтонова, с которыми Джульверн состоял в переписке. Да-да, тех самых Платонова и Невтонова, которые перевернули вверх ногами всю мировую историю!

Но есть на свете такие гордые люди, для которых похвала в чужой адрес непереносима, словно личное оскорбление.

– Не дёргайся, падла, – сказал Воликов. Он мучительно соображал, как можно одной рукой удержать ботана, а другой нажать на рычаг.

Но сообразить Воликов так и не успел – внезапный звон прервал судороги его мысли.

Нет, это не был электрический звонок-трещалка, возвещающий начало или конец урока. Звон был лёгкий, но громкий и мелодичный. И принадлежал он большому колокольчику, украшенному атласной зелёной ленточкой.

Обычно этот школьный атрибут стоял на особой полочке возле поста охраны у дверей и применялся лишь дважды в году.

– Пусть здесь, на входе, красуется, – предложил в своё время охранник Ухарев. – Потому что мне ребят жалко. Идёт первоклашка в школу и думает: да когда же всё это кончится! А посмотрит на блестящее начищенное звонило и успокоится – мол,

придёт времечко, и меня этот желанный звук в большую жизнь проводит!

…В дверях туалета стоял Костя Жихарев. Он и потрясал колокольчиком.

– Ты чего, мелкий, совсем оборзел? – спросил Журов. Сам-то он был мельче Кости раза примерно в четыре, зато учился в выпускном классе.

– Рамсы попутал? – сказал Воликов. – Чего трезвонишь?

– Ой, не спрашивай, по ком звонит колокол, – сказал Костя. – Он звонит ведь по тебе, по окаянному, по дружку ли твоему по малоумному. Ой да не дожить вам до звоночка до последнего, пришла смертушка вам да в моём лице! А не надобно над слабым глумитися!

В минуты сильного волнения молодой богатырь начинал выражаться былинным слогом…

Потом Костя поставил колокольчик на тумбочку и приступил к своему богатырскому делу. Одной рукой он отобрал у Воликова бедного Джульверна и поставил ботана себе за спину, а другой вырвал у Журова планшет.

Планшет он переломил, как печенюшку, сложил половинки и переломил ещё раз. И ещё. И ещё. Пока из богатырских пальчиков не посыпался порошок.

Примерно так же батюшка его, генерал Жихарев, когда был ещё зелёным лейтенантом, поступал с карточной колодой, отобрав её у своих солдатиков. Личный состав это очень впечатляло.

Ну да и Воликов с Журовым рты разинули.

Они, конечно, слышали про Костю, но ведь выпускники – народ высокомерный. Снобы, проще сказать. Они жили мимо Кости Жихарева, а Костя жил мимо них – вот и не приходилось пересекаться.

– Отвечать долларами будешь, – сказал наконец Журов. – Планшет знаешь сколько стоит? Тебе двушечка грозит, причём с конфискацией…

А Воликов ничего не сказал. Он только представил, что Костя поступает с ним так же, как с планшетом. И никакой папа-прокурор не поможет. Хрустят косточки, хлещет кровушка из тельца из белого… Летят в стороны рученьки-ноженьки…

Впечатлительный был прокурорский сын. Даже чересчур.

– Пойдёмте отсюдова, Константин, – сказал наконец Джульверн. – А то эта лужа сейчас до наших кроссовок доползёт.

– Твоя правда, Нилушко, братец мой названый, – сказал Жихарев.

Ботан вопросительно уставился на него.

– У кого враги крутые, тот и сам немал человек, – пояснил Костя и дал ботану лёгкий подзатыльник, чтобы запомнил исторический момент и своё место в нём.

…Вот и вышли, получается, в школьный коридор не просто одноклассники, а два друга, два товарища.

Так бывает, что противоположности сходятся: волна и камень, лёд и пламень, Принц и Нищий, Чук и Гек, Тёма и Жучка, Малыш и Карлсон, Танго и Кэш, Ленин и Печник, Бутеноп и Глазенап, Свинарка и Пастух, Кукушка и Петух, Белоснежка и Семь гномов…

Нет, последнее, пожалуй, перебор. Но вы поняли.

Противоположности сходятся и выигрывают

Казалось бы – о чём говорить умненькому мальчику с чемпионом силового экстрима?

А было о чём.

Ботан Филимонов сразу же заметил в могучем своём однокласснике перемены великие: ходит степенно, к порядку всех призывает, говорит мало, но странно… Словно отправляли Костю на лето в лагерь ролевиков, а он и до сих пор никак из игры выйти не может…

Теперь у любознательного ботана появилась возможность как следует порасспрашивать новообретённого друга: где был, что делал, кого видал, чему научился. Но каждое словечко ему будто гвоздодёром вытаскивать пришлось!

Он допрашивал Костю и в школе, и по дороге домой, и в спортзале (куда Жихарев самого ботана притащил за шиворот, чтобы обрёл хоть какую-то физическую форму), и в библиотеке, и за компьютером.

Замечено же, что настоящие фронтовики не очень любят вспоминать войну. Потому что ничего хорошего в ней нет. Вот и у Кости не все воспоминания были светлыми. Что доброго, к примеру, в княжеской тюрьме? Там даже туалета не предусмотрели.

Мало-помалу, деталь за деталью восстанавливал ботан Нил Филимонов картину Костиного пребывания по ту сторону реки Смородины, как скелет динозавра собирают из косточек.

В чудеса Нил не верил, потому как твёрдо знал, что даже самое священное чудо – всего лишь занимательная химия.

Но допустить, что Костя (парень, конечно, хороший, но… вы поняли) ухитрился сам выдумать про хождение за богатыристикой, тоже не мог.

А врать Жихарев-младший так и вообще не умел: сразу было видно.

Поэтому настырный ботан устраивал другу тест за тестом.

– Ты хотя бы одну тамошнюю песню спой! – говорил, например, Джульверн.

Костя краснел, пыхтел, наконец надумал ответ.

– Сам Добрыня Никитич решил, что гусляром мне сто пудов не быть, – сказал он. – Ни слуха, ни голоса. Да и песни там совсем другие, без драйву… Вы, нынешние, не поймёте! Вот разве что коня подковать могу или щей из семи овощей запарить…

– Ну, готовить ты и дома мог научиться!

– Да матушка меня на кухню вообще не пускает! – возразил Костя. – Чтобы не разбил, не своротил чего. Мне даже картошку чистить в коридоре приходится! А батя только прикалывается над нами. Вот на заставе была поварня – три версты в длину и пять в ширину!

Приврать малость у богатырей считается за обычай, ничего не поделаешь. Привирушка – не ложь, потому что она бескорыстная, чисто для красоты.

Костянтинушко наш запросто мог бы показать скептику Джульверну свои немалые уменья, обретённые на Руси Былинной. Но, как на грех, город Кислорецк в ту пору переживал очередной кризис, вызванный переделом собственности между бандитами, депутатами и чиновниками. Клуб верховой езды для богатых закрылся из-за отсутствия этих самых богатых, а лошадей куда-то отправили. Должно быть, на переподготовку. Так мамаши говорили деткам, чтобы не травмировать.

А местный кузнец Бомштейн из-за отсутствия заказов временно мигрировал в соседний город Вкуснятин, жители которого считались более зажиточными, потому что могли себе позволить если и не каминную решётку в особняке, то хотя бы кованую оградку для могилки.

Был ещё один вопрос, на который Костя не находил ответа.

– Сколько же ты времени там пробыл? – не унимался Филимонов. – Полгода? Год? Два?

– Там со временем трудно, – вздохнул богатырь. – Часы с календарём у меня спёрли, а когда вернули, так они стояли: завод кончился… Может, там часы и вовсе не ходят. Часов тогда не было. Да ещё там всю дорогу лето!

– Почему?

– Потому что летом сподручнее совершать подвиги: тулуп не мешает!

Ботан задумался.

– А зарубками на стене ты дни отмечать не пробовал, как граф Монте-Кристо?

– Да твой граф там бы на третий день сто пудов кони кинул! Вечером, после нарядов да тренировок, кое-как добредёшь до казармы и повалишься пластом – какие уж там зарубки!

– Да, и тут не срастается, – делал вывод ботан.

Потом открывал старый пухлый сборник былин и убеждался – числится среди богатырей русских некий Костянтинушко – правда, без подробностей, одно имя…

Ещё он подолгу изучал богатыристику, гладил пергамент, взвешивал на ладони печать князя Владимира и гадал: откуда

взялась чудная сила этого странного документа?

В конце концов Джульверн потребовал представить самый главный аргумент, небитый козырь, неопровержимую улику.

Имелся в виду Колобок.

Круглый, а не дурак

Виссарион Глобальный не захотел оставаться на зиму в Малых Улётах – скучно ему было. Поэтому попрощался Колобок с бабаней Патрикеей Маркидоновной да двуглавым филином Кузьмой-Демьяном, забрался в рюкзак и поехал верхом на Косте в город.

Отставной генерал Иван Сергеич Жихарев круглому гостю удивился, но не очень:

– У бабани в избе ещё и не такое водилось!

И передёрнул могучими плечами, вспоминая богатое впечатлениями детство.

А маменьке, Анне Яковлевне, пришелец так очень понравился. Она даже постирала его малиновый кафтанчик. При этом Колобок разумно помалкивал.

Маменька решила, что это какая-то современная развивающая интерактивная игрушка: нажмёшь на пузо – сказку расскажет, надавишь на носик – песенку споёт. Разубеждать её, конечно, не стоило.

Сестрица же Светланушка от Колобка пришла в дикий восторг и хотела утащить небывалую игрушку в детский сад, но по дороге туда бдительный Костя увидел, что под пальтишком сестрица что-то прячет.

– Как ты вовремя! – сказал Колобок. – А то бы растерзали меня детки-то нынешние в процессе приватизации и раздела собственности! О, какой жалкой предстала бы смерть героя в глазах потомков!

А вообще квартира ему понравилась, особенно каменная баба. Она стояла в углу и являла образ семейного предка Жихаря.

– Прямо как живой мой питомец! – восхищался Колобок. – Ну уж намучился я с ним, покуда в люди-то вывел!

Но всё же и в городе Виссариону Глобальному тоже было скучновато: Костя целый день в школе или на тренировке, старшие на работе, Светланушка и её подруги болтают всякие глупости…

Поэтому Колобок однажды напросился пойти с Иваном Егорычем в подземный гараж, где у здешних мужиков возникло нечто наподобие клуба. Темы там обсуждались солидные: семья, дети, работа, безработица, здоровье, болезни, сволочное начальство…

Генерал Жихарев подумал – да и представил своего удивительного спутника кем-то вроде однополчанина, сказав:

– Вот, ребята, что объёмный взрыв может с человеком

сотворить! Всё оторвало – одна башка от нашего Виссариона осталась! Хорошо ещё, что у нас в штабе был холодильник – обложили льдом и сохранили…

Он даже покраснел, соврамши, но света в гараже было мало, вот никто и не заметил.

– Да, угораздило тебя, Виссарион, – согласились мужики. – А как это ты ручки-ножки отрастил?

– Да мне их в Объединённых Арабских Эмиратах присобачили, – сказал находчивый Колобок. – Донором стал мертворождённый младенец самого благородного происхождения. Там же сейчас лучшая хирургия в мире. Причём починили меня бесплатно: хотели попасть в Книгу рекордов Гиннесса…

Генерал Жихарев солгал, чтобы не травмировать приятелей (то есть применил чисто военную хитрость), а Колобок на её основе вон какую чернуху погнал!

– Чего ж они тебе тело целиком не пришили? – удивились мужики недогадливости арабских врачей.

– Я сам не велел. Мне так удобней, – сказал Колобок. – Натура я вольная, перелётная, ни семьёй, ни профессией не связанная. Катаюсь по всему земному шару, вот и к вам прикатился на весёлый разговор…

И тут же рассказал древнюю гиперборейскую легенду о том, отчего всё на свете начальство сделалось сволочным и почему ему никогда уже не стать хорошим. Речь в легенде шла о том, как делили лохматые гиперборейцы тушу мамонта.

Вскоре эти простые, бесхитростные кислорецкие люди крепко зауважали Колобка: удивительный инвалид всё на свете знал, но никогда не умничал. Кроме того, временами он даже позволял собой занюхивать, когда кончалась закуска…

Но ботан Филимонов бесхитростным не был.

Колобка Костя с гордостью выставил на стол, словно роскошный букет или дефицитный продукт. Колобок стал энергично заниматься гимнастикой и даже перекувырнулся.

Нил Джульверн немедленно полез в свой рюкзачок, достал оттуда мультитул и набор отвёрток.

– Поразительно! Я худею! – то и дело повторял умник, хотя худеть Филимонову было практически некуда. Он переворачивал необыкновенный гаджет туда-сюда в поисках винтов, гаек, разъёмов или хотя бы швов. – Ничего не понимаю! Где у него источник питания?

– Где, где… Источник всякого питания – в честном труде! – рявкнул Колобок. – Убери свои поганые железки, или я за себя не ручаюсь!

Так они и познакомились.

Долги наши тяжкие

Все счастливые семьи похожи друг на друга, да ведь и несчастливые нынче похожи.

Счастливые семьи – те, кто рассчитались с банком или вовсе не брали кредита. А несчастливы те, кто не прочитал примечания мелким шрифтом и попал.

Обычная беда настигает человека внезапно: кирпич на голову, грузовик из-за угла, повестка в прокуратуру…

А большая беда подкрадывается издали, стараясь быть невидимой и бесшумной. Но люди наблюдательные всё-таки замечают её приметы. И даже могут попытаться предупредить…

Жизнь на Руси Былинной научила Костю наблюдательности.

– Что-то батю не узнаю, – пожаловался он как-то Джульверну. – Ходит, как в воду опущенный. Не разрешает на телефонные звонки отвечать, сам к трубке бросается. А когда уходит, вообще аппарат отключает… Ну, я потом снова включаю. И мама часто плачет – думает, что я не замечаю…

– Может, на работе неприятности? – предположил Джульверн.

У него мать аж в трёх местах работала, надеясь дать умненькому сынку приличное образование, так что в неприятностях ботан разбирался.

– Да нет, он же пейнтбольный клуб сторожит, – сказал Костя. – А туда сейчас редко кто ходит, все деньги берегут…

Они сидели в комнате, унаследованной Костей от старших братьев, нынешних столичных курсантов. Ботан пытался натаскать богатыря на русское правописание. А Костя заставлял ботана отжиматься на сжатых кулаках. Так что обоим была польза.

Колобок лежал в старой коробке из-под ксерокса на расшитой болгарским крестом подушечке, словно орден имени себя, и не подавал признаков жизни. Он в последнее время тоже сделался какой-то задумчивый…

– А недавно я услышал, как батя сказал маме: если позвонят Федя или Серёга, так ничего им не говори, а то ещё они глупостей понатворят…

Джульверн закрыл глаза, откинулся на спинку старого диванчика и принялся аналитически мыслить.

– Вы в последнее время никаких крупных покупок не делали? – спросил он наконец. – Квартиру поменять не собирались?

– Да вроде нет, – растерянно сказал Костя. – Какие в наше время покупки? Какие квартиры?

– Браво! – воскликнул Колобок и вылез из коробки на стол. – В правильном направлении движешься, парень. Только дело, друзья мои, обстоит ещё хуже. Много я в жизни сказок рассказал, надо когда-то и суровую правду, услышанную мной в гараже, поведать…

Суровая правда заключалась в том, что Иван Егорович Жихарев, генерал в отставке, оказался в долгу перед местным Кислобанком. Дело обычное, житейское. А вот сумма долга предстала воистину сказочная!

– Быть того не может, – сказал Костя. – Батя сто пудов не мог взять кредит, он и нас-то с братьями знаешь как воспитывает? Холодай, голодай, а в долги не лезь!

– Вот и мужики в гараже ему то же самое говорили. Только он сам кредит не брал, а поручился Иван Егорович за боевого товарища. И сказал – как же я мог за него не поручиться, когда он на Хайберском перевале дважды спас меня и мою роту? Ну, мужики вслух назвать генерала лошарой не решились, хотя и подумали. К тому же они сами такие же простодырые, на «МММ» дважды купившиеся!

– И что этот боевой товарищ? – спросил Джульверн. – Почему он сам-то не может кредит выплатить?

– Там какая-то тёмная история, – сказал Колобок. – Пропал куда-то этот самый товарищ. Как будто не было его на свете!

– Подозреваю, что и не было, – многозначительно сказал ботан.

– Правильно подозреваешь, – кивнул (то есть качнулся всем телом) Колобок. – Товарища не было, а должище остался.

– И негде ведь денег взять, – беспомощно сказал богатырь. – Разве что хату и машину продать…

– Я худею! За такую хату и такую машину много не дадут, – вздохнул Нил Филимонов. Он знал что почём.

И тут зазвонил телефон. Телефон у Жихаревых был старый, с номерным диском набора и трубкой на шнуре.

– Послушай, – велел Колобок.

– Батя сказал – без него ни с кем не разговаривать, – возразил Костя.

– Послушай, – повторил Виссарион Глобальный.

Костя вздохнул, но трубку взял.

Голос был знакомый и противный.

– Костян? Узнаёшь? У нас к тебе дело есть. Кучу бабла можешь наварить! Дошла до нас параша, что у вас с лавандосом напряжно…

Как превратить время в деньги

– …Понял теперь, кто за этим стоит? – сказал Колобок.

– Чего уж не понять, – ответил Костя. – Старые корешки не забывают. Давно я их уму не учил!

– И не вздумай, – сказал Колобок. – Ты ведь им особо тяжкие повреждения нанесёшь, в том числе и несовместимые со скорбной и преступной жизнью. Тут уже не посмотрят, что несовершеннолетний. Тем более что смотреть будут судья Журов и прокурор Воликов. А ты их деток обидел…

– Это я во всём виноват, – вздохнул ботан. – Надо было сказать тебе тогда, в школе, что это просто шутка такая, чтобы в Сеть выложить: инсценировка, мол, картину гоним – мочим оппозицию в сортире… Ты бы и не встрял…

– Вот вечно эта русская интеллигенция на себя мнимую вину возлагает! – досадливо крякнул Колобок. – При чём тут ты? Заварили всю кашу они, легализовавшиеся урки с мыльного завода. А надоумил их наш с Костей старый знакомый…

– Потому что не дал ты мне его порвать на фашистский знак тогда, в Малых Улётах, – угрюмо сказал Костя. – За сказочного скомороха и вовсе ничего бы не было…

– Да? Чтобы оставить всю мировую литературу, все мифы и сказки без трикстера? – воскликнул Колобок. – Чтобы человечество целиком и полностью померло от скуки? Чего стоит квас без дрожжей, застолье без песни, свадьба без драки, муравейник без жука?

– Так что мне – идти на шоссе эту самую фуру с бананами останавливать? – сказал Костя.

– Иди, коли поверил Пыпе, Дрону да братьям Брускам, – сказал Колобок. – Только учти, что хоронить тебя скорбящим родителям нынче не на что!

– Попробуем найти деньги, – сказал Нил Филимонов по прозвищу Джульверн. – Безвыходных положений не бывает. Не может быть, чтобы мы не нашли верное решение! Например, перезанять у ближних своих. Вот ты, Колобок, катаешься по белому свету многие тысячи лет. Наверняка у тебя какие-то заначки есть!

– О, когда-то я был сказочно богат, – горько усмехнулся Виссарион Глобальный. – Владыки земные заискивали передо мной. Ротшильдов с Рокфеллерами, бывало, на ковёр вызывал и мордой об стол возил! Вашего пращура Жихаря, помнится, щедро спонсировал во время шопинга на ярмарке… Увы, всё в прошлом. Даже золотые зубы снесены в ломбард безвозвратно. Я разорён!

– Не представляю, кто бы мог тебя разорить, – сказал Нил.

– Старая знакомая мне отомстила, – вздохнул Колобок. – За то, что я не дал себя сожрать тогда, на лесной тропе. И ведь отомстила-то, сама того не зная, тварь безмозглая!

– Ну-ка расскажи. – Костя даже взял своего вожатого на руки, чтобы лучше слышать.

– Да что рассказывать! – Колобок махнул лапкой. – Все свои сбережения хранил я у цюрихских гномов. В знаменитом Банке-Под-Горой. Процент приличный, сохранность с гарантией. Чтобы злодеям до денежек моих добраться, целую альпийскую вершину придётся своротить. Монблан называется. Или Маттерхорн, не помню точно…

– И что? Всё-таки добрались?

– Да нет, конечно. Сами же гномы мои счета и заморозили. По требованию правительства Великобритании и лично Её королевского Величества.

– За что?

– За пособничество террористам. Дело в том, что сказок про Колобка у европейцев практически нет, так что всю информацию про меня они принимают за чистую монету. А в России моя поучительная для юношества биография издаётся миллионными тиражами, да ещё с иллюстрациями, на которых я запечатлён в обществе лисы… На носу у неё танцую в голом виде, как стриптизёр… Но я же тогда ещё новоиспечённый был!

– Подумаешь! – сказал Костя. – Я тоже в детстве, когда мы однажды в Таиланд ездили, с целым крокодилом фоткался – и ноу проблем. Правда, в шортах.

– Крокодил в шортах? – не удержался от подковырки Филимонов.

Костя грозно зыркнул на него, а Колобок продолжал:

– С Даунинг-стрит гномам сообщили, что это не лиса, а известная ирландская террористка.

– И швейцарские недомерки поверили? – ахнул ботан.

– Так английская разведка МИ-6 привела неоспоримые доказательства: лиса, во-первых, рыжая, а во-вторых – Патрикеевна! То есть дочь Патрика! А святой Патрик – покровитель Ирландии! А что русской лисонькой прикинулась, так её, мол, как раз Москва и крышует…

– Наша бабаня вон тоже Патрикея, – сказал Костя. – А она сто пудов не ирландка! Правда, терроризмом иногда занимается. С помощью лавки и хворостины…

– Я в какой-то старой энциклопедии видел пожелтевшую фотографию, – сказал ботан. – Под ней подпись: «Встреча с кретином в горах Швейцарии». Так что это у них тенденция

такая…

– Три ха-ха, – усмехнулся Колобок. – Конечно, обвинение липовое: якобы я сам собирался ей себя скормить, чтобы вложить свой посильный взнос в дело освобождения Ольстера… Но цюрихские гномы быстро сообразили что к чему, да и включили дурака, чтобы присвоить мои капиталы. Я ж был клиент опасный: мог в любой момент их банки обрушить. Вот они и воспользовались сложной международной обстановкой… А тут ещё небоскрёбы эти… Мне даже какое-то время пришлось скрываться от кровавых ищеек Интерпола. Не от хорошей жизни полез я в старинный глобус! И не остались у меня на память даже зубки мои золотые, чисто декоративные…

– Так, один источник отпал, – сказал Джульверн. – Будем последовательно искать альтернативные…

– Из тебя капиталист, как из меня этот… как его… а, визажист! – вспомнил Костя. – Вот за рекой за Смородиной я бы знал, где денег добыть!

– Купца богатого облегчить? – осведомился Колобок. – Так за такие дела ты бы живо богатыристики лишился…

– А если не нашего, а заморского купца? – не растерялся Костя.

– Ещё не лучше – обрушил бы князю киевскому всю внешнюю торговлю! Да и пришлось бы тебе начинать всё сначала…

– Это почему?

Колобок вздохнул.

– Потому что там правила, как в компьютерном квесте. Если захочешь во второй раз пройти, то все предыдущие бонусы и уровни аннулируются. Ну и нарисуешься ты на богатырской заставе как новичок без роду, без племени, никто тебя не знает, снова будут дедовщина, кухня, конюшня, кузница… Это ещё если примут без моей протекции!

– Нет, я не согласен, – уныло сказал Костя. – Так неинтересно. Кому охота зады повторять?

– Подождите, коллеги, – сказал ботан. – Значит, оттуда, из-за реки, можно пронести сюда материальные предметы?

– Сто пудов, – сказал Костя. – Богатыристику ты и сам в руках вертишь. Да и Святогоровы штаны хранятся за шкафом, а то их мама выбросить хочет. Не догоняет, что Первоматерии сносу нет! А ещё у меня есть ножичек засапожный собственной ковки. Только его всё время приходится чистить…

– Ну да, – согласился Джульверн. – Нержавейку тогда ещё варить не умели… А что же ты богатырский доспех не захватил с собой? Сейчас любой музей с руками бы оторвал!

Костя задумался.

– Скромный он у нас, – сказал Колобок. – Его могли всей заставой на прощание одарить и мечом, и луком, и всем доспехом, да Костя не взял – сказал, что здесь боевая амуниция нужнее. Враги ведь кругом!

– Сознательный, – подковырнул ботан. – Продали бы Эрмитажу или Оружейной палате – всё-таки лишняя копеечка…

– А ты, Нилушка, хоть и умный, а дурак, – сказал Колобок. – Музеи новоделов не принимают! Разве что в качестве муляжей… Оттуда что ни пронеси, будет выглядеть свежей подделкой. Можно, конечно, любой предмет искусственно состарить, но есть же такие специалисты, что…

– Ох, а я-то размечтался, – вздохнул Филимонов. – Но всё-таки стоит пойти за реку Смородину. Потому что там у нас будет один бесценный и неистощимый ресурс: время. Как известно, время – деньги. А времени у нас там будет океан и маленькая лужица. Следовательно…

– Это стоит обмозговать, – поднял пальчик Виссарион Глобальный.

Обложили

…Бывают в жизни такие периоды, когда новый день похож на минувший, а завтрашний будет точно такой же. И послезавтрашний. И послепосле… И кажется, что время застыло и даже подёрнулось тиной, как в тихой заводи…

Но берегись! Сработает где-то незримый пусковой механизм, сонное время распрямится нетерпеливой пружиной и ударит так, что увернуться вряд ли успеешь. А события помчатся, подскакивая, как бильярдные шары по мраморному полу, и обгоняя друг друга…

– …Завари-ка, Костянтинушко, чайку богатырского, да на травах да на бабкиных, – сказал Колобок. – Да с маминими плюшками. Посидим, совет подержим… Авось высидим плодотворную идею…

– Если на травах, то пусть ботаник и заваривает, – сказал Костя. – Но ты же у нас чаю не пьешь… Тем более с плюшками!

– Пью, но вприглядку, – сказал Колобок. – Мне хватает. А плюшек не ем, потому что не Ганнибал какой-нибудь Лектер, а честный солярный символ!

– Вот и займитесь, – сказал богатырь. – А я слетаю в садик за Светланкой. Заберу пораньше, чтобы потом не отвлекаться…

– Я с тобой! – подскочил Филимонов.

Всё-таки жутковато было юному интеллектуалу оставаться наедине с этим сверхъестественным существом, в котором не нашлось ни железа, ни софта, а была одна сплошная антинаучная тайна…

Детский сад «Пятачок» располагался недалеко – только пустырь перейти. Валил мягкий пушистый снег, а в такую погоду, кажется, ничего плохого произойти не может.

Но возле ограды стоял совершенно зловещего вида чёрный автомобиль малоизвестной иномарки. Во всяком случае, Джульверн определить её не смог – значит, мы и подавно не сумеем.

В раздевалке старшей группы к богатырю бросилась хорошенькая воспитательница Ниночка Павловна:

– Костя, Светлану вашу забрать хотят!

– Кто? – не поверил Костя.

– А вот они!

И указала на двух стоящих у стены тёток самого неприятного облика в одинаковых серых пальто с пушистыми воротниками.

– Короче, мы с опеки, – сказала та, что постарше. – Есть такой базар, что малолетку Светлану Жихареву следует изъять из

неблагополучной семьи… Тем более что квартиру вашу конфискуют: в барак на Шлакоблоках переселяетесь!

Костя раскрыл рот и, наверное, так и позволил бы совершиться беззаконию, но находчивый Джульверн выпалил:

– Попрошу ваши документы и судебное решение!

– Ой, – сказала Ниночка Павловна. – Никаких удостоверений они мне и правда не показали…

– А это видел, соплежуй? – сказала тётка помоложе и обнародовала дулю. – Документы ему… Не дорос ещё, чтобы документы у должностных лиц при исполнении спрашивать!

Но воспитательница опомнилась, сделала строгое личико и сказала:

– Да! В самом деле! Ваши удостоверения! Иначе я вызову полицию!

– Звони-звони! – сказала старшая тётка. – Тебя же, бикса долбаная, первую и закроют!

Тут наконец опомнился и Костя. Всё-таки работницы органов опеки, при всех своих пороках, так не выражаются. Они же у нас считаются педагогами!

– Ну-ка, старушки божьи, валите на свой мыльный завод, а к этому садику чтобы на километр не приближаться! – рявкнул богатырь.

– Тщательней готовиться надо! – добавил ботан. – По системе Станиславского!

Тётки переглянулись. Такого форс-мажора операция не предусматривала: обычно русские люди не решаются проверять документы у чиновников и лиц, под них канающих. Не говоря уже про полицейских, поскольку такая проверка в глазах суда равносильна вооружённому сопротивлению вплоть до скола зубной эмали у должностного лица.

– Линяем, шкидла ты карагандинская, – сказала старшая своей спутнице. – Говорила я тебе: не пей, а ты – граммулечку, граммулечку! Вот и не пролезли понты корявые! Твой косяк, твой и ответ!

Младшая без худого слова вцепилась ей в лицо когтями.

– Тут же дети! – возмутился Костя, сгрёб самозванок в охапку, вынес на крыльцо и кинул в сугроб. Потом вернулся за сестрой.

Ботан Филимонов тем временем снисходительно учил жить доверчивую воспитательницу:

– Бдительность никто не отменял! Этак у вас, девушка, всех деток злодеи уведут!

Потом сжалился и братски похлопал по бюсту – мол, с кем не бывает!

Воспитательница даже возмутиться этим не смогла, такой с

ней шок приключился.

– Где Светланка? – спросил Костя.

– Её на всякий случай нянечки спрятали на кухне в пустой кастрюле, – сказала Ниночка Павловна. – Сейчас приведу…

Сестру Костя нёс до дому на руках почти бегом – мало ли что!

А еле поспевавший за ним Джульверн сказал:

– Надо что-то делать! Боюсь, в следующий раз могут и настоящие тётки заявиться! С документами и постановлениями! Всерьёз взялись за вашу семейку!

Ещё бы не всерьёз!

Дома было полно народу: Иван Егорыч, Анна Яковлевна и двое каких-то совсем посторонних мужиков в зимнем камуфляже.

Вот мужики точно были самыми настоящими судебными исполнителями. Они пытались описать имущество злостных должников Жихаревых, а Колобок им всячески мешал: подпрыгивал, выхватывал беззубым ртом авторучку, терзал уже заполненные текстом листы, что-то выкрикивал на неизвестном науке, но явно оскорбительном наречии…

– Хозяин, уйми шавку! – потребовал предводитель. – А то сообщим, чтобы усыпили, или догхантерам в Сети засветим!

Иван Яковлевич беспомощно развёл руками:

– Видите же – не в себе человек…

– Че-ло-ве-ек? – не поверил предводитель. – Так оно – не шавка?

А второй исполнитель сказал:

– Слышал я уже в нашей элитной сауне «Райский парадиз Эдема» от верных людей про этого уникального инвалида. Не связывайся с ним, Семёныч. Ему всё равно ничего не будет, а нам втык дадут за нецензурное обращение с гражданами…

Семёныч еле стряхнул с рукава вцепившегося в камуфляж Виссариона Глобального и сказал с горьким упрёком:

– Чего ты психуешь, воин? Не я же тебя в горячие точки посылал!

– А товарищ Сталин в своё время отправлял вот таких в богадельню на Соловки! Чтобы настроение народу-победителю не портили нелепым внешним видом! – сказал всезнающий Нил Филимонов по прозвищу Джульверн.

– Ну и правильно делал, – сказал Семёныч. – Ладно, за другим разом придём – но тогда уж вы, Иван Егорович, подельника своего призовите к порядку, а то я на него составлю докладную.

– Составляй, – хладнокровно сказал Колобок. – Вы, судебные исполнители, мужики здоровые. Только санитарики в дурдоме

будут куда как здоровей, а после такой докладной они точно за тобой приедут!

Семёныч смекнул, что всё именно так и выйдет, перекрестился на всякий случай и сгинул с напарником.

На мгновение стало тихо.

– Светку нашу мало не утащили, – доложил наконец Костя. – Сто пудов не надо ей пока в садик ходить.

– К бабане отправим, – решил отставной генерал. – Я её прямо сейчас и отвезу. Клуб наш закрыли, так что я теперь всё равно безработный. Снова придётся бомбить…

(Бомбили же в Кислорецке так: бомбила ехал за пешеходом и уговаривал того не трудить понапрасну ноги. А пешеход кочевряжился, пока не сбивал цену практически до нуля.)

– А ко мне прямо на работу пришли эти… коллекторы… Стыдно-то как! – воскликнула маменька Анна Яковлевна и зарыдала.

– Не стоит, голубушка, убиваться из-за этих. – Колобок перестал прикидываться игрушкой. – Ведь даже имя своё они получили в честь канализационного коллектора, где самая дрянь собирается. Суди сама: разве есть на свете хоть один ребёнок, который мечтает вырасти – и не покорять иные миры, а долги из живых людей выбивать?

Недолгие сборы

…Доехали до бабани без происшествий, хотя Костя, сидевший с сестрой на заднем сиденье старенькой «семёрки», то и дело оглядывался. После своих киевских злоключений он старался держать ухо востро.

– Да кто там станет нас выслеживать – в такую метель! – сказал Филимонов. – Переоцениваешь ты интеллект адептов мыльного завода!

– В любом случае бдительность терять нельзя, – глубокомысленно сказал Колобок, чтобы последнее слово осталось, как всегда, за ним.

Богатырь вздохнул и пошёл открывать бабанины ворота.

Казалось бы, не много времени прошло с той поры, как вернулся Костя Жихарев из Руси Былинной, а сильно переменилась деревня Малые Улёты! Вот что значит связь с цивилизацией!

Урки с мыльного завода, починив по Костину хотению снесённый паводком мост, спешно укатили в город – горевать и скрежетать зубами в бессильной злобе. А все стройматерьялы и технику, доставленные на барже, оставили немилостивому победителю.

Местные жители этим воспользовались: вызвали детей и внуков, что маялись в городе без работы, и до осени подремонтировали свои жилища. И даже кое-что построили.

Европеич и Азиатыч были близнецы-братья, прозвища же свои получили потому, что один закончил войну в Берлине, а другой – в Харбине.

На усадьбе деда Европеича повесили вывеску «Автосервис по-берлински», а соперник его Азиатыч открыл кафе «Утка по-харбински». И не зря: через восстановленный мост косяком пошли машины, а в саму деревню зачастили туристы из разных мест.

Туристы искали клад легендарного разбойника Чуркина – статью на эту тему как нельзя вовремя напечатали в местной газете. И явно неспроста. Поскольку места возможного захоронения сокровищ почему-то совпадали с огородами аборигенов.

…Бабаня Патрикея Маркидоновна, поджав губы, выслушала исповедь внука-генерала.

– Хворостиной бы тебя, – сказала она. – Да вам и так не сладко. Теперь хоть все ко мне переезжайте – если, конечно, и эту избу за долги не отберут. Я-то через два раскулачивания прошла, уж я-то знаю…

Костя, Нил и Колобок приехали вместе с генералом и Светланкой в расчёте остаться на уик-энд.

За эти выходные нужно было сделать немало – да практически всё, что составит дальнейшее содержание данного текста.

– Мать за тебя переживать не будет? – спросил Джульверна Иван Егорыч.

– Некогда ей переживать, – сказал ботан. – Поэтому она мне доверяет.

– Ну, совсем взрослые мужики выросли, – сказал отставной генерал Жихарев и уехал в город, чтобы держать оборону от кредиторов и коллекторов.

– Как бы он сам глупостей не натворил, – озабоченно сказал Костя.

– У него своя задача, у нас – своя, – сказал Колобок. – Надо собираться в дорогу, хотя получилось всё как-то скоропостижно…

– Да! – вспомнил Филимонов. – А где же ваш знаменитый филин?

– Кузьму-Демьяна я уже проинструктировал, – важно сказал Колобок. – Он будет сопровождать нас под прикрытием. Так надо. И вообще, слушайтесь своего вожатого, то есть меня, во всём, потому что идёте в неизвестность…

На сборы ушёл весь следующий день.

Костя собирал в огромный рюкзак всё что мог из продуктов – он хорошо запомнил, как за рекой Смородиной проснулся в нём богатырский метаболизм и как нестерпимо хотелось жрать.

Жители деревни знали, кому они обязаны неожиданным возрождением, поэтому охотно делились с правнуком Маркидоновны своими припасами и заготовками.

– Только никаких консервных банок – ни стекла, ни жести! – заявил Колобок. – У деда Азиатыча возьмём несколько берестяных туесков.

– Это чтобы не возник хроноклазм, – важно пояснил Косте Филимонов. – Откуда консервные банки в эпоху…

– Не умничай, отрок, – сказал Колобок. – Никаких хроноклазмов. Просто туески легче и удобней. Проверено веками. Но одеться нужно попроще, без всяких портретов на футболке. Часы, кстати, можешь здесь оставить. За рекой они действительно бесполезны – разве что в качестве браслета… Но ты же не станешь продавать подарок самого Штакеншнейдера – с тонометром, хронометром и шагомером!

– Идея! – подпрыгнул Джульверн. – Ведь можно там что-нибудь впарить местным жителям – и наварить! Бусы какие-нибудь пластмассовые… Банки из-под пива…

– Верно Костя сказал – какой из тебя капиталист! – засмеялся Колобок. – Идём-то мы не в реальное прошлое, а в легендарное.

– А какая разница?

– Существенная, – сказал Колобок. – Если вы хотите вернуться домой с деньгами, вы эти деньги должны заработать. Не украсть. Не отобрать. Не развести тёмных лохов на бабки, а заработать. Иначе золото и серебро на этом берегу Смородины превратится в сухие листья, в черепки и прочий мусор…

– Вон что… – пригорюнился Нил. – А ведь можно было накупить в городе перца и прочих гвоздик с корицами. Тогда никаких проблем бы не было – пряности ценились на вес золота, если не выше. Мешок перца окупал любые расходы на экспедицию…

– Легенды такими презренными материями не занимаются, – сказал Колобок. – А вот инструмент кое-какой отсюда взять стоит – мало ли что в дороге понадобится!

– Не успел я домой зайти, – сказал ботан. – Один мультитул при мне. Патрикея Маркидоновна, можно я вас слегка раскулачу?

Бабаня никаких вопросов насчёт грядущего путешествия не задавала – то ли знала всё, то ли Виссарион Глобальный её успокоил.

– Сходите лучше к Европеичу, – сказала она. – Вот кого давно пора раскулачить! Он у себя под видом автосервиса игорный дом завёл и приезжих в карты раздевает. Вылезло его тёмное прошлое! Если денег нет, берёт натурой – покрышки, домкраты, инструмент, аптечки, приёмники, мобильники… Когда дед начнёт жмотничать, скажите, что бабка Патрикея велела и приговаривала: всё равно на тот свет с собой ничего не утащишь!

И действительно – эти простые слова возымели на Европеича сильное и желаемое действие, так что Филимонов приволок целый мешок всякого добра.

– Всю ночь прокопаюсь, – молвил он и зевнул. – Кстати, куда идём-то? В Киев или поближе?

– Пойдём в Новгород, – сказал Колобок. – Там мы ещё не были, да и денег в тех местах поболе, чем в Киеве. Так что подчитайте новгородские былины на всякий случай…

– Новгород – годится, – сказал ботан. – А как мы здесь деньги отмоем, я уже придумал.

– Ух ты, – хихикнул Колобок. – И как же?

– Как в фильме «Бриллиантовая рука»! Мы сами закопаем и сами найдём клад разбойника Чуркина! И по закону получим половину его стоимости. Я уже присмотрел тут один ветхий сундучок, если хозяйка не возражает…

Колобок хмыкнул:

– Мало ли какие монеты мы оттуда вынесем! Вдруг специалисты придерутся, что чекан не тот, происхождение неясное…

– Мало ли кого разбойник Чуркин мог в своей беспокойной жизни ограбить! – возразил умный мальчик.

…Никакой зимы по ту сторону реки Смородины действительно не наблюдалось.

– А где же ваш Калинов мост? – Нил Филимонов растерянно озирался в окружившем их тумане.

– Некогда нам в игрушки играть, – сказал Колобок. – Некогда тебе обряд перехода устраивать. Можно и без моста обойтись, чисто моим волевым усилием.

– А почему туман? – спросил Джульверн.

– Потому что происхождение всех мифов и легенд туманно и загадочно! – сказал Колобок.

– Жарковато, – вздохнул Костя. – А мы во всём зимнем… Давай мы верхнюю одежду здесь зароем в пластиковом мешке, а когда будем возвращаться – заберём…

В дорогу они оделись, как и велел Колобок, попроще. А проще рабочих ватников ничего не придумаешь. Ватники нашлись у того же запасливого Европеича…

– Значит, так, – в голосе Виссариона Глобального послышались командирские нотки. – Телогрейки аккуратно свернуть и приторочить к рюкзакам. Ботинки снять и спрятать под вещами. Из-за башмаков здесь запросто получишь арбалетный болт в спину. В этих краях можно смело ходить босиком – Костя знает… Эй, богатырь, лапти плести не разучился? Нет? Вот и молодец.

– Не представляю, зачем может пригодиться телогрейка, – сказал Филимонов.

– Именно что – не представляешь! Вот когда на первом же постоялом дворе тебе выдадут подушку, набитую вместо духовитого сена отборными клопами, ты очень даже представишь! – сказал начальник экспедиции. – Кроме того, телогрейка – тот же поддоспешник…

Костя всё упаковал легко и сноровисто – навострился на богатырской заставе собирать в поход старших товарищей. А Филимонов очень быстро перенимал всякую науку.

– В тумане могут таиться чудовища, – сказал он, управившись со своей поклажей. – Надо хоть палками вооружиться…

– У нас дозорный имеется, – утешил его Виссарион Глобальный. – Ему туман нипочём – вон глазищи какие здоровые! Все четыре!

– А почему ваш филин под прикрытием? – сказал ботан.

– Потому что в многолюдный Новгород направляемся, а не на глухой лесной хутор, – сказал Колобок. – Народец ушлый,

торговый. Никого Кузьмой-Демьяном там не напугаешь, а вот ловить его будут, как диковину на продажу, все, кому не лень. Да и в дальнейшем… Ладно, присели на дорожку, сосредоточились…

– Обидно, – сказал Филимонов.

– Что обидно? – спросил Костя.

– Обидно, что не в научную экспедицию идём, а на заработки, словно голодные таджики из горного кишлака!

– Так тебе же объяснили, что разбой не имеет смысла, – сказал Костя. – Поэтому придётся работать. Привыкай!

– Хотя никто тебя не неволит, – заметил Колобок.

– Ещё как неволит, – сказал Джульверн. – Мне надо маму на операцию в Германию отправить…

– А чего молчал?

– Ну вот сказал же…

– Иногда мне вас, людей, очень трудно понять, – вздохнул вожатый. – То ли и впрямь медицина такая дорогая стала, то ли врачи ваши от жадности очумели…

Тут в туманных верхах захлопало, зашумело – и некая тёмная масса мягко шлёпнулась на поляну.

Это была здоровенная ворона с огромным калганом и совсем уж фантастическим клювом.

Филимонов взвизгнул, подпрыгнул и встал, Костя поднялся не спеша, с достоинством.

Колобок хихикал.

Ворона замотала страшной своей башкой и с помощью крыльев сняла причудливую маску.

Кузьма-Демьян уставился на путников всеми четырьмя глазами.

– Нештатная ситуация, – сообщил он.

– Всем лечь, – негромко сказал Колобок. – Не шуметь. Нас здесь нет. Авось пронесёт. Наше счастье, что туман ещё не развеялся…

Филимонов уже открыл рот, чтобы задать умный, но неуместный вопрос – и опомнился.

Вскоре послышались голоса – слов было не различить, но ясно, что кого-то в тумане били. Избиваемый жалобно визжал, обидчики хохотали…

Костя Жихарев дёрнулся, чтобы прийти на помощь неведомому бедолаге, но Колобок погрозил кулачком.

Так и лежали тишком, покуда неизвестные люди не удалились.

– Всё под контролем, – сообщил Кузьма-Демьян, натянул свою маскировку и взмыл вверх, помахав на прощание фальшивым вороньим хвостом.

– Ну, он у вас прямо Бэтмен! – восхищённо сказал ботан. – Даже два Бэтмена!

– Моя школа, – сказал вожатый и потупил бесстыжие изюмные глазки: готовила и учила филина маскировке лично Патрикея Маркидоновна.

– Как-то нехорошо получилось, – сказал Костя. – Несправедливо.

– А разве вы за справедливостью пошли? Вы за деньгами пошли, – сказал Колобок. – Вдруг эти люди вооружены? Да ведь наверняка и вооружены. В окрестностях большого торгового города нередко бродят разбойники. Или стражники – тоже те ещё ребята…

Ну ладно, встали да пошагали!

Туман слегка рассеялся, и впереди замаячило что-то монументальное, а под ногами обозначилась дорога. Не подвело Виссариона Глобального чутьё!

Тут подул ветерок и подразогнал надоевшую мглу.

Сооружение действительно оказалось пьедесталом, на котором высились огромные раззолоченные литеры:

ГОСПОДИН ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

К пьедесталу была кое-как присобачена фанерная или картонная стрелка, указывающая куда-то в сторону. На стрелке корявыми буковками было написано:

«А в вашей ……. Москве ещё и конь не валялся!»

– Гордые люди новгородцы, – восхищённо сказал Колобок. – Правильно себя понимают. Отцы русской вечевой демократии! Вернее, прадедушки. А теперь, господа, вспомните, кого мы в этом самом Новгороде должны найти, а кого обойти… Кстати, теперь можно и обуться: в богатый мегаполис идём!

Кого найти…

Был когда-то город, стоящий на реке Волхов, крепкой и процветающей торговой республикой вроде Венеции, Генуи и ганзейских Любека, Данцига, Бремена. Новгород даже состоял в этой самой Ганзе (торговом союзе) в качестве ассоциированного члена, говоря нынешним языком.

Своим богатством, мощью и независимостью подобные города безмерно гордились. Венеция, например, величала себя «Сереniссима» – светлейшая. Её выборный глава – дож – каждый год обручался с морем, бросая в волны золотое кольцо. По идее море должно было теперь ему подчиняться, словно законная супруга. На деле так получалось не всегда – но ведь и в семье всякое бывает! Зато символично!

А новгородцы-то чем хуже? И прибавили гордецы к имени города слова «господин» и «великий». А их державный слоган звучал так: «Кто против Бога и Великого Новгорода?»

И люди здесь жили совсем другие. И герои были другие.

Их нельзя назвать богатырями. Потому что нужды у новгородцев в собственных богатырях не было. Таковых можно было попросту купить. Нанять. Использовать. Потом уволить – не кормить же этих проглотов в мирное время!

У новгородцев даже князь был не более чем военным чиновником на службе народа. Не понравился – пинком прогоняли. В том числе и Александра нашего Невского. Характерами не сошлись с «Господином Великим» – больно гордые оба были.

И степные захватчики сюда не дошли, побоялись застрять в болотах. Правда, по другой версии, новгородцы просто откупились, как привыкли откупаться от любых неприятностей. Недаром в былинах новгородского цикла никаких татар не водится, а Золотая Орда упоминается лишь в качестве торгового партнёра.

Поэтому один из двух новгородских героев былин – гусляр и торговый гость (то есть купец) по имени Садко. Сейчас это имя носят кинофильм Птушко, опера Римского-Корсакова, круглое шоколадное печенье, неплохая фольклорная группа, непристойная народная песня, множество рыбных ресторанов и один глубоководный спускаемый аппарат.

Откуда взялось такое странное имечко, остаётся только гадать. Одни учёные производят его от иудейского Садека или Цадека. Тем более что и на струнном инструменте виртуозно играет, и торгует успешно! Другие возражают – э, слушай,

уважаемый, да это же наш правоверный казанский Садык! Есть извод (вариант) былины, в котором герой приходит именно с Волги…

А прославленные академики Платонов и Невтонов вообще считают Садко предком бесстыжего писаки маркиза де Сада. Так-де заезжего французского негоцианта (это нежное слово обозначает опять-таки купчину) ласково величали новгородские красавицы…

В некоторых текстах имя нашего героя пишется как «Сотко Сотинич». Именно так звали торговца, который, согласно летописи, в 1167 году построил в Новгороде каменную церковь в честь первых русских святых Бориса и Глеба. А коли проставлена дата, так это тот самый Садко и есть, который зажигал у Морского царя…

Правда, выйти богатому гусляру из подводного плена пособил, согласно былине, святой Николай-угодник, он же Никола Морской. Водная стихия – именно его сфера влияния. Нестыковочка выходит с каменной церковью…

Впрочем, предания о герое, побывавшем на дне моря и вернувшемся оттуда с сокровищами, есть у многих народов. А в японской сказке эту роль играет и вовсе не человек, а обезьяна с острова Саругасима…

Но каких бы кровей ни был наш музыкальный негоциант, прежде всего он новгородец – человек сильный, решительный, надеющийся только на самого себя. Богатство ему не в наследство досталось. До того, как приподняться, Садко жил тем, что перебирал гусельные струны и пел на тогдашних корпоративах. А когда приглашать перестали, вышел на берег Волхова и растрогал своей игрой местного водяного владыку. И тот помог виртуозу разбогатеть, заключив с новгородской элитой великий спор о рыбке с золотыми перьями и выиграв его…

Былины новгородского цикла более реалистичны, чем сказания о киевских богатырях. По ним можно судить, какие нравы и обычаи царили в тогдашнем городе.

Там, где большие капиталы, – там и азарт великий! Игральных карт и рулетки ещё нету. Мечут кости (зернь), рубятся в шашки и шахматы. Делают ставки на бегущих жеребцов и на кулачных бойцов. Можно мгновенно сколотить состояние и мигом его профукать. Каждому веку свой Лас-Вегас и свой Монте-Карло…

Разбогатевший на рыбке Садко похвастался, что может скупить все товары новгородские. Ударил об заклад (заключил пари, помазал) с той же самой элитой новгородской, что звалась «золотые пояса». Три дня покупал, весь потратился, а товары всё

везут и везут…

Почесал гусляр затылок и молвил слово патриотическое:

Не я, видно, купец богат новгородскиий, —
Побогаче меня славный Новгород.

На остатки капитала снарядил бедняга тридцать кораблей и поплыл в далёкие страны:

Поехал Садко по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,

А со Ладожска во Неву-реку,
А со Невы-реки во сине море.

Машрут вполне точный и реальный: у тогдашних судов осадка была небольшая, везде проходили.

Зато потом начинаются басни:

Как поехал он по синю морю,
Воротил он в Золоту Орду…

Какая такая Орда на Балтийском море? Или басурмане уже и Швецию с Норвегией… того?

И становится понятно, что хоть сложена былина в Новгороде, но пересказана явно не новгородцем. Этот сказитель другой «загранки», кроме Орды, и представить не может, да ещё и путает Волхов с Волгой…

Потом у нашего Садка (всё верно, имя это склоняется) начались неприятности с погодой, метание жребия, путешествие на дно морское…

Но есть и другой вариант былины: Садко (тот самый, который пришёл с Волги) скупил-таки все новгородские товары вплоть до битых горшков включительно!

Ну, это присочинил явный недоброжелатель вольного города. Московский пропагандист того времени…

Да, в ещё одном изводе былины очень современный финал:

И тут Садко-купец богатый гость
Со всех кораблей в таможню положил
Казны своей сорок тысячей,
По три дни не осматривали.

За три-то дня весь нерастаможенный товар на берег можно перетаскать!

А вы говорите – коррупция, коррупция… Традиция!

Вас вызывает Буслай

…Нил Филимонов по прозвищу Джульверн закончил свои расчёты и отложил в сторону калькулятор на солнечной батарее.

– Для того чтобы заработать необходимую сумму, Косте придётся вкалывать грузчиком на новгородском буяне двадцать восемь лет, семь месяцев и три недели. Ну допустим, что меня, чужака, примут в качестве писаря-счетовода, хотя такие должности только для своих. Срок сократится, но незначительно. Ведь нам придётся платить за ночлег и еду. Даже если мы поселимся в посаде у одинокого бедного старичка и даже при здешней дешевизне контрабандных продуктов. Потом мы обзаведёмся семьями, пустим корни и раздумаем возвращаться…

Костя аж взвился:

– Какие такие корни? Жихаревы своих не бросают! Сто пудов вернёмся! Даже двести!

Ботан грустно улыбнулся.

– Вернёмся не мы, – сказал он. – Вернутся двое неизвестных граждан без документов и определённых занятий, с окающим выговором и с небольшим мешочком золотых монет. Мешочек, ежу понятно, бесследно пропадёт со склада вещественных доказательств. А нам придётся давать признательные показания…

– Какие показания, дурилка? У нас же всё будет по чесноку!

– Нас попросят по чесноку показать, где мы, два бомжа в карнавальных прикидах, закопали тела невинно убиенных несовершеннолетних Жихарева Константина Ивановича и Филимонова Нила Эдуардовича, за которых себя выдаём. Если попадётся хороший адвокат, отделаемся пожизненной психушкой…

Костя подумал-подумал – и в ошеломлении кивнул. Потому что в нашем правовом пространстве по-другому быть просто не могло.

– Мы никакие не попаданцы, – вздохнул он. – Мы пропаданцы!

Друзья сидели друг против друга за столом в небольшой чистенькой гостиничной комнате, которую ботану удалось снять за приемлемую цену.

– Вот ты смеялся, когда я тебя всю мелочь из копилки выгрести попросил, – сказал Филимонов, когда они без проблем поселились. Необычная одежда путников не смутила новгородцев – тут и не таких видали! – Куда, мол, они за рекой годятся! – продолжал Нил. – А вон как хорошо на меняльном дворе пошли!

– Ты и меня удивил, – сказал Колобок. – Ведь ваши монеты не золото и не серебро, а так, не пойми что…

– Э, – сказал Джульверн. – Я исходил из того, что всякий меняла поневоле коллекционер-нумизмат. Должно же быть и у делового человека какое-то увлечение! Наверняка они откладывают для себя редкие экземпляры. А реже монет Российской Федерации здесь быть не может! Чеканка высшего качества, да ещё насечки по ребру!

– Надо вернуться, собрать все оставшиеся в доме деньги и разменять! – воскликнул Костя.

– А вот тогда российским денежкам выйдет полная инфляция, – сказал Филимонов. – Менять их надо небольшими партиями и желательно в разных городах…

– Причём до поры, – мрачно заметил Колобок. – Где-нибудь наверняка подвернётся бдительный изувер и завизжит: «Это дьявольские деньги! Человеческие руки не в силах выполнить такую тонкую работу!» Сами-то менялы, ясное дело, ни во что не верят, но среди их клиентуры…

Во всяком случае, стало понятно, что в былинном Новгороде можно продержаться несколько дней под крышей и с хозяйским столом. А продукты в рюкзаке решили приберечь на всякий случай…

Старшина новгородского буяна (так на Руси ещё в начале прошлого века называлось место разгрузки судов) поглядел, как Костя подбрасывает и ловит две дубовые колоды, – и сказал:

– С дорогой душой беру тебя, отрок! Медную денежку в день уж как-нибудь от себя оторву! Работают у нас от первого света до последнего, а всё остальное время – спи-отдыхай али буянь по кружалам с товарищами!

(Ясно, откуда появился глагол «буянить»?)

– Денежку в день своей кошке будешь платить за мышиную охоту, дядя, – сказал ботан, выступивший в роли продюсера Кости. – Мой клиент в этом… а, во Пскове, чистую гривну серебра подённо получал!

– Так и оставался бы во Пскове, – сказал староста и скривился: Псков был давним соперником Новгорода.

– Прослышали мы, – сказал Филимонов, – что новгородские хозяева не чета псковским скобарям – богатые и щедрые!

– Оно, конечно, верно, – проокал староста, – только гривну в день даже веденецкий дюк никому не платит и сам не получает!

– Это пахан здешний, что ли? – тихонько спросил Костя.

– Это дож Венеции, – так же тихо ответил ботан, а в полный голос потребовал: – Набросить надо бы, хозяин! Детский труд

эксплуатируешь – за это по головке не погладят! Да ещё педофилию приплюсуют!

От таких страшных слов староста закатил глаза, пошевелил усами, пятернёй расчесал бороду…

– Ладное дитятко! Добро, по тароватости своей удвою плату: уж больно молодец дороден!

– Я худею! Но мы обдумаем ваше предложение, – с превеликим достоинством сказал Филимонов. – Завтра тоже день будет…

И потащил Костю за собой.

Колобок затаился в богатырском рюкзаке и в собеседовании не участвовал.

– …Вот поэтому в народе и говорят: «От трудов праведных не наживёшь палат каменных»! – сказал Виссарион Глобальный, удобно примостившийся в глиняной миске посреди стола.

– А как же насчёт честных денег? – сказал ботан. – Чтобы они потом в черепки не перекинулись?

– Бывает так, что можно заработать и честно, и много, – сказал Колобок. – Надо только в здешней конъюнктуре разобраться…

– А если в дружину пойти? – с надеждой спросил Костя. – Хлопну об стол богатыристикой – махом примут, обмундирование выдадут, на пайковое довольствие поставят!

– Сразу видно – генеральский сынок, армейская косточка! – сказал Колобок. – Только для князя наёмного твоя богатыристика не документ. Подействовать она может разве что на Садка, поскольку он и сам былинный герой. Вот только где его искать? Вдруг мореплаватель наш в очередной экспедиции?

Тут с шумом распахнулась дверь – не иначе, пинком открытая.

К сожалению, на пороге нарисовался вовсе не Садко, как случилось бы в любой уважающей себя сказке. А у нас-то правдычка суровая!

Там стоял невзрачный шпендик в сером кафтанчике и серой же шапочке. Другую шапку он вертел в руках, явно показывая сей головной убор обитателям комнаты. Эта шапка была нарядная, красная, расшитая золотыми нитями. Примерно в такой Иван-царевич с известной картины рассекает дремучие леса верхом на сером волке и с краденой царевной в охапке.

Некоторое время обе стороны в напряжённом молчании изучали друг друга.

Первым не выдержал шпендик:

– Вы чего мешкаете? А ну – встали да побежали! Он ждать не

любит!

И в доказательство потряс красной шапкой.

– Ты кто таков, младой утырок, какого роду-племени? – сказал Костя. Помаленьку возвращался к нему словарь Руси Былинной. – Из какой земли, какой орды?

– Я – Потаня Маленький! – сказал шпендик с такой гордостью, словно представился Карлом Великим.

– Видим, что небольшой, – сказал Нил. – И что тебе нужно, невеличка ты наша?

– А, вы тут новики, – сказал Потаня с пренебрежением. – Порядка покуда не знаете. Требует вас к себе сам Василий свет Буслаевич! Шапку его в Новгороде каждая собака знает и при виде её трепещет и подчиняется!

Вот уж с кем встречаться не хотелось! Хотя…

– Костян, может, мы с этим отморозком Васей договоримся? – прошептал Филимонов. – Тем более он богатый, деньгами швыряется…

– Нет уж, – сказал Костя. – Богатыри с бандюганами не договариваются. Они их до седла рубят!

И обратился к послу:

– Если нужны мы твоему боссу, то пусть он сам сюда явится! Хлеб за брюхом не ходит!

И покосился на дремлющего в миске Колобка: не оскорбится ли?

– Не хотите по-хорошему – по-худому пойдёте! – посулил Потанюшка Маленький, и, не дожидаясь честно заработанного пенделя, вылетел из помещения во двор.

…а кого обойти

Фигура новгородского дебошира и бандита Васьки Буслаева в прошедшем веке распиарена в России была до неимоверности, как надувной богатырь, рекламирующий у кинотеатра известную серию мультфильмов.

Особенно возлюбил этого громилу классик русской и советской литературы Максим Горький.

Он писал: «Василий Буслаев – не выдумка, а одно из величайших и, может быть, самое значительное художественное обобщение в нашем фольклоре».

Классик вообще предпочитал честным труженикам всяких бродяг, бомжей, босяков, уголовников и прочую нечисть. Такая мода была в те времена, накануне череды русских революций. Поэты, художники, композиторы воспевали вольную волюшку и её криминальных носителей. Не умолкает и в нынешнем русском застолье песня о том, как атаман Стенька Разин героически утопил персидскую княжну… А как иначе обезвредить шахидку?

Да и пришедшие к власти большевики считали уголовников «классово близкими»…

А великий режиссёр Сергей Эйзенштейн в великом (но исторически, мягко говоря, некорректном) фильме «Александр Невский» вывел Ваську этаким добродушным силачом, гасящим псов-рыцарей первой подвернувшейся оглоблей. Актёр и режиссёр Николай Охлопков, сам мужик здоровенный, просто купается в этой роли…

Между тем былины умалчивают о каких-либо военных подвигах «дородного доброго молодца» в деле защиты родимого Господина Великого Новгорода. А рисуют они личность малосимпатичную…

Отцом Васьки был некто Буслай, доживший до девяноста годов благодаря покладистому характеру:

> С Новым-городом не спаривал,
> Со Псковом он не вздоривал,
> А со матушкой Москвой не перечился.

Немал-человек, похоже, был старик Буслай! Возможно, даже посадник новгородский, определявший всю политику республики! А кто бы ещё мог «спаривать», «вздориться» и «перечиться» с иными городами?

Помер пожилой миролюбец, когда Васька был ещё малым

ребёнком, – вот и лишился парнишка мужского воспитания. Отсюда и все беды: в семилетнем возрасте он выдёргивал руки-ноги у сверстников, «побивал их смертию напрасною», так что люди постоянно приходили с жалобами к матушке хулигана, «честной вдове Мамелфе Тимофеевне» – только её он и слушался. Мама посадила сына под домашний арест.

Но не век же ему в тереме сидеть! Достигнув семнадцати лет, наследник огромного состояния, обученный всяческим наукам, сколотил собственную дружину – тридцать молодцев без единого. И поспорил «о велик заклад» (в Новгороде, видно, без этого не живут!) с тремя князьями, что его пацаны побьют всех городских мужиков на мосту через Волхов. Там было место традиционных кулачных боёв.

Предвидя неприятности, мамаша срочно засадила Ваську в глубокий погреб. И новгородские граждане в пух и прах разнесли обезглавленную дружину, «попятили» буслаевских бойцов и связали кушаками.

Но дворовая девка, видя такую беду, освободила хозяина. (При этом она уничтожила железным коромыслом полтыщи горожан.) И уж только потом наш Васенька приступил к массовому истреблению сограждан железной осью, отчего

> Мужиков новгородских мало ставится,
> Очень редко и мало их.

Ну, руководство города побежало к маме – уйми чадо милое, а то управлять станет некем!

Мамелфа Тимофеевна, не надеясь на свой авторитет, послала жалобщиков в Сергиев монастырь за крёстным отцом героя, неким Старчищем Пилигримищем. Огорчённый известием о бесчинствах крестника, монах снаряжается в дорогу:

> Одевает Старчище кафтан в сорок пуд,
> Колпак на голову полагает в двадцать пуд,
> Клюку в руки берёт в десять пуд.

Он что, в ратные доспехи облачается? Вовсе нет. Современнику, слушающему былину, было совершенно ясно, что речь идёт о веригах – тяжёлых грузах, которые навешивали на себя кающиеся христиане ради искупления грехов своих. Видно, Старчище тоже неслабо покуролесил в молодые годы, так что пришлось ему и в монахи постричься, и паломничество во Иерусалим совершить (потому он и Пилигримище). Ясно, что

буйного Васю крепкий дедок хорошо понимал.

И что же ответил честному старцу на кроткие увещеванья крестничек любимый?

«Ай же ты, мой крестный батюшка!
Не дал я тебе яичка о Христовом дни,
Дам я тебе яичко о Петровом дни!»
Щелкнул как крестного батюшку
Тою осью железною,
Железной осью сорокапудовою:
От единого удара Васильева
Крестному батюшке славу поют.

Страшный, непрощаемый грех убить крёстного – всё равно что родного отца на тот свет отправить! И вот этого выродка прикажете считать образцом русского характера, примером широкой и разгульной славянской души? Это «полётка соколиная», это «поступка молодецкая»?

В нашу эпоху политкорректности никогда не назовут негодяя негодяем. Постесняются или побоятся. И придумывают всякие пустые слова: «противоречивый», «неоднозначный», «амбивалентный»…

Вот и сказитель не говорит ни слова в осуждение героя – сами, мол, судите, господа хорошие, кто перед вами.

(Хотя нет, намёк он всё-таки даёт в самом начале былины. Какие такие дети могли быть у девяностолетнего-то Буслая? Васька – явно дитя, рождённое вне закона, заугольник, суразёнок, бастард, ублюдок! И ведёт себя соответственно представлениям своего времени!)

…В конце концов суразёнок утихомирился, подчинился «старой матушке», удалился в свои палаты белокаменные и жил себе «во праздности», как привык.

Но… даже негодяю надо иногда честь знать. И отправляется Вася с великим материнским благословением во Святую Землю, подобно убитому им крёстному. Раскаялся? Сам он признаётся встречным купцам:

А моё-то ведь гулянье неохотное;
Смолоду бито, много граблено,
Под старость надо душу спасти.

Сто лет ему не нужен Иерусалим, но… так принято. Так прилично. Иначе народ не поймёт!

Только идет герой со дружиною каким-то странным маршрутом – через Ильмень-озеро в Каспийское море! Ох, былинная география, беда с тобою! Опять реку Волхов с Волгой перепутала! А православных паломников – с мусульманскими, которые спускались по реке до Каспия, а потом шли через Иран в свою Мекку!

Но что утешает в былинах про Ваську, так это их финал, всегда трагический для мерзавца. Не уберегло и паломничество.

Лежал на горе череп, «пуста голова человечья». Мешал он тебе, Вася? Зачем ты, Вася, его пнул? Мы и так знаем, что ты не принц Гамлет, который бережно поднял с земли череп шута Йорика и сказал о нём доброе слово.

Да любой нормальный герой сказки похоронил бы «мёртвую голову» с честью, а за это впоследствии покойник ему бы как-нибудь помог. Но ты же ненормальный, Вася Буслаев! Ты убеждённый негодяй! И тебе уже никто и ничто не поможет!

И свернул новгородский бандюган дурную свою башку во время состязания по прыжкам в длину через чей-то надгробный камень.

В некоторых изводах былины роль рокового камня играет совсем уж фантастическая «пучина тысячеглазая» – чуть ли не из древнеиндийской мифологии образ…

Из-за Василия Неоднозначного чуть было не поубивали друг дружку академики Платонов и Невтонов. Первый утверждал, что В. Буслаев – ярый язычник, борец с чуждой народу византийской верой. Второй доказывал, что В. Буслаев есть первый русский крестоносец, и в Иерусалим он ходил не кланяться, а бить басурман в компании с немытыми и неграмотными европейскими баронами. Полицию и «неотложку» пришлось вызывать. Коллеги только в реанимации и помирились!

Даже в наши дни новгородский ухарь воду мутит…

И тем не менее остался Василий Буслаев в памяти народной. Потому что люди нуждаются в идеале. Вон американцы нашли в своей куцей истории героя – ковбоя Билли Кида. И сняли про него кучу фильмов – какой у нас Били меткий, храбрый и благородный. А в жизни это был обыкновенный убийца-психопат.

И про Васю у нас отдельный фильм сняли. И такой хорошенький, кудрявенький актёр его играет, словно со старой открытки «Люби меня, как я тебя».

А господа уголовнички до сих пор плачут по ресторанам, когда им поют шансон про старенькую маму… Традиция!

Бой на волховском мосту

– Без махаловки не получится, видать, – сокрушённо сказал Костя. – Как всегда, сперва самого мелкого подсылают, а потом всей кодлой наедут.

– Только не надо в гостинице разгром устраивать, – сказал ботан, и голос его предательски задрожал. – Выгонят нас отсюда и заставят платить за поломанную мебель…

– На улице и убежать куда будет, – подковырнул его Колобок. – Хотя Нил прав. Соберите-ка всю поклажу с собой – вдруг и вправду придётся отступать. Против всего Господина Великого Новгорода нам не выстоять! А на чужаков могут все ополчиться, забудут и обиды Васькины…

Они спустились по лестнице и вышли на улицу.

Былинный Новгород был весь пригожий и чистенький, как на рисунке в летописи. А белоснежный собор Святой Софии по здешним масштабам не уступал московской высотке.

По каменному мосту через Волхов неустанно бегали туда-сюда шустрые мальчишки с деловым видом.

Костя поймал одного шустряка на бегу, ухватил за плечо и спросил:

– Куда несёшься, отроче?

Малец поглядел на богатыря с почтением и бойко отрапортовал:

– Грамотку волоку с Детинца во кузнечную слободу!

– Отпусти его, – сказал Филимонов. – Тут все поголовно грамотные и царапают на берёсте послания друг дружке. Вроде наших эсэмэсок. Их на раскопках находят видимо-невидимо…

А маленький вестник помчался дальше, показав язык.

– Эх, надо было расспросить его, где Садко живёт, – сказал ботан. – Кто лучше почтальона город знает?

– Думаешь, Садко нас отмазывать станет? – сказал Костя. – Мы ему не братья родные…

– Поздно, – голос у ботана стал сиплый. – Никто нас уже не отмажет…

На противоположном конце моста возвышался огромный, как памятник Ленину, матёрый человечище в красном кафтане нараспашку. Под кафтаном алела косоворотка. Красными были и атласные шаровары, и мягкие сапожки с загнутыми вверх носами. А венчала всю эту красноту уже знакомая нам шапка.

И бритая рожа у него была красная-красная, как из бани!

В правой руке человечище держал дубину и похлопывал этой дубиной по ладони левой руки.

Миновать его не было никакой возможности. Новгородцы, спешившие на другой берег Волхова, охали и поворачивали назад – от греха подальше.

Друзья остановились и застыли – словно ждали, когда красный человек сперва пожелтеет, а потом станет зелёным – и можно будет пройти…

Бежать было стыдно, драться – страшно, чего уж там. При всём своём богатырстве Костя Жихарев был всё-таки мальчишка, а поджидал его опытный и безжалостный боец.

– Джульверн, ты бы побазарил с ним, – сказал Костя. – Может, разойдёмся по-хорошему?

– Я… я не знаю, – пробормотал Нил Филимонов. Ему страшно хотелось убежать, и, чтобы такого позора не случилось, ботан вцепился в лямку богатырского рюкзака. – О чём? Зачем мы ему понадобились?

Тут за спиной Кости что-то заёрзало – то Виссарион Глобальный выпростался из горловины своего убежища.

– Не паниковать! – приказал Колобок. – Во-первых, Васька бывает во все дни пьян, а во-вторых, он от безделья стал рыхлым и расслабился. А ты в отличной форме… Вперёд!

И Костя шагнул на мост, увлекая за собой Джульверна.

Василий Буслаев тоже двинулся навстречу.

На этом мосту по традиции вершилась политика Великого Новгорода. Сторонники разных партий сходились на середине моста и начинали яростное побоище. Побеждённые плюхались в реку – и не обязательно живьём. А победители проводили в жизнь своё решение.

Костя оглянулся, словно хотел найти поддержку. Но за его спиной столпились в большом количестве обычные городские зеваки, так что и отступать было некуда, и ждать помощи не от кого.

А за спиной Васьки собрались, видимо, его сторонники, готовые по первому зову пособить своему главарю.

Что-то в этой толпе, в самом составе её, было неправильное, но Жихарев пока не мог сообразить, что именно.

Василий Буслаев продолжал играть своей страшной дубиной. И не простая ведь была орясина, а позолоченная и украшенная самоцветами! Всё равно что бейсбольная бита со стразами!

Наконец Костя остановился и снял рюкзак. Филимонов продолжал судорожно держаться за лямку, но не убегал. А Колобок скрылся в недрах вещевого мешка, затаился среди неразумных и немых продуктов…

Вблизи оказалось, что Васька не такой уж великан – всего-то на полголовы выше Кости. И винищем от него действительно

разило. Это вселяло кое-какую надежду.

Но прежде побоища следовало поговорить, таков порядок. Мы же не звери дикие! Жихарев стал припоминать все ссоры и стычки на богатырской заставе…

– Ну-ка, дай пути, Василий, не доводи до гнева! – воскликнул он – и в конце фразы голос его предательски взлетел вверх.

На стороне противника гнусно захохотали.

– Пути тебе дать? – взревел Васька. – Сперва должок верни! Не любит Господин Великий Новгород тех, кто долги не платит!

– Какие такие долги? – возмутился Костя. – Да мы тут ещё и дня не прожили!

– И не проживёте! – посулил Буслаев. – Жалуются на тебя, Костян, добрые люди, честные молодцы, что не отдаёшь ты кредит ихнему Кислому Банку!

Костя онемел. Всего он мог ожидать, но чтобы долг семьи Жихаревых потащился за ним через реку Смородину – такого и представить было нельзя!

Неужели банкиры всех реальных и воображаемых миров связаны между собой?

Должно быть, от этой мысли вид у юного богатыря стал такой жалостный и несчастный, что какой-то сердобольный зритель выкрикнул:

– Бога побойся, Васька! Это же недоросли ещё!

Буслаев осклабился, подбоченился и опёрся на дубину, словно мраморный Геракл в львиной шкуре.

– Бога? – захохотал он. – А не верую я, Васька, ни в сон, ни в чох, ни в вороний грай, а я верую в свой червлёный вяз!

И помахал тюнингованной дубиной. Потом перекинул её в правую руку, замахнулся…

Вот тут и случился самый что ни на есть вороний грай.

Хрипло каркая, огромная носатая птица пала с неба, закогтила Васькину шапку и тяжело пошла вверх. Новгородский плейбой задрал голову…

С неожиданной для самого себя быстротой Костя подскочил к ограбленному ворогу и вырвал из руки его «червлёный вяз». Потом, не медля, пнул тяжёлым башмаком по-футбольному – в надкостницу…

Это, конечно, не по правилам, но надо же как-то компенсировать разницу в годах и опыте! Тут даже Добрыня, блюститель чести богатырской, не осудил бы!

Боль причинилась такая, что Буслаев забыл про шапку, ухватился обеими руками за поражённую ногу, тоскливо завыл и, к ужасу своей свиты, рухнул на доски настила.

– Бежим, пока они не опомнились! – закричал Филимонов. –

Бежим на причал, там всегда есть где спрятаться!

Жихарев подхватил рюкзак, сунул под мышку гламурную дубину – и друзья рванули прямо на толпу зевак. Толпа сочувственно и охотно расступилась: не каждый день Ваську Буслаева прилюдно бьют и позорят!

А потом позади беглецов грянул такой смех, что чуть не рассыпался каменный волховский мост. Потому что с неба слетела нарядная красная шапка и наделась аккурат на башку Васьки Буслаева. Вся в щедрых мазках птичьей живописи.

Но Костя с Нилом этого уже не видели. Они бежали что есть сил по узеньким улочкам, забегали в переулки, попадали в тупики, перескакивали через заборы, но не останавливались, потому что смех за спиной сменился грозным и страшным рёвом: Васькина дружина устремилась вслед, чтобы отомстить за боль и унижение своего предводителя.

– Нам, главное, до складов добраться, – пыхтел на ходу ботан. – А склады я подожгу, у меня этих зажигалок штук десять. Им сразу станет не до нас! Весь Новгород прибежит – кто спасать свой товар, а кто грабить! Так в книжечке «Партизанская война в городе» написано…

– Какой ты жестокий, Джульверн! – восхитился Костя и прибавил ходу.

Виссарион Глобальный истошно вопил у себя в рюкзаке – туго набитые туески поддавали ему под бока. И хорошо, что не консервные банки!

К счастью, не пришлось жестокому ботану устраивать пожар, иначе падение Новгорода случилось бы гораздо раньше.

Ведь если впереди, у речного причала, отдаёт швартовы корабль, а сзади несётся толпа врагов, только полный болван не захочет оказаться на палубе…

– Эх, на пару секунд пораньше бы… – сказал Филимонов и совсем уже собрался заплакать. – Не перепрыгнуть…

– Это как посмотреть, – просопел Костя, ухватил ботана за ремень и швырнул его изо всех сил вперёд. Джульверн рухнул на спасительный настил ничком.

Богатырь сделал несколько шагов назад, разбежался и…

…и едва не проломил палубу. Да ещё сбил с ног какого-то неосмотрительного молодца.

– Это невозможно, – сказал Филимонов. – Да ещё с грузом на спине… Так не бывает. Так даже Боб Бимон не прыгал… Я худею!

– Отдать якорь! – раздался властный голос.

И судно замерло, как вкопанное. Так, между прочим, тоже не бывает, потому что существует инерция. Но, как видим, не всегда и не во всяком мире.

– Не надо якорь, дяденька! – закричал ботан. – За нами погоня, а мы ничего им не сделали! Увезите нас быстрее! Пожалуйста!

– Садко! – кричали с причала. – Вороти взад! Мы злостных и несостоятельных должников ловим! Давай их сюда на правёж! А то ведь Василий Буслаевич и осерчать может!

Вот последняя фраза была лишней.

Ростом былинный гусляр не уступал Буслаеву, лицо же имел не багровое, а с благородной бледностью.

– У себя на судне только я хозяин! – гаркнул он. – Не Васька меня в путь снаряжал, не он мне и указчик!

– Так точно! Капитан на судне – второй после Бога и Великого Новгорода! – поддакнул хитрый ботан.

Тут на берегу появился и потерпевший гражданин Буслаев. Несколько холуёв держали его под руки, а на перебитую ногу успели уже наложить лубок.

– Садко! – завопил он. – Видишь, что они со мной сделали? Ты не гляди, что дети! Мало, что ли, я сам во младенчестве народу покалечил?

Садко посмотрел на беглецов, потом на Ваську, потом снова на Костю и Нила.

– Возвращаться – плохая примета! – сказал пловучий гусляр. – А впереди дорога дальняя и опасная!

– Тогда ввергни их в воду, а уж мы выловим!

– Непременно ввергну, Вася, – сказал Садко. – Захочу – в Ильмень, захочу – в Ладогу, захочу – в Неву-реку, а то и в пучину моря-окияна погружу. Только не по твоему произволу, а по моему хотению…

Беглецы разумно помалкивали, пока решалась их судьба.

– А ещё птица ихняя мне красный веденецкий колпак загадила! – пожаловался потерпевший Буслаев. – Тот самый, который я в твоей лавке… того… купил!

– Да разве бывают такие разумные птицы? – удивился купец-виртуоз.

– Выдай воров, не то хуже будет! – крикнул Буслаев. – Теперь и на тебя появилась управа! Везде достанем! Не скудеет земля наша умельцами!

Тут потрясённый Костя увидел, как в первый ряд протиснулся главный боец ОПГ «Мыльный завод» – Дрон. В руке он держал что-то явно огнестрельное…

– Ложись! – завопил Филимонов и сам залёг за рюкзак с Колобком внутри. Костя последовал его примеру. А тот парень, которого богатырь сбил с ног в процессе прыжка, так до сих пор и не поднялся…

Один гусляр Садко стоял в недоумении и пытался разглядеть странную снасть в лапах странно одетого незнакомца.

Автомат Дрона запрыгал. Эхо от очереди прокатилось вдоль Волхова. Подобных звуков Новгород ещё не слышал – вряд ли восточные купцы стали бы тащить в такую даль китайскую пиротехнику, которая существовала и в былинные времена. А в Европе порохом ещё и не пахло…

Корабельный парус украсился множеством отверстий, разбросанных в беспорядке.

Зеваки на причале начали разбегаться, но команда Васьки не дрогнула – видно, познакомилась уже со страшной железкой.

– Урод! Опять весь рожок разом запиндюрил! – Голос был знакомый и принадлежал Пыпе. Потом разгневанный Пыпа нанёс своему главному бойцу удар в живот. – А ещё служба собственной безопасности! Запозоришь нас перед здешними пацанами!

Дрон в ответку только скрючился и угрозы уже не представлял.

Капитан Садко качал туда-сюда головой – пытался вытряхнуть звон из ушей…

– Господин Садко, поднимайте якорь! – закричал Филимонов. – Это страшное оружие, они нас всех перестреляют!

Владелец корабля, сохраняя спокойствие, кивнул и махнул рукой. Подчинившись этому жесту, судно заскользило по речной глади.

– Как же они сюда попали? – спросил Костя, ни к кому конкретно не адресуясь.

А потом глянул на берег и понял – как.

В стороне от Васьки, Пыпы и согбенного Дрона стояли братья Бруски, а между ними, прикованный наручниками к запястьям того и другого, бился и метался с кляпом во рту Куковяка – скоморох, придворный поэт князя Владимира, столичный адвокат и вообще трикстер мирового масштаба…

Вот кого намедни волтузили в тумане! Вот кто перевёл кислорецкий криминал через реку Смородину!

С моей ладьи выдачи нет!

– Что же мне с вами делать, неразумные?

Костя и Нил стояли перед капитаном насупившись, а Садко сидел за столом в каюте и задумчиво раскачивался из стороны в сторону.

Костя наконец решился: снял громадный свой рюкзак, добыл оттуда футляр с богатыристикой и попутно выпустил Колобка.

– А ты что тут забыл? – приветствовал круглого гостя Садко. – Водил бы мальчишек по своим сказкам, а у нас дела серьёзные. И притащил ты их, мякинная голова, на верную погибель!

«Мякинную голову» Виссарион Глобальный проглотил, но не растерялся:

– И ты, Садко, буди здрав! На погибель, говоришь? А ну, Костя, доставай свою грамоту!

Садко, подобно Джульверну в своё время, крутил богатыристику и так и сяк, выражение лица его менялось, губы шевелились…

– Да, это были славные люди, весёлые люди… Добрыня ведь мой учитель: показал, как на гуслях три лада брать. А с тремя-то ладами я любую песню спою – хош за варяжского гостя, хош за индийского, хош за веденецкого… Ага! Так… Освоил… Проявил себя старательным… Грамотен… К врагам отечества непримирим… Ого! Оторвал хвост у Змея Горыныча! Слыхал я про это славное дело, только не думал, что ты такой молодой… Эх, Костянтинушко! Зря ты потащил добычу ко князю Владимиру, что он в этом понимает! А у китайских купцов такой хвостик на вес золота! Дороже, чем бивень единорога!

– Вот за золотом мы и пришли, – сказал ботан, чтобы решить все вопросы разом.

– Беда у нас, – добавил Костя.

– Да ещё какая, – веско молвил Колобок и тут же изложил капитану и суть проблемы, и причины её возникновения.

Садко выслушал, не переспрашивая – всё ему тут было понятно, сам в долгах великих бывал, сам неправду терпел…

– Худо, что теперь Васька за нами увяжется со своими ушкуйниками, – сказал он после долгого раздумья. – А мне морские сражения устраивать нынче не с руки. Тут уж не до золота, хотя и у меня в нём нужда есть. Не по своим делам выхожу в море – нанял меня тот самый парень, которого ты, Костянтинушко, чуть насмерть не зашиб…

– Не зашиб же, – сказал Колобок. – А нечего на палубе торчать, коли не в команде! Что за парень?

– А, – сказал Садко и махнул рукой. – То ли принц, то ли герцог с Оловянных островов. Приезжал в Новгород купить наших финифтяных побрякушек невесте на свадьбу…

– Что ж – дело молодое, – солидно сказал Колобок.

– Да не такое и молодое, – возразил капитан. – Невеста-то не для парня, а для его старого дядьки-короля. И за этой невестой ещё придётся заехать на остров Иверния… А уж как доставим красную девицу к дедуле седому, тогда по погоде и определимся, куда далее идти…

– Нам всё равно, – сказал Нил Филимонов. – Нам нужно золото. Много золота…

– Отроки, – ласково сказал Садко. – Я вам что – морской разбойник на деревянной ноге и с перевязанным оком? Отродясь моя «Царевна Волхова» под чёрным прапором не хаживала! Нет, конечно, всякое бывает на море, когда и повезёт немножко: встретишь корабль с ценным грузом, но без моряков… Пропали таинственным образом… Вы не смейтесь: так бывает, что волной смывает! Да только торговый человек на везение не рассчитывает!

Капитан с тоской поглядел на гусли, что висели на стене каюты.

– Эх, может, зря променял я чёрствые корки певца на пышные пироги купца? – вздохнул он. – Насыпал бы я вам золота хоть целый рогожный куль, да у меня всё богатство в дело вложено, в корабли и товары… Только ведь торговля ныне под откос катится! Ганза окаянная в дружбе клянётся, а сама цены сбивает… Склады ломятся, трюмы трещат, наличности нет…

– Видимо, и до вас добрался всемирный экономический кризис, – важно сказал ботан. – Типичная панорама перепроизводства. Раньше надо было в кэш выходить…

Садко не стал спрашивать, что за непонятку выдал ему непрошеный пассажир, потому что хороший русский купец в те былинные времена просто обязан был понимать и варяжские, и греческие слова. Иначе не много бы он наторговал!

– Ну, может, найдёшь для парней какую ни на есть выгодную работёнку? – сказал Колобок. – Не высаживать же нашу дружинушку на пустой берег…

– Работёнку я найду, будь спокоен, – сказал капитан. – У меня на судне бездельников не бывает! Ну, кроме этого… принца-герцога…

А вот слова «пассажир» он не знал!

Школа юнгов по-новгородски

– …И всё-таки не пойму я, как ты с причала на корабль сиганул, – сказал Филимонов. – Ну, меня докинуть – ещё туда-сюда. Но чтобы самому… Человек так не может!

– Богатырский конь тоже сто пудов не может перескочить с берега на берег даже нашу Кислицу, – ответил Костя. – Однако через Днепр перескакивает, сам видел! Тут тебе не там! Наши законы физики здешнему пиплу глубоко фиолетовы…

– Ты прав. Наша посудина, по идее, вообще не должна держаться на плаву, однако держится! Ну, тогда я здесь развернусь! – посулил ботан.

…Садко не соврал – без дела на «Царевне Волхове» никто не сидел. Костя смолил канаты, поднимал и опускал парус, мыл палубу, крепил груз в трюме, по команде вставал к рулю и даже помогал рыжему повару стряпать!

Джульверн, как всегда, сачканул. Нашёл себе непыльное занятие – обучал новым песням капитана. Вдруг тому и вправду придётся после банкротства обратно в гусляры пойти, а свежий репертуар-то при нём!

Особенно полюбился предусмотрительному Садку шлягер про морского дьявола из старинного кинофильма «Человек-амфибия».

Зато седой кормщик Семейка недовольно морщился и вздыхал:

– Эх, не надо бы так: нам бы, нам бы всем на дно! Нельзя в море такие песни петь! Обидеться может батюшка морской, что его дьяволом-то ругают!

Не соврал капитан и о своём нынешнем финансовом положении – команда «Волховы» была весьма немногочисленна.

– Оптимизировал личный состав, нечего сказать! – вздохнул Колобок. – То все на вёсла, то все на парус! Вот настигнут нас Буслаевские ушкуйники, и не отобьёмся!

Все трое сидели на корме возле руля. Ветер гулял по морю и подгонял кораблик, как завещал ему великий Пушкин.

На рею надутого паруса уселась необыкновенно толстая чайка с большой круглой головой.

– Ушкуйники – кто такие? – спросил Костя.

Вместо обычной лекции Виссарион Глобальный проворчал:

– Вот догонят, тогда и увидишь – кто!

– Сто пудов отобьёмся, – уверенно сказал Жихарев. – Этот самый принц – мужик накачанный и, видно, опытный. Даже предъявлять не стал, что я его уронил. Наточи мой меч, сказал, и

всё забудем. Наточить можно, дело знакомое. Только видно, что клинок он не для понтов таскает – весь в зазубринах! И щит порублен не по-детски! Словно он с великаном каким-то воевал…

– А вот против морской болезни не устоял, – сказал ботан, страшно гордый тем, что они, два простых кислорецких школьника-героя, не бегают то и дело к борту и не делятся с рыбами своим и без того скудным пайком. – Даже на палубу не выходит – страдает…

– В бою некогда болеть, – снисходительно сказал Костя. – Вот встанем с ним спина к спине у мачты – фиг кто подойдёт!

– Если Пыпа и компания потащились с ушкуйниками, – сказал Нил, – то они нас со своей ладьи перестреляют. В людей не попадут, так борта продырявят с тем же результатом… Автомат-то у Дрона с подствольником – вдруг у него и граната есть?

– Нештатная ситуация, – пронзительным голосом объявила с мачты странная чайка.

И тут «Царевну Волхову» крепко тряхнуло – словно корабль напоролся на мель. Но кормщик Семейка здешние воды наизусть выучил, так что…

– Понятно, – сказал Джульверн. – Читывали былины, знаем. Сейчас весёлые дела начнутся!

– Ушкуйники? – встрепенулся юный богатырь и хотел уже бежать за трофейным «червлёным вязом», но ботан остановил друга.

– Пока нет. Это Морской царь нашего кэпа к себе на корпоратив требует!

– Точно, – упавшим голосом сказал Костя. – Я же читал…

– Я тоже, – сказал ботан. – И кое-что предусмотрел на этот случай…

Морской царь, морской самозванец и принц Пичалька

…Море было совершенно спокойным, и парус по-прежнему полнился ветром, но неподвижную «Волхову» качало с борта на борт всё сильнее и сильнее.

Вся команда торгового судна собралась на палубе вокруг Садка. Друзья тоже хотели присоединиться, но капитан досадливо показал рукой: малы ещё, не вашего ума это дело!

Потом гусляр обвёл свою дружину вопросительным взглядом.

Дружина дружно закивала, сделав скорбные лица.

Садко вздохнул, развёл руками и сказал:

– Делать нечего – тащите сюда гусли, готовьте доску… Не обессудьте, отроки, что не сумел вам помочь. Поклонитесь, братие и дружина, Господину Великому Новгороду и лично нашему дорогому посаднику…

– Стойте, кэп! Не надо гусли! Не надо доску!

Кричал Нил Филимонов по прозвищу Джульверн. В руках ботан держал прозрачный ящик. В ящике помещался похожий на сплюснутую луковицу бумбокс и чего-то там себе напевал. По обе стороны проигрывателя размещались некие устройства, которые Костя и распознать не мог…

– Куда лезешь, окаянный? – сказал кормщик Семейка. – Хозяин за всех нас, грешных, на верную погибель идёт…

– Я замену нашёл, – важно сказал Джульверн.

– С ума сдурел! – возмутился Садко. – Чтобы я вместо себя отрока подставил? Я хозяин, мой и ответ!

– Вы меня не поняли, кэп, – сказал Филимонов. – Не надо никого в воду опускать: я вот эту штуку сброшу. Заодно и на Морского царя полюбуемся… Должны же мы хоть чем-то проезд оплатить!

– Это как понимать? – уставился Садко на Колобка, которого до этого ни в грош не ставил, как персону сказочную – и, следовательно, вымышленную.

Виссарион Глобальный сделал движение, заменявшее ему кивок:

– Доверься, дядя. Эти ребята молодые, да ранние: даже меня порой в тупик ставят…

Между тем Нил Филимонов подошёл к борту со своим ящиком и, разжав пальцы, уронил устройство в море. «Царевну Волхову» в этот момент так круто положило набок, что Костя едва успел схватить товарища за ремень.

А качка́ на другой борт не последовало. Палуба выпрямилась, и моряки поглядели на ботана пожалуй что со страхом.

– Ты что натворил? – шёпотом сказал Костя. – Ты былину-то читал? Морской царь теперь как начнёт зажигать, и поднимется это… вроде цунами… И кранты…

– Не поднимется, – сказал ботан. – Я туда диск с музыкой для релаксации заправил.

– Для чего?

– Это чтобы расслабиться и быстрей уснуть.

– И уснёт? Ты отвечаешь?

– Сам посмотри. Я ведь ещё видеокамеру туда приладил, соединённую с мобильником. Чего только нет у деда Европеича в сарайке!

С этими словами Джульверн извлёк из заспинного кармана джинсовой жилетки ноутбук и раскрыл его.

– Сейчас настрою…

Команда «Царевны» во главе с капитаном подошла поближе, чтобы посмотреть на чародейство. Колобок попробовал протиснуться, но не преуспел. Тогда Виссарион Глобальный стал теребить Костю за штанину, пока богатырь не подсадил вожатого себе на шею.

На дисплее возник картинный пейзаж морского дна – ярко-красные кораллы, колышущиеся водоросли, пёстрые рыбки…

– Ага, вот он…

И чуть не уронил компьютер. И старые морские волки, и сам Садко разинули рты. Не говоря уже про Костю Жихарева.

Костя-то надеялся увидеть бодрого старца в короне, с трезубцем в руке и с ластами на ногах – как на иллюстрации в сборнике былин или на празднике Нептуна в детском лагере. Надо думать, что и моряки ждали чего-то подобного. Они ничему не удивлялись, потому что в былинные времена люди твёрдо знали – чудеса случаются…

Но вместо весёлого Нептуна перед ними возникло жуткое и отвратительное чудовище – огромная бурая пупырчатая жаба. Только голова у неё была не жабья и напоминала скорее осьминожью башку с короткими щупальцами. И ноги у монстра росли не жабьи, а походили на колонны, обросшие морской тиной и моллюсками. Из-за спины твари торчали кожистые крылья летучей мыши – хоть и непонятно, зачем нужны под водой крылышки. Щупальца чудовища непрерывно шевелились, готовые хватать и присасываться. Под щупальцами чернела пасть со множеством острых клыков…

Внезапный ужас охватил юного богатыря – теперь даже Змей Горыныч вспоминался ему каким-то своим, родимым, близким,

истинно русским. А с этакой бедой как управиться? Сомнительно, чтобы сие омерзительное диво морское расслабилось и улеглось дрыхнуть на песочке…

– Древний-то как сюда попал? – растерянно сказал Колобок. – Он же совсем из другой оперы…

– Кто это? – прошептал Костя. – Что делать будем?

– Потом разберёмся, – отмахнулся Нил. – Если у нас, конечно, будет «потом»… Правда, я там на всякий случай одну хитрушку поставил. Может, сработает…

Моряки «Царевны» отнеслись к увиденному намного спокойней.

– Что с нами годы-то вытворяют, как уродуют! – сочувственно вздохнул седой кормщик Семейка. – Совсем на себя стал не похож, бедолага!

– Захирел, запаршивел морской батюшка, – поддержал его рыжий повар. – Это сами мы виноваты – бросаем в воду всякую дрянь да отраву. С горя он и потерял человеческий облик, озверел. Сейчас утянет нас к себе да и сожрёт вместе с корабликом… Ништо! Дело привычное! Коли суждено нам в пучине сгинуть, тут уж ничего не поделаешь…

– Вот он, русский мужик-фаталист, – тихо проворчал Филимонов. – Тоже мне, гринписовец средневековый… Платон Каратаев…

– Да уж, Морской царь – это тебе не русалочка с тихой реченьки, – сказал Садко. – Манить да щекотать не станет. Может, и правильно я сделал, что в море не полез. Что этакое рыло может понять в моём искусстве-художестве? Шалишь! Помирать, так уж в сражении. На миру и…

Капитан не договорил, потому что тошнотворная морда приблизилась вплотную к объективу, а в жёлтых круглых глазах твари загорелась такая ненависть, что проняло даже самых заядлых фаталистов.

– К бою, – не крикнул, а тихонько сказал Садко – и сразу же оказалось, что все его люди вооружены – кто клинком, кто багром, кто топором, а кто и ведром с пожарного щита…

И даже болящий пассажир оказался на палубе – в полном доспехе и со сверкающим мечом. На мече и вправду красовалась здоровенная зазубрина – остался кусок металла во вражеском щите или даже черепе…

Костя хотел было бежать за Васькиной дубиной, но тут корабль содрогнулся – нет, само море содрогнулось! – а жёлтые вылупленные очи твари на экране затянуло белёсой плёнкой…

Царь-Жабу отбросило от объектива. Чудовище покачалось-покачалось – и медленно повалилось на спину, ломая крылья.

– Я худею! Получилось! Ай да я! Ни дня без подвига! – закричал Джульверн и запрыгал было от восторга, но крепкие моряцкие руки удержали их с ноутбуком на месте: всем хотелось посмотреть, что будет дальше.

– Я же говорю – отраву в море бросаем, вот они и дохнут почём зря, – гнул свою линию рыжий гринписовец. – Один вред всему живому от человека!

Монстр подёргался-подёргался, да и замер. Возможно, навсегда. Сейчас же к нему подплыла целая стая рыбьей мелюзги и начала клевать мерзкую плоть – в море падальщиков не меньше, чем в небе. Потом устало, словно нехотя, проскользила серая в яблоках акула. Супротив чудовища она была как кошка супротив человека. Мелкую рыбёшку словно водой смыло. Акулу, в свою очередь, прогнала чешуйчатая конечность с огромной плоской ступнёй. Следом нарисовался и владелец конечности – это как раз и был классический Морской царь в короне из кораллов, при бороде из водорослей и с позолоченным трезубцем в лапе.

– Ох ты! – сказал кормщик Семейка и перекрестился. – Ошибочка вышла. Здоров, значит, Морской царь-батюшка, во всей силе и славе… Так его, родимый! Так его, самозванца! Ножкой, ножкой по жабрам! А теперь ткни в пузо тройчаткой! В другой раз не будет людей пугать!

– Чего радуешься, дед? – оборвал его Садко. – Нам-то что за корысть? Эх, значит, всё-таки судьба мне на дно морское опуститься, на последнем на пиру трудить гусельки мои яровчатые, терзать струночки мои серебряные…

Водный владыка глянул вверх, словно услышав горькие слова капитана, покачал башкой и дал свободной верхней конечностью отмашку.

«Царевна Волхова» начала медленно-медленно двигаться вперёд.

– Всё под контролем! – хрипло доложила с мачты ненастоящая чайка.

Морской владыка на экране ухватил монстра за ноги и поволок по песку в сторону каких-то развалин.

– Отныне и до века спать ему, порождению Древних, мёртвым сном в руинах утонувшего Р’льеха, – торжественно, печально и загадочно провозгласил Колобок.

Потом по картинке забегали полосы – и всё растаяло.

– Звыняйте, хлопцы, вай-фаю ще нэма! – развёл руками ботан и закрыл ноутбук. – Я боялся, что здесь вообще ничего работать не будет…

Садко подошёл к Филимонову и крепко обнял.

– Да ты богатырь под стать товарищу, а то и шибче его! Костянтинушко своего Горыныча только покалечил, а ты вон какого зверя напрочь завалил! Смело требуй себе такую же богатыристику! Всей ватагой поручимся – ведь теперь Морской царь нашему кораблику везде дорогу даст, коли мы его супостата повергли!

Джульверн изобразил смущённую улыбку и лицемерно потупил глаза.

Владыка морей дал не только дорогу, но и попутный ветер – «Волхова» так понеслась по волнам, что дух перехватывало.

– По местам! – рявкнул Садко.

…Когда друзья устроились на своей любимой корме, Костя спросил:

– Чем ты его? Правда, что ли, отравой?

– Никакой отравы, – сказал Джульверн. – Я там электрошокер пристроил. Ну, пришлось начинку немножко модернизировать. Помнишь, когда собирались, днём свет погас?

– Ну, – сказал богатырь. – Это же деревня, обычное дело. Где-то провод оборвало…

– Нет, это я подключал свою хитрушку на подзарядку. Ну, она и шарахнула, когда чудище стало ящик ломать. Видимо, музыка моя ему не понравилась! Вот и напросился. Такой разряд, да ещё в солёной воде… У бедняжки не было шансов!

– Да что это за тварь, откуда?

– Сейчас вспомню, – сказал Филимонов. – Вот, на языке вертится…

– Тогда пусть там, на языке, и останется, – сказал Колобок, удобно примостившийся на бухте каната. – Ни к чему его лишний раз поминать. Мы и без того направляемся в места довольно мрачные и трагические. Переходим из Руси Былинной в Европу Легендарную…

К ним подошёл пассажир – всё ещё в латах и с мечом.

– Прекрасные сэры, – сказал он, подняв забрало. – Что здесь произошло? Я ничего не понял!

– Уж такие мы загадочные, – сказал Колобок. – Мы и сами-то себя часто не понимаем, отважный Тристан из Лионесса…

Кровь, любовь, яд и слёзы

Много поколений европейцы (а чаще европейки) грустили и даже плакали, внимая душераздирающей истории о рыцаре Тристане и королеве Изольде.

Да и как могло быть иначе? Ведь само имя рыцаря означало «рождённый в тоске и скорби». Принц Пичалька! Такое имя дала сыну его мать, прекрасная королева Бланшефлёр, умирая после родов. В Средние века подобная смерть была обычным делом, пока до лекарей и повивальных бабок (так называли тогдашних акушерок) не дошло, что руки надо мыть перед процедурой. После чего женская смертность резко пошла на убыль.

Ну, с таким-то имечком было бы нелепо рассчитывать на беспечальную жизнь. Папаша его немедленно женился снова, а уж мачеха попыталась отравить малыша, и пришлось его отправить во Францию с верным человеком.

Старый наставник Говернал воспитал Тристана отважным и умелым бойцом. И поехал юноша искать счастья ко двору корнуолльского короля Марка, что приходился ему родным дядей. Тем более что и мачеха к тому времени померла – лёгкая рука была у Тристанова папаши…

Но герой не ищет простых решений, а называется вымышленным именем. Только завоевав мечом кое-какой авторитет, он открывается родственнику.

Тристан победил в поединке ирландского великана Морхольта (как раз в великаньем черепе и застрял осколок меча), но клинок великана был смазан ядом. Настигла всё же его отрава!

Умирающего юношу положили в лодку и отправили в море на волю волн. Волны заботливо принесли лодку к дочери ирландского короля Изольде. К счастью, принцесса неплохо разбиралась в медицине и выходила Тристана. Он прикинулся было музыкантом, но кто-то опознал убийцу великана, и героя на пинках выгнали с острова. Но почему-то не убили – загадочна, оказывается, и кельтская душа!

А вернулся он в Ирландию уже в качестве свата – просить Изольду в жёны своему королю и родственнику Марку. Поскольку защитника страны, Морхольта, больше нет, владыка зелёного острова соглашается. Невесту сопровождают служанка Бранвен и бутылка с приворотным зельем, чтобы брак был не формальным, а по искреннему чувству.

Тут бы сказочке и хеппи-энд, да вмешалась судьба: по ошибке любовный напиток ещё на судне выпили заглавные герои – и сказочка превратилась в легенду о несчастной любви.

А легенда, в свою очередь, послужила основой для многочисленных стихотворных баллад, поэм, рыцарских романов, пьес, кинофильмов, мюзиклов и оперы композитора Вагнера, чьё творчество очень любил Гитлер.

Историю эту каждый рассказывал и пересказывал по-своему. Это как с нашими былинами – сплошные римейки, украшенные местным колоритом. Всякий бард и трубадур добавлял при этом свои детали, подробности и даже сюжетные ходы.

Оказывается, убиенный Морхольт был рыцарем Круглого стола, поэтому Тристан-победитель автоматически занял его место. Вот те на! А Голливуд-то нас убеждает, что рыцари короля Артура были братством единомышленников… Но слагатели легенд частенько проговариваются, и наружу высовывается кусочек суровой правды.

Например, в некоторых версиях влюблённая по уши Изольда, чтобы сохранить тайну, собирается убить оплошавшую служанку, но не может героиня быть злодейкой! Не полюбят её слушатели! И Бранвен остаётся жить. Более того, она подменяет хозяйку на брачном ложе. Король-то слепенький, а свечи-то дороги!

Далее следует череда любовных приключений – страшных, смешных, нелепых – герои не желают расставаться ни при каких обстоятельствах, так велика их страсть!

Король Марк слышать не хочет про измену, но придворные упорно капают ему на мозги: честь, предательство, интересы державы, и вообще, куда ты, надёжа-государь, смотришь! Сегодня этот выскочка на постель твою покусился, а завтра на трон залезет! И всех нас по шапке!

Чего они только не предпринимали, холуи, – и муку вокруг изольдиной постели сыпали для выявления отпечатков мужской обуви, и скрывшихся в лесу влюблённых выслеживали, и заявления в королевский суд на королеву подавали…

Тут как раз и случилась знаменитая история с мечом. Влюблённые заснули на лесной полянке, а меч Тристана (тот самый, со щербиной) по случайности оказался между ними, и (по случайности, конечно) сам вылез из ножен. Подходит к травяному ложу король Марк, ведомый лесником, и говорит: что вы на близких мне людей клевещете, али не видите – обнажённый клинок промеж ними лежит, чтобы лишнего себе не позволили! Тем более что молодые люди и сами всё отрицают!

Но таки достали Марка: выпер дядюшка в конце концов племянничка, отправил в изгнание лет на десять. Только опять же – не убил: своя кровиночка!

Зато королевский совет через голову монарха (вот они, истоки британской парламентской демократии!) приговорил

иноплеменную Изольду к испытанию огнём и железом. Считалось, что невиновный может безо всякого для себя ущерба взять в руку раскалённый железный брус, а виновный заорёт от боли и тем самым себя обличит. А что? Ходят же люди босиком по углям, держат же на ладони лужицу жидкого азота!

Тут суровый боец Тристан повёл себя как герой сказки или плутовского романа.

Шествует королева в кузницу для испытания, а на пути – огромная грязная лужа. Изольда растерялась – и башмачки жалко, и вообще… Тут из толпы, всегда охочей до зрелищ, выскакивает чумазый оборванец, услужливо берёт королеву на руки и легко переносит через препятствие, после чего вновь скрывается в гуще народных масс.

Теперь Изольда может чистосердечно поклясться, что её после свадьбы не касался ни один чужой мужчина, кроме этого хорошо воспитанного нищего. И спокойно берёт в руки брус. И ничего не происходит.

В других вариантах советники-садисты отправляют королеву в колонию прокажённых на верную мучительную смерть, но Тристан и оттуда выручает любимую, после чего удаляется в изгнание за море, во французскую землю Бретань. Там он берёт в жены девушку по имени Изольда Белорукая (наша-то Белокурая была, а тут Белорукая – зацените старинную игру слов!). И продолжает обычную жизнь мелкого феодала: пиры, битвы, эксплуатация трудового народа.

Но от судьбы не уйдёшь, и Тристан снова получает удар отравленным клинком (ничего нового придумать не могли, а ещё барды называются). И посылает корабль за Изольдой – то ли хочет увидеть её напоследок, то ли надеется, что любимая вновь исцелит его, то ли всё вместе. А если любимая поехать не может, пусть поднимут на корабле чёрный парус (это вообще заимствование из древнегреческого мифа о Тезее)…

Королева, не колеблясь, всходит на корабль со всей своей аптекой, преодолевает пролив, но… Законная Изольда Б., ревнуя к незаконной Изольде Б., со мстительной улыбкой сообщает супругу-изменщику, что парус – чёрный. (Щадящий вариант: парус просто позабыли заменить в суматохе.)

Герой, лишённый надежды, уходит из жизни. Героиня принимает яд подле мёртвого тела возлюбленного. Занавес.

Мотивы роковой незаконной любви разбросаны по всему европейскому эпосу: Ланселот и Гиневра, Зигфрид и Брунгильда…

А в XI веке далеко-далеко от холодных северных морей, в Персии (зачем-то переименованной ныне в Иран, который

постоянно путают с Ираком не только президенты США) поэт Фахриддин Гургани слагает на основе народных преданий поэму «Вис и Рамин».

Обе эти истории схожи по сюжету и совершенно различны по духу. Они разнятся так же, как английский серый гранитный замок с вечными сквозняками отличается от восточного дворца с кальянами, фонтанами, коврами и павлинами.

И там и там история запретной, предосудительной любви между женой владыки и его родственником – Рамин приходится падишаху Мубаду младшим братом. И там и там влюблённым приходится преодолевать множество препятствий, хитрить, притворяться, рисковать жизнью… Все сказки из одного мешка!

Но нет ничего общего между весёлым гулякой и пьяницей Рамином и суровым воином Тристаном, между нежной и внешне покорной шахиней Вис и по-европейски самостоятельной королевой Изольдой. Ничего – кроме любви, не знающей препятствий, и долга, ей противоречащего. И никакого приворотного зелья в персидской поэме нет – на Востоке хорошо понимали, что «любовь нечаянно нагрянет, когда её совсем не ждёшь». И кончается всё хорошо: помер престарелый падишах (а не женись на молоденькой!), остепенившийся Рамин занял его престол, и жили они с любимой до глубокой старости… Другая культура, другое восприятие мира!

И вообще – нечего слушателям, читателям и зрителям настроение портить!

…В грустной истории Тристана и Изольды можно при желании найти некую средневековую мораль: герои наказаны за нарушение супружеского и вассального долга, они преступили все тогдашние законы, их жалко, но… они сами выбрали свою судьбу.

А вот их литературные наследники, не менее знаменитые влюблённые из Вероны, вообще ни в чём и ни перед кем не виноваты! А виновата идиотская вражда между их семьями, причин которой никто уже и не помнит. Поэтому Шекспир понял, что переплюнул всех сказителей, и с полным основанием написал: «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте»…

Есть и в русской литературе свои Тристан и Изольда. Только зовут их Григорий и Аксинья. Надо называть роман и автора – или сами сообразите?

Кстати, наши академики Платонов и Невтонов тоже не могли пройти мимо Тристана с Изольдой. Скандальные мудрецы доподлинно установили, что сия трагедия проникла и в наши былины. Да-да! А древнерусского Тристана зовут… Тугарин

Змеевич! Ведь его имя происходит от старинного слова «туга» – грусть, печаль. (На память о нём в русском языке остались «туго», «тугой» и «тужить».) И во дворец князя Владимира он вхож без доклада, как свой, по-родственному. И с княгиней Апраксией он крутит любовь. Только в Киеве мораль-то построже, скрепы-то подуховнее, вот и пришлось сыну священника Алёше-богатырю наказать негодяя лютою смертию…

У нас не забалуешь! Небось не Европа!

– Колобок, – сказал Джульверн, – а как это получается, что Тристан с нами по-русски общается, а не по-английски?

– Конечно, по-русски. Ведь в России его историю переводили и печатали неоднократно и в разных вариантах. А если бы он заговорил на родном языке, мы бы вообще ничего не поняли: кельтская «мова» отличается от английской куда больше, чем украинский от русского…

– Жалко Тристана, – вздохнул Костя. – Как подумаю, что его все эти заморочки ждут…

– Я что-нибудь и на этот счёт соображу, – пообещал Джульверн. – А, Колобок? Верно я говорю? Спасём бедного рыцаря от несчастной любви?

Видимо, после победы над подводным чудищем ботан почувствовал в себе силы великие, узрел возможности неограниченные и возомнил о себе гораздо.

– Только попробуй, – сказал Виссарион Глобальный. – Таким, как ты, умникам чуть волю дай – вы нам живо всю мировую литературу изнахратите, все энды захэппите! А народу катарсис нужен, потрясение, чтобы за душу брало и слезищу выбивало…

– Да я пошутил, – быстро отыграл назад Филимонов. – Провоцирую тебя, Колобок, а то ты в последнее время грустный какой-то, молчаливый…

– Это так, – пригорюнился вожатый. – Во-первых, море – не моя стихия. По волнам не покатаешься. Во-вторых, сама обстановка способствует. Когда мы в последний раз солнышко видели? В европейском эпосе море всегда угрюмое, буревое, с молниями и штормами. Оно если и успокоится, то лишь для того, чтобы выкинуть героя на берег… Не зря же говорится – «мрачное Средневековье». В былинах-то наших повеселей живётся. Скоро Костя это почувствует, а ты, Нил, узнаешь…

– Мрачное ли, весёлое – нас финансовая проблема должна интересовать, – сказал ботан. – Вот я прикидываю, можно ли на Тристане с Изольдой чего-нибудь наварить… Король Марк – он богатый или у него тоже всё в дело вложено?

– Королям всегда денег недостаёт, – сказал Колобок. – Поэтому они всё равно что бедные. Ведь богатый не тот, у кого много, а тот, кому хватает… Они, монархи, ведь что делали? Обрезали золотые и серебряные монеты по краям. Обрезки отправляли на свой монетный двор – и вместо десяти дукатов получали одиннадцать, но денежка обесценивалась, экономику не обманешь…

– Это мысль, – сказал ботан. – Здешнее качество чеканки я уж как-нибудь обеспечу, а Костин кулак у меня вместо пресса будет… Над составом сплава тоже можно похимичить и сэкономить сырьё…

– И не мечтай! Я же тебе сказал: кража и грабёж отпадают! А фальшивые деньги – та же самая кража, только наказывают за это построже: льют химику в глотку расплавленный свинец! А отличать чистое золото от фальшака ещё Архимед научился! Ты в школу-то вообще ходил?

Будущий нобелевский лауреат обиделся, но глубоко задумался.

– Ну, можно ещё спорить, пари заключать на крупные суммы… Мы же можем наперёд предсказывать! Помазать, например, с королём Франции, что в 1081 году Вильгельм Завоеватель покорит Англию. Король, конечно, скажет: «Да иди ты!», а я ему – спорим на тыщу ливров!

– Ты у нас прямо Нострадамус, – похвалил Колобок. – А неплохо ещё помазать с Великим Инквизитором, что 12 апреля 1961 года в космос полетит Гагарин… Больно ты умный! Ведь мы находимся не в историческом прошлом, а в легендарном, которое календаря вовсе не знает. Годы событий в эпосах не указываются. В лучшем случае – «на Петров день», «в канун Святой Екатерины»…

– А если…

Но не удалось ботану развить очередную свою светлую задумку, потому что с мачты раздалось уже знакомое:

– Нештатная ситуация!

– Тревога! – закричал Костя. Богатырь давно научился доверять Кузьме-Демьяну (пусть и в костюме чайки) на сто процентов: старый филин зря не ухнет!

Команда «Царевны» мигом вся оказалась на палубе. Хоть моряки и мастера розыгрыша, но такими вещами не шутят.

– Догоняют всё-таки, – вздохнул Садко. – Много времени у нас отняла проклятая жаба…

– Я-то расчитывал, что дохлая туша всплывёт, – сказал Джульверн. – Тогда бы Васька со товарищи наверняка испугались бы и повернули назад. Но Морской царь всё испо… Молчу-молчу!

– Учишься помаленьку, – похвалил Садко. – Пригодилась бы нам помощь снизу… Ума не дам, что этому байстрюку от нас надо?..

– Это не ему надо, – сказал Костя. – Это им надо… Которые за мной гонятся…

– Чем же они Ваську за душу взяли? – продолжал рассужать капитан-купец. В руках Садко держал огромный топор, и было

ясно, что не дрова им рубят. – Настоящему новгородцу никто не указ, это понятно, но ведь Васька однажды чуть мать родную не убил, когда попробовала старушка буйство его унять! Прямо так и сказал: кабы ты, матушка, со спины не подошла и не обняла – захлестнул бы я тебя на раз!

– Когда я былину читал, мне это странно показалось, – сказал Костя. – Вот как раз со спины-то и может подойти кто угодно…

– Не знаю, – сказал Садко. – Меня при этом не было, а люди сказывали.

– Не о том вы, коллеги, – чуть не заплакал ботан. – Вдруг у бандюков патронов немерено?

– Так говоришь, оно борт пробивает? – сказал Садко.

– Когда подойдут поближе, то и насквозь могут корпус прошить…

Джульверн достал из кармана маленький китайский бинокль и повернулся в сторону моря.

– Так и есть, – доложил он. – А летит их посудина словно на подводных крыльях! Неужели урки приволокли с собой лодочный мотор?

– Точно. И ещё цистерну бензина подогнали, – сказал Костя.

Одиссея капитана Буслая

…Ушкуйники передвигались по морю, естественно, на ушкуе – большой вёсельной лодке вроде варяжского драккара.

– Фёдор Конюхов отдыхает… – восторженно сказал Костя. – При такой скорости они и Америку запросто откроют…

Казалось бы, на вёслах новгородские пираты уж никак не могли догнать парусное судно, идущее при попутном ветре. Однако догнали…

– Им нечистая сила пособила, – уверенно сказал кормчий Семейка. – Или Васькина маменька наворожила. Я эту Мамелфу давно знаю… Берёт старая ведьма простого карася, режет на семь частей и раскидывает на семь ветров…

Когда преследователи приблизились, стало ясно, что ни нечистая, ни маменька тут не при делах.

На вёслах сидели шестеро гребцов, закованных в цепи. Это были Пыпа, Дрон, братья Бруски плюс Гарик Сатана и Отарик Батумский – не могла же ОПГ «Шлакоблоки» оставить союзников-соперников без присмотра. Командировали, конечно, самых никчёмных, но всё-таки пригодились…

Тут же выяснилась и причина нечеловеческой скорости: за спинами бедолаг стоял Потаня Маленький, а кнут он в руках держал ох какой большущий!

Видимо, союз новых бандюков со старыми оказался временным. Урки выглядели очень подавленными и несчастными. Они тяжело дышали, вывесив языки, словно собаки в жару.

– Как это ушкуйники с ними справились? – удивился Джульверн и тут же понял – как. Автомат, коего он так страшился, висел на могучей груди Васьки Буслаева. Васька стоял на носу, опираясь на костыль, а грудь была такая широкая, что «калаш» казался не оружием, а каким-то причудливым амулетом или украшением. Кроме того, ствол его был согнут в процессе изъятия и смотрел вперёд, исключая всякую возможность выстрела, а вот опасности для владельца не исключая…

Зато остальные ушкуйники дружно, как по команде, принялись швырять в «Царевну» и её экипаж какие-то мелкие тяжёлые предметы. Предметы эти падали в основном на палубу, но некоторые угодили и в моряков, не принеся, впрочем, никакого вреда.

– Да это ведь патроны! – ахнул Костя.

Ушкуйники недоумённо переглядывались. Они явно ожидали другого результата. Атаман грозно побагровел…

– Так я же вас предупреждал, Василий свет Буслаевич! –

истошно выкрикнул Дрон. Потаня на всякий случай перетянул кислорецкого боевика вдоль спины – чтобы пасть не разевал без позволения.

Рядом с вожаком, гордо выставив ногу в порванной штанине, красовался освобождённый адвокат Куковяка.

– Или сдавайтесь – или с жизнью расставайтесь! – крикнул он. – Ждём ответ положительный ваш, иначе идём на абордаж!

Капитан Садко не снизошёл до разговоров, а сделал жест, который, оказывается, существовал и в былинные времена!

Василий Буслаев досадливо отодвинул Куковяку.

– Слышь, Садко, разговор есть, – сказал он, когда суда поравнялись. Ушкуй при этом оказался ниже борта «Волховы» метра на три, так что абордаж стал бы нелёгким делом. Хотя две трёхзубые «кошки» на верёвках уже впились в доски парусника.

Капитан взмахнул топором.

– Да погоди снасти портить, может, договоримся…

– Ну, что ты, Вася, ко мне привязался? – сказал Садко и опустил топор. – Я иду налегке, без груза, без товара, по найму, расчёт только по прибытии – какая тебе корысть? Ты мне ещё за парус продырявленный должен. Я тебя в Новгороде на суд потащу…

– На суд? – рассмеялся Васька. – Изволь. Только у меня теперь есть свой собственный…

– Адвокат Куковяка – луч света среди мрака! – подсказал адвокат Куковяка.

– Во-во! Он законы лучше всяких судей знает!

Тут раздался зычный голос Тристана:

– Какие-то проблемы, мастер Садко, сэр?

Рыцарь снова был при полном параде и стоял, опираясь на страшный свой меч.

– Это что ещё за чучело?

– Это, Вася, такое чучело, от которого вороны, вроде тебя и твоих бойцов, мигом в стороны разлетятся, – сказал Садко. – Тристан из Лионесса, тот самый, что Морхольта Иверийского порешил!

Имя побеждённого великана было, как видно, знакомо Ваське – так рожа атаманская вытянулась.

– Морхо-ольта? Ну так сразу бы и сказали! А то: «Васька, Васька»… А Васька с вами всего лишь поторговаться хочет!

– С нами? – усмехнулся Садко.

– Вернее сказать, вот с ним. – И Буслаев указал на Костю. – Парнишка, сымай портки! А я тебе золота кошель дам!

От столь похабного предложения все обалдели – и моряки, и ушкуйники, и бандюганы, и Костя с Нилом, и даже Колобок.

Не обалдел только хладнокровный Тристан.

– У нас в Корнуолле такие оскорбления смываются лишь кровью, – сказал он и протянул Косте свой меч.

– Это знак высшего доверия, – шепнул Колобок, сидевший на плече богатыря. Но Костя не слышал, поскольку всё ещё пребывал в изумлённом состоянии.

Тут вперёд начальства вылез Ефрем Куковяка. Костюм адвоката, некогда элегантный, был помят и грязен.

– Не надо нам ни крови, ни насилия – вы превратно поняли моего клиента Василия. Он хотел лишь сказать, что ему нужны вот эти ваши, юноша, простые штаны. Чем уж они так полюбились ему, я и сам не пойму. Но вот как-то так. Совершим же обмена акт: вы нам брюки, а мы вам золото из рук в руки. И, сбывши никчёмный секонд-хенд, вы получите полный хеппи-энд! Продал поношенные штаны – и все проблемы финансовые решены! Как с куста – золотых полста! Таких денег не заработать и за три года, так что выходит огромная выгода…

– Что посоветуешь, Виссарион Глобальный? – спросил Костя. – Зачем ему Святогоровы штаны?

– Не пойму я, в чём тут подляна, – сказал Колобок, а он очень редко признавал свою некомпетентность.

– Хватит нам за призраком наживы гоняться, – решительно заявил Филимонов. – Всё-таки наликом платят. А у меня в мешке запасные треники лежат. Правда, они тебе коротковаты будут…

– Василий! – крикнул Костя. – Зачем тебе чужие портки? Обоснуй!

Буслаев наклонился к адвокату, и они пошептались, после чего командир ушкуйников находчиво ответил:

– Больно покрой понравился. Мамка их распорет, разберётся, и мне потом такие же сошьёт, только не из дерюги, а из рытого веденецкого алого бархата… Желаю киевского выскочку, Чурилу Пленковича, превзойти! А то он о себе много стал понимать!

– Гонишь, Вася, – сказал Жихарев. – Сто пудов гонишь. Убили твоего Чурилу.

Буслаев глаза выпучил, рот разинул и брякнул:

– А ты откуда знаешь?

– Да я лично из-за этого метросексуала в подвале князя Владимира полгода под следствием парился, – гордо сказал Костя. – Пока настоящего убийцу я сам не вычислил, не покидая следственного изолятора. Так что не канает отмазка твоя…

– Да чего ты к нему придираешься? – зашептал ботан. – Какое нам дело? Бабки в руки – и ходу! На один золотой тыщу таких шаровар можешь купить!

Смущённому Ваське ещё раз пришлось прибегнуть к услугам

адвоката.

Отмазывался на этот раз сам Куковяка.

– Возникли следующие обстоятельства: моему клиенту нужны доказательства, что он отомстил на славу, устроив над недавним обидчиком расправу. Дабы не пострадал его авторитет, дабы Новгород знал, что равных Василию нет. Доказательство, конечно, не ахти какое, но сойдёт и такое… Оросим улику свинячьей кровию и представим торговому сословию…

– Обычно в таких случаях голову предъявляют, – сказал Костя, – а не штаны.

Тут вмешался и Васька:

– Да после моего удара любую голову мать родная не узнает! Заодно верни-ка мне дубину вязовую – приплачу особо!

– Соглашайся! – шептал Филимонов. – А потом я из каждого золотого сделаю десять, я в биржевой игре разбираюсь! Тебе с этими новгородцами детей не крестить… Ноги нашей больше там не будет…

Колобок хранил молчание – вычислял, должно быть, подляну.

– Давайте, сэр Костя, я спрыгну к ним в ладью да и порублю там всех в начинку для шотландского хаггиса! – предложил Тристан из Лионесса.

Костя задумался.

– Нехорошо выйдет, – сказал он наконец. – Всё же там земляки мои, русские люди, хоть и те, и эти – чистые бандюганы. А Куковяку руби, мне пофиг… Он ведь этот… общечеловеческий…

– Трикстера трогать запрещено! – напомнил Колобок.

И надоела богатырю Жихареву эта торговля! Святогоровых штанов, конечно, жалко – такая память о хождении по Руси Былинной, о гостевании у Микулы Селяниновича и дочери его Василисы! Притом Первоматерия, сносу нет, пуговица необычная… Но не проливать же из-за портков реки крови!

А всё дело идёт к тому…

– Добро, – решительно сказал он и стал разоблачаться.

Васька и адвокат отвернулись – видимо, отсчитывали деньги, сыпали их в мошну.

– Только из рук в руки, – напомнил Костя – уже в длинных боксёрских трусах.

– Я от себя бонус добавлю! – сказал Куковяка, покопался в чёрном кошельке, вышитом бисером, потом крикнул:

– Взвыла да пошла из кармана мошна! Лови!

И подбросил кошелёк вверх, после чего спрятался за спину своего работодателя.

Тут ни с того ни с сего Отарик Батумский, коронованный вор

в законе, а ныне жалкий галерный раб, радостно завопил:

– Палучи, фашист, гранату, дарагой!

Костя ловко поймал кошелёк, вздохнул и швырнул портки в лодку…

…В момент смертельной опасности время, по рассказам уцелевших, начинает плыть медленно-медленно…

Сначала богатырь понял, что в кошельке не монеты, а что-то вроде большого яйца…

– Ложись! – крикнул он, покрепче сжал кошелёк в кулаке и упал на палубу, подложив руку под себя.

Видимо, это у них в семье было врождённое.

Точно так же, много лет назад, лейтенантик Ваня Жихарев упал на такую же гранату Ф-1, из которой бестолковый салажонок кольцо-то выдернул, а швырнуть-то не швырнул: растерялся. К счастью, «лимонка» оказалась бракованная. А то бы не появился Костя на белый свет…

Хотя, похоже, сейчас пришла пора проститься с этим самым белым светом.

Сперва в кулаке возникло неприятное ощущение, как во рту от больного зуба. Богатырь стиснул пальцы ещё крепче. Потом в ладонь ему впились тысячи иголок… Но как же медленно всё происходит! Как бесконечно долго!

Тысячи лет миновали, пока Костя поднялся и разжал руку.

На палубу посыпалась мелкая металлическая труха.

Люди на паруснике и на ладье застыли в молчании до тех пор, пока не послышался робкий голосок Дрона:

– Василий свет Буслаевич! Вы про колечко забывши!

В ответ просвистел исправительно-трудовой кнут Потани Маленького.

А Куковяка пустился в пляс, приговаривая:

– Ни во храме, ни в хлеву я без шуток не живу! Ни в пустыне, ни в снегу без веселья не могу! Хорошая шутка никому не мешает, зато людям жизнь украшает! Делу время, и потехе час – это сказано про нас и про вас. Виноват, каюсь, а всё же честно признаюсь: разыграл я, Костя, тебя, но ведь любя! Теперь уж поздняк метаться – удалась моя имитация! Приём, конечно, не нов, зато оставил тебя без штанов… Да ведь такие пустяки и обсуждать не с руки…

И заткнулся от затрещины Буслаевой.

– Режь верёвки! Дело сделано – нечего перед ними кувыркаться!

Освобождённая ладья стала отдаляться от «Царевны Волховы».

Костя с ненавистью глядел вслед.

– Не печалься, – сказал Колобок. – Не всё потеряно…

– Ну да, – огрызнулся богатырь. – Конечно, существу бесштанному не понять… Спасибо и тебе, Джульверн, – насоветовал…

Страшный крик раздался с уходящего ушкуя!

Васька отбросил от себя украденные портки с такой силой, словно обнаружил там огромную ядовитую змею или тарантула.

Портки шлёпнулись в воду.

– Я же говорил, – заметил Колобок.

Тут подал голос Тристан:

– Я не понял, прекрасные сэры, что здесь произошло? И что за сокровище сокрыто в этих мужицких портках? Может быть, они освящены Верховным Друидом или самим Папой Римским? Хотя Папа, говорят, у нас нынче какой-то чудной…

– А ты погляди, – сказал Колобок.

Святогоровы штаны устремились за кораблём, поочерёдно загребая то одной, то другой гачей, словно пловец кролем.

– Я понял. Это одежда из гардероба дьявола, – и голос бесстрашного рыцаря задрожал. – Теперь они будут преследовать своего злосчастного владельца до края земли и до Судного дня…

Человек по имени Тристан просто обязан быть пессимистом!

– Ишь как стараются, – сказал оптимист Садко. – Уважить надо такие верные порточки. Убрать паруса, вручить богатырю Костянтинушке багор – пущай достаёт!

Аццкий план трикстера

Ночью на корме, укрывшись мешковиной, Костя, Нил и Колобок держали совет.

– Я тут провёл полевую экспертизу осколков, – сказал Джульверн. – Не все ты их в пыль растёр. Кое-что от оболочки осталось. Этого быть не может, но лимонка взорвалась у тебя в руке. Я худею! И никакого кольца там не было. Или Васька его выдернул, или Куковяка. Я-то заметил, какие у них рожи испуганные сделались…

– Ты находишься по другую сторону реки Смородины, – напомнил Колобок. – Здесь всякое случается…

– Сто пудов, – сказал Костя. – Я сам видел, как Микула Селянинович из камня сок выжимал. Этим соком бородавки прижигают, а девки его разводят квасом и брови чернят… Значит, я тоже кое-что могу, кроме грузовиков и рельсов…

(Надо сказать, что Костя, вернувшись домой из прошлого похода, как-то охладел к силовому экстриму. Однажды он расхвастался перед богатырями своими спортивными достижениями, вовсю хвост распускал, пока Алёша Попович, дурман ядовитый, не спросил:

– А вы там, в вашей дружине, ещё гвозди… не дёргаете? Нет? А надо бы! Самая богатырская забава!

Остальные в застолье расхохотались так, что Косте стало стыдно. С тех пор и поселились в нём сомнения в избранном виде спорта…)

– Осталось два вопроса, – рассуждал Филимонов. – Во-первых, зачем Буслаеву понадобились твои портки. Во-вторых, почему Васька, заполучив их, тут же выбросил в воду?

– Ну, со вторым-то понятно, – сказал Костя. – Он глянул на пуговицу, ну и… того!

– Чего – того? – не понял Джульверн.

– Перепугался! – сказал богатырь. – Ведь пуговица – от слова «пугать»…

– Правда, Колобок?

– Сущая правда, – сказал вожатый. – Сперва пуговица была оберегом, амулетом, отгоняла зло от владельца. Потом это название перешло на застёжку, а значение слова забылось. Язык, брат, сам всё расскажет, только умей спросить…

Джульверн тут же приподнялся, включил фонарик и стал рассматривать пресловутую пуговицу. Потом прошептал:

– Действительно, жуть какая-то. Бр-р…

– То-то, – сказал Колобок. – Вот ты, Нил, человек учёный,

скептик, но и ты почувствовал, так сказать, эманацию ужаса, исходящую от этого предмета. А каково же суеверному аборигену?

– Тогда надо будет с утреца Тристана пугануть, – осенило Филимонова. – Он у меня враз про любовь забудет!

– Вот отрубит он тебе дурную башку с перепугу-то! – посулил Костя. – Туши свет, не расходуй – я не нанимался эту рукоятку вечно крутить…

– Зато источник света у нас практически вечный, – оправдался ботан. – Но вернёмся к штанам. В воде они не тонут и даже не намокают. В огне, вероятно, не горят. На разрыв не поддаются…

– На разрыв! Да их арбалетный болт не берёт, пробовали! – гордо сказал Костя. – Мне бы ещё толстовочку такую – и доспехов не надо. Их же на самого Святогора шили – правда, в детском возрасте…

– Вот я и думаю, – сказал Филимонов, – что виною всему штаны и твой друг Куковяка…

– Верно думаешь, – зевнул Колобок. – Трикстер – великий выдумщик. Сочинил, наверное, сказку про портки, которые делают своего владельца непобедимым силачом, – и замотивировал Пыпу с компанией. Не учёл только, бедняга, что блатные никому не доверяют – так, на всякий случай. Вот и оказался не предводителем их, а пленником. Но не растерялся Куковяка – замотивировал таким же манером и легковерного Буслаева… А что ушкуйники с бандюганами справились, и вовсе не диво: дышат чистым воздухом, едят экологически чистую пищу, не курят, пьют медовуху, пока водку не придумали… А медовуха – вещь коварная, вот и попали наши урки в неволю! Но почему этот пламенный кавказец про гранату крикнул? Он что, на нашей стороне?

– Да просто он дурак, – сказал Филимонов. – Наверняка эту гранату конфисковали именно у него. И когда увидели бандюганы, что ты с ней сотворил… Думаю, они нас больше не потревожат…

– Всё под контролем. Всё под контролем, – сообщил с мачты Кузьма-Демьян.

– Намекает, что спать надо, – сказал Колобок. – На рассвете подойдём к берегам Ирландии…

Дары депрессивного берега

…Эта самая Ирландия оказалась, по выражению Филимонова, страной «тотально беспонтовой».

Костя напросился пойти с Тристаном к здешнему королю Ангвисансу – свататься.

– А то вдруг он тебе захочет великана припомнить, – пояснил он. – Королям да князьям всяким у меня веры нет, а есть вот это!

И показал червлёный вяз, с которого Джульверн уже успел ободрать позолоту и выковырять красивые камушки.

Нил Филимонов и Садко решили пройтись по приморскому городку – посмотреть, прикинуть, нет ли подходящего товару, чтобы сбыть его втридорога жителям Корнуолла. Ботан и купец быстро нашли общий язык.

Колобок отказался идти на берег, хоть и не любил моря.

– Знаю я этих ирландцев, – сказал он. – Вечно жрать хотят. Исторически. Не успеешь и слова молвить…

И захрапел на своей бухте каната. Недаром говорят пекари, что тесто в квашне «ещё спит»!

Воротились к вечеру – кто с невестой и с приданым, а кто с пустыми руками.

Приданое тоже было так себе: служанка Бранвен, с виду такая глуповатая девушка, да ящик с глиняными сосудами, среди которых, надо думать, и находилось приворотное зелье.

– Ничего, – оценил ботан Изольду. – Конечно, для тех, кто рыжих любит. Только тощая, как фотомодель. Что делать – держава у короля Ангвисанса депрессивная. Ничего у них нет, даже пиво «Гиннес» ещё не научились варить. Одни песни под арфу да айриш-степ. Зелени много, не спорю, но овцы всё равно тощие. Одна радость, что змей тут не водится. Говорят, что святой Патрик их прогнал и все они уползли в синее море, где и захлебнулись…

– Брехня! – отозвался злой спросонья Колобок. – Наверняка сами слопали бедных гадючек, а потом: Патрик, Патрик…

Виссарион Глобальный всю свою ненависть к сказочной коварной лисе перенёс на незадачливых рыжих ирландцев!

– Валить отсюда надо, – продолжал свою линию Джульверн. – Садко наш тоже никакой продукции на экспорт не нашел…

– Ага, и королевский дворец так себе… Да домик охраны при особняке у хозяина мыльного завода и то больше, – сказал Костя. – А мы-то жалуемся, что наш Кислорецк бедный!

– Это потому, что у них экономика была сильно милитаризована, – важно объяснил Джульверн. – На рынке до сих

пор не сняли баннер: «Всё для фронта, всё для Морхольта!» А на стенах тайком пишут: «Слава Тристану-избавителю, проглота погубителю!» Помаленьку стали выкарабкиваться из коллапса, только ведь и в наши дни Ирландия – не самая богатая страна… Никаких сокровищ мы здесь не найдём. Разве что по невесте…

Садко сказал, что «Волхова» продолжит плавание на рассвете.

Поужинали бутербродами с овечьим сыром, причём здешний хлеб из овса Колобок сурово раскритиковал:

– От такой продукции у них и морды лошадиные!

– Ну ты расист! – сказал Костя. – У девушек очень даже не лошадиные…

Когда совсем стемнело, Джульверн, лежавший на мешках, сказал:

– Ух ты! Здесь и звёзды совсем чужие! Ни одного знакомого созвездия не могу найти, словно мы на другой планете!

– Это потому, что в эпосах и легендах редко можно встретить описание звёздного неба, – пояснил Колобок. – Вот светила и понатыканы по всему небосводу, как картошка, – квадратно-гнездовым методом. Или как серебряные гвоздики в обивке из синего бархата…

Продемонстрировал своё поэтическое мышление, зевнул – и снова захрапел.

Кузьма-Демьян уже не сидел на рее – видно, подался на ночную охоту за корабельными крысами, что нехарактерно для чаек.

– А Тристана с Изольдой мне всё-таки жалко, – вздохнул Филимонов. – Не заслужили они такую горькую судьбу. Я вот что придумал. Я это ирландское приворотное зелье подменю, как все уснут. Вылью за борт, а в кувшин – томатный сок, есть у меня одна упаковочка. Помидоров тут ещё не знают, значит, сойдёт…

Вздохнул и Костя.

– Ты всё-таки, Джульверн, умный-умный, а простых вещей не понимаешь. Ты заценил, как они друг на друга смотрели? При чём тут приворот? Да у них любовь ещё с тех пор, когда Изольда Тристана из комы вытаскивала!

– А ты откуда знаешь?

– Знаю, потому что батя с мамой вот так же познакомились в ташкентском госпитале. А потом случайно встретились в Рязани – и сразу поженились…

– Хорошая у тебя семья, – грустно сказал Филимонов. – Давай спать.

…Проснулись друзья от высокого женского визга.

«Волхова» полным ходом спешила к туманным берегам Альбиона, а принц Пичалька с криком «Убью!» гонял по палубе

глупенькую служанку Бранвен. При этом рыцарь норовил запустить в неё глиняной посудиной, но из-за качки не мог толком прицелиться.

– А я чо? – кричала служанка с сильным ирландским акцентом. – Я ничо!

Рыжая Изольда стояла, уперев руки в бока, и хохотала, как последний раз в жизни.

Когда соединёнными усилиями Кости и капитана удалось утихомирить разгневанного воина, выяснилось следующее.

Оказалось, что морской болезни был подвержен не только королевский сват, но и королевская невеста. Благородный рыцарь решил исцелить девицу и себя проверенным способом, потому и разыскал в ящике посудину с виски. Но окаянная Бранвен уже приговорила напиточек (скупец Ангвисанс послал с дочерью самую лихую да вороватую бабёнку из придворного персонала) и, желая скрыть недостачу, перелила в кувшин из-под ирландской самогонки содержимое заветного сосуда. Ну ничего уже не соображала! А пригубить зелье успели оба…

– Вот всё и решилось, – сказал Колобок. – Теперь, Нил, ничего уже не изменишь… Да и не затем ты в путь тронулся, чтобы классических влюблённых курировать и воевать с судьбой!

– А Тристан-то наш сегодня ни фига не грустный! – сказал Костя. – Первый раз вижу, чтобы он улыбался…

…Но на причале королевскую невесту ждали посланцы дядюшки Марка.

Тристан рассчитался с капитаном, пожелал «Царевне Волхове» семь футов под килем, подсадил Изольду на коня, сам вскочил в седло и крикнул на прощание:

– Всех вам благ, сэр Костя! Уповаю, что случай ещё сведёт нас, и мы преломим копья и мечи в доброй схватке!

– Чего это он? – удивился богатырь. – Я его сто пудов не обижал!

– Это значит, что он признаёт тебя равным, – сказал Колобок.

А Филимонова рыцарь обошёл вниманием: тогдашняя властная элита (впрочем, и нынешняя) относилась к учёным людям как к обслуживающему персоналу…

– А я-то ему помочь хотел… – сказал разочарованный ботан.

Настала пора расставаться и с Садком.

– «Волхова» тут недолго простоит, – сказал капитан. – Загрузимся шерстью и пойдём к варягам – пусть свяжут себе тёплые рубахи. А за вашу верную службу, за дела бесценные примите вот эту кису…

И протянул замшевый кошель – не большой, но и не маленький.

– Всё, что могу. – Садко приложил руку к сердцу. – Не найдёте удачи на этой земле – вернётесь на материк. Подвселенная велика, где-нибудь и вас золотые горы поджидают!

Чайка по имени Кузьма-Демьян тяжело снялась с реи и спланировала на плечо богатыря.

– Дивная птица, – сказал кормчий Семейка. – По полному вежеству живёт. Другая бы нам всю палубу загадила… Храни вас Никола Морской, ребятки!

Остальные корабельщики новгородские пожелали друзьям попутного ветра и вернулись к своим делам, которых на любом судне – выше крыши.

Маленькая компания осталась на чужом берегу без дальнейшего плана действий. Как-то не продумали. А путеводителей по Британии ещё не было и в заводе…

Их окружало сплошное мрачное Средневековье…

– Я в этих краях не катался, – растерянно сказал Колобок. – Англия, конечно, богата сказками, но персонажа, подобного мне, тут не водится…

– Я знаю, куда мы направимся, – решительно заявил Джульверн. – Эй, добрый человек, где у вас тут Камелот, сэр?

– А вот этого не надо, – остановил его вожатый. – Туда мы точно не пойдём.

Артур и его команда

Если сказать честно, то король Артур – личность не более реальная, чем наш русский Царь Горох.

Но о короле Артуре и его рыцарях написаны тысячи книг, сложены сотни баллад, сняты десятки фильмов и сериалов, создано множество живописных и музыкальных произведений.

А про Царя Гороха рассказывает только одна книга, да и ту сочинили академики Платонов и Невтонов. Называется она «Царь Горох – потомок инопланетных пришельцев». Во как!

Артуровская легенда оказала на английскую культуру не меньшее влияние, чем, например, творчество Уильяма Шекспира. Особенно с девятнадцатого века, когда в моду вошла романтика Средневековья, да там и осталась практически до нашего времени.

А всё потому, что нашёлся некий человек, собрал все сказания о Камелоте и людях Круглого стола и свёл в одну толстенную книгу под названием «Смерть Артура». Звали его сэр Томас Мэлори, и жил он в XV веке, когда в стране шла опустошительная война Алой и Белой роз за корону Англии. Йорки лупили Ланкастеров, Ланкастеры потрошили Йорков, а престол в конце концов заняли настырные Тюдоры.

Но сроду бы сэр Томас не взялся за эту работу, кабы не засадили его в тюрьму. Не в первый раз и не в последний – числились за ним и грабежи, и кражи, и даже изнасилование. Шебутной был парнишка, а ещё грамотный! Его и судили, и на поруки брали, и побег ему устраивали. В общей сложности где-то лет двадцать прожил он на казённых харчах.

И то ли от скуки, то ли желая преподнести королю Эдуарду Четвёртому Ланкастеру уникальный подарок, он и создал свой капитальнейший труд. Пользовался при этом многими источниками, а уж откуда он брал книги, неизвестно.

Аккурат сорок лет назад, в 1974 году, в серии «Литературные памятники» появился русский перевод книги сэра Томаса.

Нынешнему читателю этот текст может показаться утомительным, но если вчитаешься…

«– Сэр, – сказал сэр Ланселот, – вон там едет прекраснейшая в мире дама, исключая вашу королеву леди Гвиневеру.

– Кто же это? – спросил король Артур.

– Сэр, – он отвечал, – это королева Изольда, не имеющая себе равных, за исключением госпожи моей, вашей королевы.

– Тогда садитесь на коня, – сказал король Артур, – в полном

вооружении, как и я, и клянусь, – сказал король, – я её увижу.

Вот они облачились в доспехи, сели на коней и, взявши каждый по копью, тоже углубились в лес.

– Сэр, – сказал сэр Ланселот, – не дело это подъезжать к ним так близко, ибо знайте, двое из них – превосходные рыцари, каких только можно сыскать на свете. И потому, сэр, прошу вас, не будьте столь опрометчивы, ведь может статься, что кто-нибудь из них будет не доволен, если мы внезапно к ним приблизимся.

– Что до этого, – сказал король Артур, – то я всё равно желаю её увидеть, и мне нет дела, понравится это кому-то или нет.

– Сэр, – отвечал сэр Ланселот, – вы подвергаете себя большой опасности.

– Ну а что до этого, – сказал король, – то мы не уклонимся от опасности.

И с тем король подъехал к ней вплотную и сказал:

– Спаси вас Господь!

– Сэр, – она отвечала, – я вас благодарю.

Король её разглядел, и она ему очень понравилась. Но тут к нему как раз подъехал сэр Паломид и сказал так:

– Что ты ищешь здесь, неучтивейший из рыцарей? Ведь это неучтиво, так приближаться к даме. И потому удались!

Но король и внимания не обратил на слова сэра Паломида, он продолжал смотреть, не отрываясь, на королеву Изольду. Тогда разгневался сэр Паломид, схватил копьё и ринулся на короля Артура, и выбил его одним могучим ударом из седла…»

Читать такое надо помаленьку, медленно – тогда почувствуешь то, что именуется «ароматом эпохи»… Русский читатель, без сомнения, заметит многочисленные повторы, постоянные эпитеты (например, удар непременно «могучий»), знакомые ему по русским былинам…

В конце концов «Смерть Артура» стала настольной книгой всякого британского патриота.

И не только британского. Любой образованный (и даже не очень) европеец (француз, немец, итальянец, бельгиец) прекрасно знал, кто имеет право взять в руки Святой Грааль, почему королевский меч надо вытаскивать из камня, куда феи увезли смертельно раненного Артура и на кого забрасывает свои сети Король-рыбак.

Так что легенда была общая, и хватало её на всех. Но англоязычный мир относился к ней по-особому. Из маленькой воображаемой державы воображаемого Артура выросла реальная Британская империя, над которой не заходило солнце.

Вот что значит удачный бэкграунд! Мы не колонизаторы-

грабители – мы благородные странствующие рыцари, несущие свет всем прочим народам во имя святой цели! Несите бремя белых!

Но империя распалась, а легенда осталась.

Романисты, художники, поэты, музыканты, режиссёры театра и кино вплоть до нынешнего дня продолжают с успехом её эксплуатировать. Уже в XXI веке сняли полнометражный фильм «Король Артур» (попытка приблизить легенду к исторической правде) и сериалы «Мерлин» и «Камелот» – сказки для подростков.

Пересказывать всю Артуриану бессмысленно. Слишком она обширна. Ведь, по некоторым источникам, за Круглым столом могло одновременно сидеть от 150 до 1600 рыцарей!

(Да ведь нынешнее понятие «круглый стол» из той же легенды!)

Подвигам Ланселота и Лоэнгрина, Персеваля и Галахада тоже посвящено множество произведений – от Средних веков до наших дней. Упоминавшийся уже Рихард Вагнер, написавший оперу «Тристан и Изольда», создал ещё два шедевра – «Парцифаль» (Персеваль) и «Лоэнгрин». А свадебный марш из последней оперы до сих пор успешно соперничает со свадебным маршем Мендельсона.

Артуриана (то есть совокупность всех посвящённых данной теме произведений) столь обширна и разнообразна, что погрузиться в неё легко, а вот выбраться будет трудновато. И даже выбравшись, мы будем натыкаться на её следы в самых неожиданных местах.

Легенда Камелота и Круглого стола настолько прочно вошла в западноевропейскую культуру, что профессору Толкиену, автору «Властелина колец», пришлось очень сильно постараться, создавая свой собственный, не похожий на Артуровский, мир прошлого.

А великий американский писатель Марк Твен мощно «опустил» всеми чтимую легенду, создав весёлый и грустный роман «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура». Придумал он и первого «попаданца», попытавшегося ускорить прогресс, – заводского мастера Хэнка Моргана. Простой грубоватый парень из глубинки живо перевоспитал спесивых рыцарей и даже пересадил их с коней на велосипеды… Только всё кончилось плохо – как в жизни.

Каждый творец находит в Артуровой легенде что хочет. Режиссёр Терри Гиллиам, например, снял два совершенно разных фильма: уморительное шоу «Монти Пайтон и Святой Грааль» и пронзительную драму «Король-рыбак».

В общем, таскать им не перетаскать.

Но на Руси так и не нашёлся человек, который мог бы, подобно сэру Томасу Мэлори, свести воедино все былины – не важно, в стихах или в прозе. Хотя все необходимые условия для этого великого деяния, казалось бы, созданы: суровые законы, немилостивые судьи, огромные сроки, крепкие тюрьмы…

А на выходе – то «Колымские рассказы», то «Архипелаг ГУЛАГ», а то вообще «Наследник из Калькутты».

Ментальность, видимо, не та…

– Так что, друзья, не найти там никаких ценностей, кроме разве что духовных, да и те отныне считаются на Руси чуждыми. Рыцарь ведь не может сражаться из-за денег или территорий – только за честь, свою или дамы, да ещё за своего короля, такого же бессребреника. Ну, я имею в виду рыцаря из легенды. Он до таких низменных материй не опускается. «Да как вы посмели заподозрить меня в гнусной корысти, добрый сэр? Соскучились по моему могучему удару копьём?»

– Уговорил, – сказал Костя. – Старшие богатыри на заставе, помню, тоже насчёт бабок не парились. Хотя дань за проезд мимо рубежа охотно брали. Но ведь на текущие расходы! И нас учили совершенно бесплатно…

– Жаль, – сказал Филимонов. – А то бы мы приняли участие в королевском квесте. Академики Платонов и Невтонов считают, что Святой Грааль – это особое высокотехнологичное устройство, оставленное инопланетянами. И тот, кто его отыщет…

– Ага. Трансглюкатор с миелофоном, – сказал Костя. – Сколько у нас денег?

– Два десятка серебряных динариев и один византийский золотой солид. Да ещё ноутбук загоним кому-нибудь, пока не сел аккумулятор. И патроны я собрал – двадцать четыре штуки.

– Зачем они нам без автомата? – удивился богатырь.

– Порох и капсюли пригодятся. А гильзы сойдут за ювелирные изделия, – сказал Джульверн. – Ну что, пойдём в город?

– Не советую, – снова сказал Колобок. – Начнутся расспросы – кто такие, откуда, зачем… Стража везде одинаковая. А ноутбук сочтут дьявольской шкатулкой. И вся наша небольшая денежка уйдёт на взятки правоохранительным органам. Вы что, боитесь под открытым небом переночевать? Вам непременно гостиницу подавай? Тогда поищем придорожную…

Ведь в эпосе как? Вот сейчас герой в пункте А, а в следующей строфе или абзаце он уже в пункте Б. Описание дороги и дорожных встреч опускается – если только этого не требует сюжет.

Вроде и недалеко ушла экспедиция от портового городка, а уж вот тебе и придорожный трактир нарисовался, сложенный из дикого камня. На вывеске намалёвана была какая-то странная корова, но надпись гласила, что это «Реальный единорог».

Под коровой нагло сияли пять звёзд.

Перед входной дверью была коновязь, возле неё толклись три

лошади, явно не рыцарские. Клячи весело хрупали овсом.

– Нештатная ситуация! – предупредила ложная чайка, гуляя вдоль дороги.

– А, вот оно что…

На земле сидели шестеро человек в оковах. Для верности бедняг ещё забили в деревянные колодки.

– Стоп, – сказал вожатый. – Что-то рожи знакомые.

– Не может быть, – сказал ботан. – Выходит, они раньше нас сюда добрались?

– Ну да, – сказал Костя. – Мы ведь в ирландскую гавань заходили. Сутки там простояли. А скорость у них сам видел какая…

– Значит, в трактире нас поджидает Васька с ушкуйниками, – сказал Колобок. – Куковяка предугадал наши действия. Ночлег накрылся. А урок они оставили снаружи в качестве охранения, то есть на атасе… Надо идти в другую сторону от города!

– Проскочим. Спят они все непробудным сном. Ещё бы – умаялись, болезные… А ушкуйники наверняка уже все пьяные.

– Я вас предупредил, – напомнил Виссарион Глобальный. – Трикстера хмель не берёт… Вроде бы…

Путники подошли поближе.

Да, это были они – Пыпа, Дрон и все прочие. Одежда их превратилась в лохмотья – не жалел кнута Потаня Маленький!

– Тогда послушаем под окошком и узнаем планы врага. В сказках и легендах всегда так делают. Царь Салтан, к примеру, трёх девиц подслушивал… – предложил Джульверн.

– Ты быстро здешние законы постигаешь, – одобрил вожатый. – Только не вздумай их потом в реальной жизни применить!

И действительно, сквозь маленькое окошко, затянутое бычьим пузырем, пробивался знакомый голос:

– Леди и джентльмены! В туманном Альбионе грядут большие перемены! Поддержите нашу братию – получите вместо короля чистую демократию! Жизнь станет свободная, а власть народная. Вождь наш, великий Василий, не пожалеет усилий, уж он-то любит народ, а феодалы – наоборот! Угнетают простых людей, и – ненавидят передовые идеи! Те же, кому свобода, равенство и братство милы, пусть хватают дубины да вилы! К топору зовите Британию! А пока устроим братание. Давай-ка, хозяин, ещё налей, и выпьем за погибель всех королей!

Дальнейшая агитация потонула в общем восторженном рёве.

– Он что – революцию собрался устраивать? – ахнул ботан. – Или у него планы переменились?

– Трикстер сам спокойно жить не может и другим не даёт, –

объяснил Колобок. – Ваське с дружиной пограбить охота, добыть английских зипунов, вот Куковяка и хочет создать благоприятные условия. Нахапают, сколько надо, потом с добычей на ушкуй – и домой! А рыцари развешают несчастных мужиков вдоль дороги…

– Но если они и вправду захватят власть? – сказал Костя.

– Почему нет? – сказал вожатый. – Вон у Фиделя Кастро тоже отряд был небольшой, однако добились своего. Куба либре! Признаться, смутил ты меня, Константин… Хе-хе, вот мы вернёмся домой, а книга Томаса Мэлори уже называется не «Смерть Артура», а «Жизнь Василия Буслаева», и автор – Потаня Маленький…

– Не бывать тому, – решительно сказал Костя. – Не дам мужиков подставлять и красивую чужую легенду курочить! У них – своё, у нас – своё!

– Верно, – поддержал Нил. – Не нужен нам берег британский, хотя пошерстить их, конечно, надо. Пусть запомнят русскую удаль! Всё равно англичане нас не любят, так хоть будет за что… А я своим коллегамакадемикам сообщение пошлю, когда вернёмся!

– Вот как раз из-за них ты реальную историю путаешь с легендарной, – поморщился Колобок. – В худшем случае появится вновь открытая былина, как Васька ходил в землю аглицкую и бился с королищем со Артурищем… И платило ему то Артурище дани-подати ой да великие… Но нам ли заботиться об ушкуйниках и прочих бандюганах?

Костя с сомнением поглядел на спящих невольников.

– Эти-то реальные люди. Брусок-младший вообще нормальный парень, это его брат втянул в криминал. Нельзя их вот так оставлять. Всё должно быть по закону…

Он наклонился и тронул Пыпу за плечо.

Кислорецкий пахан спросонья вытаращил очи и заорал:

– Василий свет Буслаевич! Атас!

Хорошо, что в трактире в это время местные затянули старинную революционную песню:

> When Adam delved and Eve span,
> Who was then the gentelman?
> (Когда Адам пахал, а Ева пряла,
> Кто был господином?)

Проняла британских мужиков Куковякина пропаганда!

– А ты этих мерзавцев ещё пожалел! – упрекнул вожатый. – Сейчас они тебя отблагодарят…

Но Пыпа не успел заорать ещё раз: Дрон сложил вместе

скованные кулаки и обрушил на голову начальника, а потом заговорил страстным шёпотом:

– Костя, брат, выручи нас! Прости за всё! Разрулим мы все ваши заморочки, гад буду, зуб даю! Только выведи нас отсюда! Сдал нас адвокат этим беспредельщикам новгородским! Не зря псковские правильные пацаны до сих пор на них баллон катят! Васька нас в рабство муслимам хочет продать, как ценных гребцов! Сдохнете, сказал, на галерах! Но ты же русский человек, брат!

Костя вспомнил соответствующую фразу из популярного фильма:

– Не брат ты мне, гнида криминальная! Но и бросать вас тут не дело, не по-людски будет. Богатыристика обязывает!

– Освобождай их по одному, – сказал Джульверн, – и пусть отбегают вдоль по дороге как можно дальше. Кто рыпнется – получит по башке червлёным вязом!

– Вполне разумно, – сказал Колобок. – Хотя вяз уже не сказать чтоб сильно червлёный…

Полицейских наручников (ты гляди, блатота и этим запаслась!) ушкуйникам хватило только на Пыпу и Дрона, остальных связали верёвками.

– Ключ есть? – спросил Костя.

– Всё выгребли, – сказал Дрон. – Подчистую. Голяк.

– А гранаты? – сказал ботан.

– Их два штука было, – подал голос Отарик Батумский. – Один штука в реку бросали, хотели их пугать. Потом рыба собирали, уха варили, медовуха пили. Второй штука ты поломал.

– Так. Ещё оружие было?

– Два ствола, – сказал Дрон. – Старенький китайский парабеллум и мой личный «глок». Новьё. Муха не сидела. Подарок от правления «Кислобанка»… Ох, и десять пачек патронов…

– А что такое предохранитель, вы им объяснили? – не унимался дотошный Джульверн.

– Если бы тебя так лупили, ты бы тоже объяснил, – мрачно сказал Дрон. – Я же говорю – полный беспредел… Только они всё равно ничего не поняли. Мне так кажется.

– Слабая надежда, – сказал ботан.

– Быстрее, ребята, – поторопил Колобок. – А то кому-нибудь приспичит выйти до ветру…

Костя взял руки Дрона в свои и резко развёл их в стороны.

Дрон взвыл, цепочка лопнула.

– А ты боялся, – сказал Костя. – Беги теперь, куда сказали.

– С Пыпы браслеты не снимай, пожалуйста, – попросил Дрон.

Ведь теперь он автоматически становился главным!

– Пахана Ваське на память оставите? – сказал Филимонов.

– Русские своих не бросают! – заявил, обретя достоинство, новый пахан Дрон. – Мы его сами на сходняке раскоронуем за ссучиванье и крысятничество.

Закинул бесчувственного главаря на плечо и потрусил по дороге.

Потом богатырь освободил Гарика Сатану.

– Выведем гада из совета директоров! – пообещал Гарик и тоже отбежал на указанное место.

– Резать будем! Кишки-мишки! – страстно воскликнул вольный Отарик.

– Костя, прости, нас заставили, – забормотал на прощание Брусок-старший. – Заставили и подставили…

А у младшего Бруска Костя спросил тихонько:

– Юра, где ладья?

– Ушкуй-то? В кустах у берега спрятали. Хватило ума у Васьки не светиться в порту.

– Найдёте?

– Не вопрос.

Тут и Джульверн явил человечность: вручил Бруску-младшему одну из своих зажигалок – вещь в здешних краях не лишняя.

– Дай-ка я им на прощание инструкцию доведу! – сказал он.

В трактире тем временем звучала уже другая песня:

Некогда десять разбойников
В море купаться пошли.
Первый с акулою встретился —
И сапогов не нашли!

Вздумали девять разбойников
Буйный устроить набег.
Несколько раз посчиталися —
Снова пропал человек.

Восемь разбойников в городе
Грабить пошли на базар.
И есаула лишилися —
Я, говорит, завязал.

Семь молодцов подрядилися
Местных крестьян охранять…

К сожалению, дослушать балладу до последнего разбойника не удалось.

– Значит, так, – сказал Филимонов, обращаясь к бандитам, скучковавшимся поодаль. – Переводить вас через рубеж Смородины мы не будем, некогда нам. Можете ночью выкрасть Куковяку, если смелости хватит. Пусть он вас вытаскивает, коли завёл сюда. Если смелости всё же не хватит – убирайтесь побыстрее. Грести вы, как я понял, научились, доплывёте до Новгорода, если у Морского царя к вам вопросов не возникнет. Найдёте место, где переходили, – ваше счастье, ждите нас там. И никаких подлостей! Старшим назначаю Отарика Батумского… А теперь – бегом!

Урки развернулись – и побежали в сторону моря.

– Всё под контролем, – объявил Кузьма-Демьян.

– А почему ты Отарика назначил старшим? – спросил Костя.

– Потому что врагов надо держать в состоянии раздора, – сказал ботан. – Я и зажигалку отдал Юрке Бруску не просто так. Из-за этой зажигалки у них…

– Поздравляю, синьор Макьявелли! – воскликнул Колобок. – Теперь осталось только решить маленькую проблему – куда нам идти?

Глас подземельный

…В лесу Кузьма-Демьян скинул морскую маскировку, поскольку очутился в своей стихии, и сразу принялся мрачно ухать, перелетая с ветки на ветку.

Вначале они старались идти параллельно дороге, но мало-помалу загребали в сторону, пока, наконец, не очутились в чаще.

– Может, всё-таки на дорогу вернёмся? – сказал Джульверн.

– Нет. Я не могу вами рисковать, – возразил вожатый. – Я за вас отвечаю.

– Перед кем?

– Да хотя бы перед Патрикеей Маркидоновной.

Этого было достаточно.

Они шли и шли незнамо куда, пока не притомились. Кстати, и мрачное средневековое солнце стало опускаться за невидимый горизонт.

– Остановимся на ночлег, – объявил Колобок. – Вот здесь, у камня.

– Страшновато, – честно признался Филимонов. – Даже с фонариком.

– Всё под контролем, – успокоил его откуда-то из темноты сторожевой филин.

– Разведём костёр, – сказал Жихарев. – Порубаем и спать.

– Что страшновато – это даже хорошо, – сказал Колобок.

– Чего уж хорошего…

– А того хорошего, что здешние люди больше твоего боятся заходить в чащобу. В своё время человек слез с дерева и стал жить в лесу. Потом освоил подсечно-огневое земледелие, расчистил землю и начал глядеть на своё бывшее убежище со страхом. А уж когда появились города, то их обитатели и вовсе старались сюда носа не казать, тем более в ночные часы… Доставай, Константин, эти окаянные туески! Хорошо, что у меня рёбер нет!

Ботан обошёл с фонариком ближние окрестности, набрал сушняка, потом стал соображать костёр, пока Жихарев не отобрал у него зажигалку:

– Дай-ка я, Менделеев…

За время жизни в Былинной Руси он уже научился обходиться без достижений цивилизации, но сейчас кремня, кресала и трута под рукой не было…

– Ты и сковородку взял? – удивился Колобок.

– И котелок. Не вчера родился! – сказал Костя. – Сейчас мы прабабушкины пироги разогреем…

– Хозяйственный! – похвалил вожатый.

После пирогов, запитых новгородским квасом, совсем было наладились спать, как вдруг из-под земли стали доноситься мощные глухие удары.

– Это ещё что? – вскинулся Жихарев.

Мало того, к ударам присоединился чей-то страшный, низкий бас:

– Бадемагус! Бадемагус! Отвали камень, душно мне! Приведи людей! Сил моих нет!

– Что делать будем? – спросил Костя.

Вожатый молчал – уснул, должно быть.

– Пусть себе базлает, – боязливо сказал Джульверн. – Вдруг это Вий какой-нибудь местный? У нас сосед в выходные ещё громче орёт по ночам, но человек ко всему привыкает…

– Бадемагус! Прокляну!

– А ты кто? – спросил Костя, сложив ладони рупором и обращаясь в сторону камня, откуда и раздавались причитания.

– Я Мерлин!

– Тот самый?

– Самый тот! Бадемагус, ты что, из ума выжил? Отвали камень!

– Я не Бадемагус, – ответил Костя. – Но попробую.

Он встал, подошёл к скале, возле которой камень и лежал, и попробовал сдвинуть его с места.

– Ой, дурак, – простонал ботан. – Виссарион, скажи хоть ты ему…

Колобок не отозвался.

Вроде бы и валун был небольшой, а не поддавался никак. Раньше такая тяжесть была бы нипочём богатырю, но сейчас…

– Он на каком-то суперцементе сидит, господин Мерлин! – попытался оправдаться Костя. – Это непростой камень!

– Сам знаю, что непростой! – отозвался невидимый Мерлин. – Человеческие руки не в силах его сдвинуть…

– Так я же человек, – сказал Костя. – Хоть и тяжёлый атлет. Но всё равно ничего не получается!

– Значит, ты не Бадемагус?

– Нет, конечно. Я Костя Жихарев.

– Ещё раз попробуй, – сказал раздухарившийся ботан. – А он нам в награду что-нибудь полезное наколдует. Например, неразменный золотой…

Филимонов тоже поднялся и стал по мере сил пособлять товарищу.

Бесполезно.

– Костя Жихарев! Костя Жихарев! Отвали камень! Душно мне!

– Не получается, господин Мерлин, – уныло сказал Костя. Ему стало стыдно за себя, за ребят из секции, за тренера Агапыча и за весь отечественный спорт…

– Сейчас я тебе помогу, – заверил незримый волшебник.

– Как вы мне поможете… – вздохнул Костя.

– Я произнесу гримуар, снимающий чары!

Из-под камня послышались звуки, совершенно чуждые человеческому голосовому аппарату.

– Нештатная ситуация! – закричал с ветки филин и даже крыльями захлопал, чтобы тревожнее было.

Друзья быстро огляделись. Вроде бы ничего не происходило…

Нет, всё-таки происходило!

Из-под земли быстро и дружно полезли какие-то грибы. Но чем грибы могли помочь? Они и на съедобные-то не походили…

– Бадемагус! Бадемагус! Освободи меня! Я задыхаюсь!

– Снова-здорово! – сказал Костя. – Я не Бадемагус. И всё равно ничего не получается, кроме грибов…

– Каких грибов?

– Я не знаю! И я не Бадемагус!

– Тогда кто ты?

– Я Костя Жихарев!!!

– Костя Жихарев! Костя Жихарев! Отвали проклятый камень!

– Ничего не получается! Он заколдован!

– Тогда я помогу тебе, Костя Жихарев! Я произнесу заклинание…

Снова раздались те же нелюдские звуки. Снова прозвучало предостережение филина. Только вместо грибов в траве стали распускаться зловещего вида бледно-жёлтые цветы, светящиеся в темноте.

– Бадемагус! Бадемагус!

– Оставь ты это дело, – сказал Филимонов. – Это же не молодой Мерлин из сериала, лопоухий такой. Это дедушка при солидном Альцгеймере. Вот его и зациклило. А заклинания всякие могут нам и навредить… Ка-ак обратит он нас в зайчиков!

Ботан склонился к валуну и громко соврал:

– Господин Мерлин! Мы пойдём за помощью ко двору короля Артура! Мы приведём всех рыцарей Круглого стола!

– Король Артур спит вечным сном в хрустальном гроте на вечнозелёном острове Авалон, – торжественно произнёс Мерлин. – Как и большинство рыцарей. Ты не разбудишь их, Бадемагус Жихарев…

– Зато я разбужу Колобка, – сказал Джульверн. – Может, хоть он что-нибудь дельное подскажет.

Костя опустился на траву. Как же так? Он Змея Горыныча таскал за хвост, словно кота нашкодившего, а тут обыкновеный булыжник… Неужели богатырская его силушка пропала в здешних краях?

Дикий вопль вывел Жихарева из раздумий.

– Костя! Беда!

– В чём дело?

– Смотри!

На свёрнутом вчетверо клетчатом шарфе лежал малиновый кафтанчик, а на кафтанчике – обыкновенный каравай хлеба. Правда, совершенно свежий и аппетитно пахнущий…

Дар Владычицы Озера

Костёр догорал, и не было ни сил, ни желания встать и набрать хвороста. Отблески огня плясали на поверхности проклятого камня, век бы его не видеть и не знать…

Константин Иванович Жихарев, юная звезда русского силового экстрима и лютая гроза кислорецкого преступного мира, плакал, размазывая слёзы по лицу смертоносным своим кулачищем.

– Он был такой хороший, такой умный, – всхлипывал богатырь. – Если бы не он, мы бы здесь уже сто раз пропали. Он всегда умел найти выход… А мы его испортили, вывели из строя… Он катался себе по всему белому свету, от всех опасностей уходил, пока со мной, придурком, не связался…

– Успокойся, – утешал друга Джульверн. – Ты ни в чём не виноват. Утро вечера мудренее. И маразматик наш подземный затих. Любое горе нужно сперва заспать, а уж потом искать выход…

Костя бережно завернул каравай в шарф, узел положил за пазуху, придвинулся поближе к кострищу и неожиданно быстро уснул – именно так сильные люди избывают сильный стресс…

…Наутро Костя сказал:

– Мне сейчас кусок в рот не полезет. Пойдём.

– Куда?

– Да хоть куда-нибудь! Лишь бы тут не оставаться.

– А я-то думал – дождёмся полуночи, когда Мерлин опять начнёт царапаться из-под земли, и спросим у него совета…

– Ты же сам сказал – дед в маразме!

– А волшебство-то при нём! Вон грибы-то какие вымахали!

– Да при чём тут Мерлин? Он сто пудов не при делах!

– Подожди, – поднял палец ботан. – Помнишь дословно, что сказал Мерлин?

– Что он чары снимет, но вышел облом…

– Это насчёт камня вышел облом. А чары он снял с нашего Колобка…

– Что он, сквозь землю его увидел?

– Не думаю, коллега, – сказал Филимонов. – У него заклинание было, должно быть, такое… ну, общеснимающее!

– Не понял, – честно сказал Костя.

– Смотри, – сказал Филимонов. – Наверное, этот его гримуар нейтрализовал всякие, вернее – все, чары вокруг камня. А Виссарион наш просто попал под раздачу… Колобок ведь на чистом волшебстве работает!

– А ты с каких это пор веришь в волшебство? Ты же типа того, что маленький учёный! На олимпиады ездишь!

– Ну и что? У меня гибкий интеллект и системное мышление. Если здесь другие законы природы, я буду использовать их.

– Много оно нам помогло, твоё системное мышление, – сказал Костя и засопел – то ли гневался, то ли собрался снова заплакать.

– Учти, – сказал ботан, – что без Колобка мы не сможем вернуться домой. Или уже нам самим придётся отлавливать Куковяку.

– Да я его беречь буду как… как…

– Не в том дело. Просто он в качестве каравая ни к чему волшебному не пригоден. Хлебушко и хлебушко…

И тут Жихарев всё-таки всхлипнул, потому что припомнил, как Василиса, дочка Микулы и жена Костиного сокамерника, Ставра Годиновича, ласково назвала Колобка «хлебушко говорящее», а он обиделся…

– Нештатная ситуация! – как-то особенно настойчиво крикнул Кузьма-Демьян, пролетел на несколько шагов в лес, уселся на ветку и стал приглашающе смотреть в четыре круглых ока.

– Он куда-то нас ведёт, – обрадовался ботан. – Вот и гадать не надо… Собираемся!

– Или хочет от кого-то увести подальше, – угрюмо сказал Костя. – Только я не буду прятаться в кустах…

Он подобрал полегчавший рюкзак, закинул его на спину и погрозил дубиной кому-то невидимому.

Они следовали за филином в скорбном молчании, только однажды Жихарев сказал:

– Надо было попробовать этот камень… Ну, маленько пороха в патронах ведь у нас есть?

– Если бы я был опытный взрывник, – откликнулся ботан, – то рискнул бы. Профессионалы места знают, точки приложения силы. А так – просто зря его спалим…

И снова они шли молчком, пока не вывел их Кузьма-Демьян на берег лесного озера.

Даже странно, что такая ясная и спокойная красота расположилась в сердце угрюмого чёрного леса.

Тихо слетел незнакомой формы лист с незнакомого дерева, покружился на еле слышном ветерке – и сел на неподвижную гладь.

Тут же послышался плеск. Из воды поднялась тонкая рука, держащая огромный меч.

– Ух ты, – сказал Филимонов. – Очень известная сцена…

– Тридцать три богатыря в чешуе, как жар, горя, – проворчал

Костя, который как-то подустал от неожиданностей. – Это первый, на рекогносцировку его послали, а он побаивается… Садись, посмотрим, что дальше будет…

Рука между тем постепенно приближалась. Двигалась она в воде не оставляя следа.

– Всё под контролем, – доложил филин, взмахнул крылами и полетел к другому берегу озера.

– Что, и нам надо перебираться? – сказал ботан.

– Нет. Он на охоту полетел, в смысле на рыбалку. Демьян рыбу очень любит, а Кузьма больше по мышам… Хоть разорвись!

– Типичное раздвоение личности!

Друзья сидели на берегу, говорили про разную ерунду, чтобы заболтать тревогу, смотрели на вооружённую руку, ждали, что будет дальше, и чуть не заснули…

– Да сколько мне ещё с этим мечом возиться? – раздался звонкий, но очень сердитый голос.

Вслед за рукой из воды выросла и её хозяйка – высокая черноволосая девушка в длинной бесформенной белой хламиде. Глаза у неё были большие и синие, как в японском аниме. Самое дивное то, что и одежда, и волосы были совершенно сухие. Словно не из озера она появилась, а уже давно стояла на берегу.

– Давайте я подержу ваш меч, – галантно предложил Джульверн, подбежал к девушке, протянул руку и…

И не удержал оружие – чуть ступню себе не оттяпал! Хорошо, что меч был в ножнах…

– Да что с вами, сэр Мелиадус? – вскричала девушка.

Костя подошёл к Нилу и принял у него тяжеленный меч. Как она его только держала?

– К сожалению, я не Мелиадус, – сказал ботан.

Костя покрутил мечом в воздухе.

– Тогда берите его себе, сэр Пелеас! Он воистину одному вам по руке!

– Хороший меч, ухватистый, – солидно сказал Жихарев. – Только я не Пелеас. И не Бадемагус, – добавил он на всякий случай.

Огромные глаза потемнели.

– Ваше счастье, прекрасный сэр, что вы не Бадемагус, – сказала она. – Этот глупец чуть было не… Увы мне! Теперь я вижу, что вы и вправду не сэр Мелиадус и сэр Пелеас! Когда выходишь из воды, то глаза не сразу приспосабливаются…

– Разумеется, леди, – сказал Филимонов. – Ведь при переходе в другую среду меняется угол преломления…

– Странно мне слышать такие учёные слова от рыцаря… рыцаря…

– Меня зовут сэр Нил, – поклонился Джульверн и прижал руку к сердцу. – А это мой товарищ, могучий сэр Константин…

– Вероятно, вы прибыли издалека?

– Наш дом дальше, чем вы можете себе представить, прекрасная леди, – ещё раз поклонился Джульверн.

– А где ваши кони, латы и мечи? Почему вы не привели на берег лошадей? Несчастные животные наверняка хотят пить…

– Мы странствуем пешком, добрая леди…

Поскольку богатырь не умел столь кучеряво изъясняться, так он и помалкивал.

– Поняла! Вы идёте на богомолье в аббатство Гладстонберри! Видно, немало нагрешили вы, прекрасные сэры, несмотря на юный возраст!

– Прекрасная леди, а вы… всегда живёте там? – спросил сэр Нил и показал рукой в сторону озера. – Вроде здешней русалки?

Девушка возмущённо вскричала:

– Вы бы ещё сказали – вроде мэрроу из ирландского ржавого болота, и тогда я выцарапала бы вам глаза! Уж не подозреваете ли вы, что у меня хвост вместо ног и перепонки между пальцами рук, неучтивый сэр? Так смотрите!

И она прекрасными тонкими пальчиками, лишёнными всяких перепонок, приподняла край своего одеяния несколько выше, чем того требовали приличия мрачного Средневековья.

Испуганный Нил замахал руками:

– Что вы, что вы, милая леди! Просто… в реках и озёрах свойственно жить русалкам, вот я и подумал…

– Только ваша молодость извиняет вас, сэр Нил. Я Нимуэ, Владычица Озера, ученица великого Мерлина!

Джульверн собрался было похвалиться – мол, и сам имеет счастье быть знакомым с подземельным голосом этой знаменитой особы, но Костя так грозно закашлял, что ботан прикусил язык…

– О, ваш друг, сэр Константин, болен? Я легко могла бы излечить его даже от чумы. Мерлин считал меня самой способной из своих учеников…

Джульверн живо сообразил, как выйти на нужную тему.

– Он здоров, моя добрая леди. Зато опасно болен сэр Виссарион Глобальный – наш наставник и проводник по чащобам жизни… Костя, покажи сэра Виссариона доктору!

Богатырь бережно извлёк из-за пазухи тёплый каравай.

Анимэшные глаза Нимуэ стали ещё больше.

– Должно быть, вы хотите, юные сэры, чтобы я благословила пасхальный кулич? Надеетесь исцелить им вашего учителя? Но я же не архиепископ, и сегодня не Светлое Воскресенье! Хотя, говорят, Папа Римский нынче какой-то чудной…

И Нил Филимонов, будущий нобелевский лауреат, подбирая слова, постарался объяснить своенравной волшебнице, кто такой Колобок, каково его всемирно-историческое значение и что с ним произошло под сенью рокового камня. А для пущей убедительности показал малиновый кафтанчик с позолоченными пуговичками и даже с карманчиком для мобильничка.

Владычица Озера задумалась. Но, напомним, в Средние века люди спокойно относились к чудесам… Да и к тому, что странствующие рыцари, собравшись за своим Круглым столом, врали напропалую!

– Грустную историю рассказали вы мне, сэр Нил… Впервые слышу о големе, вылепленном из теста да ещё говорящем… Что ж, добрые юноши, я осмотрю вашего больного…

Костя передал ей Колобка с великим трепетом.

Нимуэ взяла каравай обеими руками, втянула тонкими ноздрями благоухание свежеиспечённого хлеба – и закрыла глаза.

Богатырь встревожился: вдруг эта странная девица вопьётся беленькими зубками в хрустящий бочок Виссариону Глобальному да и сметелит наставника за милую душу! Соблазн велик, поскольку в этой Британии пекут не хлеб, а сплошное недоразумение!

Но лицо Владычицы Озера стало серьёзным. Она положила каравай на ладонь левой руки, а правой ладонью стала делать круговые движения.

Друзья стояли не шевелясь.

Наконец Нимуэ сказала:

– Вы не солгали, достойнейший сэр Нил. Я чувствую следы мощной магии…

– Что-то вроде остаточной радиации или наведённого магнетизма, – сказал ботан, словно находился не на берегу озера из легенды, а на каком-нибудь симпозиуме среди таких же ботанов…

На личике волшебницы написалось недоумение, но она быстро совладала с собой и многозначительно изрекла:

– Можно сказать и так. Напрасно, добрые сэры, избрали вы для ночлега столь злосчастное место. Чары там клубятся, словно ядовитые пары в пещере Сивиллы. Великий Мерлин в своём хрустальном убежище не устаёт прибегать то к одному, то к другому заклинанию (а знает он их великое множество) в попытках пробудиться и выйти на волю!

– Так это работа Мерлина? – очень фальшиво удивился сэр Нил. – Видимо, только он и может снять собственное заклятье?

– Увы, не может, добрые сэры. Старик выжил из ума и стал опасен и для себя, и для окружающих. Самые дикие помыслы

стали возникать в помрачённой неумолимым временем голове. Он даже начал ухаживать за мной, бедный чародей! Вот и пришлось поместить больного в спокойное тихое место, где он, окружённый теплом и заботой, проводит в сладком полусне свою счастливую старость. Я же присматриваю за этой последней обителью мудреца, чтобы никто, вроде скорбного умом сэра Бадемагуса, не осмелился потревожить его покой…

– Выходит, ничего нельзя сделать? – простонал Костя, хотя горестная судьба Мерлина была ему глубоко пофиг.

– Увы, мощный сэр Константин. Вернуть этому удивительному существу прежние качества и достоинства может один лишь его создатель…

Богатырь скрипнул зубами:

– Всё равно я Колобка сто пудов не брошу! Обойду всю вашу выдуманную землю, найду волшебника старше и опытней…

– Ах, я для вас чересчур молода?

На мгновение вместо прекрасной Владычицы Озера возникла скрюченная старая ведьма в лохмотьях и с горящими глазами. Но только на мгновение. То ли Нимуэ хотела напугать юных рыцарей, то ли показала свою истинную сущность, они так и не узнали.

– Что вы, добрая леди, мы доверяем вашему диагнозу… – пролепетал Джульверн.

Вечно этот Жихарев обостряет ситуацию!

К счастью, чародейка сменила гнев на милость.

– Впрочем, я не сержусь. Такая верность наставнику делает вам честь, и я желаю вам удачи в ваших поисках. Но не назовёте ли вы мне причину, по которой хлебный голем привёл вас в эти края? Разумеется, если эта причина не связана с репутацией благородной дамы…

– Не связана, – сказал ботан. – Ростовщики отбирают у сэра Константина за долги родовой замок. Со всеми пристройками.

– И только-то? – всплеснула руками Нимуэ. – Так почему же прекрасный сэр до сих пор не расправился с негодяями? Требовать долги с рыцаря – какая низость! До какой степени падения могут дойти люди! Но… Нет заимодавца – нет и долга, не так ли?

Костя пробурчал, что не собирается топтать зону из-за всяких козлов, а Джульверн пояснил:

– У нас иные правила, милая леди. На заёмные деньги наложено особое заклятие, и если зарубить одного гада, то право взыскать долг сразу же переходит к другому гаду. И так до бесконечности…

– Почему же вы сразу мне об этом не сказали? А, понимаю.

Вы не хотели омрачать нашу высокую беседу столь низменными материями… Ну, уж этакой-то беде нетрудно помочь…

С этими словами Нимуэ извлекла прямо из воздуха солидный кошель, тяжёлый даже с виду.

– А теперь, прекрасные сэры, вы сможете все свои усилия употребить на поиски того, кто вернёт вашему наставнику прежнее обличье…

– Леди Нимуэ, ваша щедрость не знает границ! – проникновенно сказал Джульверн, и даже ладони сложил молитвенно. – Но… Верно ли мы слышали, я и собрат мой Константин, что золото, полученное чародейным путём, непременно обращается в черепки или сухие листья?

– Увы! – сказала леди Нимуэ. – Правда, моё золото превратится не в черепки, а в отблески лунного света на тёмной воде, но кто же неволит вас дожидаться этого печального момента? Расплатились – и ходу!

– Но это ведь как-то не по-рыцарски… – неуверенно сказал Филимонов.

– Кто же обращается по-рыцарски с ростовщиками? – удивилась Владычица Озера. – Но, коль скоро щепетильный сэр Константин не хочет осквернять вручённый ему меч презренной кровью заимодавцев…

– Так это теперь… Это мне? – ахнул Костя.

– Конечно, мой юный герой. Не потащу же я его обратно в озеро – это против правил, – сказала леди Нимуэ. – Доброго вам пути и славных подвигов на этом пути! Мне же настала пора проведать мою заклятую подругу Моргану…

– А меч не превратится в какую-нибудь кривую ветку? – спросил предусмотрительный ботан.

– Меч настоящий, проверенный, – сказала Владычица Озера. – Кроме того, такое оружие вручается рыцарю впервые. Это так называемый Меч Спецназначения…

И зловеще хохотнула.

Костя не обратил на это внимания, а Филимонов очень даже обратил. Нобелевскую премию и в далёком будущем не вручат кому попало!

Нимуэ повернулась к озеру, взмахнула рукавами – и полетела над водой в сторону другого берега. При этом едва не столкнулась с возвращавшимся Кузьмой-Демьяном, но как-то обошлось.

Две стрелы от Робин Гуда

– Ну, с этой авантюристкой всё ясно, – сказал Джульверн. – Она выпотрошила папика и поместила в подземный дом престарелых…

– А где ты наловчился по-книжному разговаривать?

– Я в драмкружок ходил три года, – ответил ботан, – пока ты в спортзале железо качал. Но вот ты же овладел былинным слогом! Жаль, что здесь он не в ходу… Давай-ка на меч твой посмотрим: какова заточка, хороша ли балансировка…

– Балансировка в порядке… Что такое?

Меч Спецназначения отказывался покидать ножны, как уж Костя его ни вытягивал. Ещё немного, и богатырь просто поломал бы дар Владычицы Озера или сдёрнул витую двуручную рукоять с сердечника…

– На фиг такой меч! – крикнул он в сердцах.

– Дай-ка погляжу – на ножнах что-то написано… Ну да, всё правильно: «Без нужды не вынешь, без славы не вложишь». То есть вытащить его можно будет лишь перед реальной схваткой…

– И для чего такие сложности? – сказал разочарованный Костя.

– А чтобы владелец понтов не кидал. Достал – руби! Он, видно, рассчитан на слишком горячих рыцарей… Дисциплинирует…

– То есть хочет – вынимается, хочет – нет?

– Ну да. Защита от дурака, как в любом опасном устройстве…

Богатырь даже не обиделся, потому что и без того был злой.

– А в чём спецназначение этой железяки?

– Вот спецназначение меня всего больше и беспокоит, – сказал Джульверн. – Уж больно плутовская была физиономия у леди! Подарки волшебниц бывают весьма коварными…

– В смысле?

– Вдруг этот меч заточен не на любую схватку, а на конкретного противника? Какого-нибудь великана Корморана? Или дракона Фафнира? В литературе встречаются такие штучки…

(Нил Филимонов всё же сказки-то почитывал, правда втайне ото всех, считая и себя. Он ужасно боялся, что его поднимут на смех остальные ботаны.)

– Сто лет мне великаны не нужны, – проворчал Костя. – Нам всё больше разбойники встречаются…

– Так на разбойников рыцарь и меч-то не станет вытаскивать! – сказал Джульверн. – Разгонит их конём, копьём да пинками…

– А на другого рыцаря?

– Ну… Всегда можно сказать: «Прекрасный сэр, в схватке с вами я даже не стану обнажать свой меч, отчудохаю вас и ножнами»… Да что нам об этом думать? Есть у тебя дубина, ей и оперируй, а свойства меча мы будем устанавливать эмпирическим путём…

– Каким-каким? – прищурился Костя.

– Я с тебя худею! Опытным, – перевёл ботан.

– То-то, – сказал Костя. – Только ведь это те же понты выходят. И противник сильно обидится…

– Да и пусть обижается, лишь бы не встретился! Ладно, пошли – вон филин беспокоится…

И они двинулись прочь от озера, ведомые двуглавой ночной птицей. Меч Спецназначения Костя повесил на спину, под рюкзак – всё равно ведь не вытащить!

По дороге друзья толковали о том, как им уберечь Колобка.

– Жаль, что нет у нас коробки или шкатулки, – сказал Костя. – Там бы его никакая собака не учуяла…

– Вот как раз в коробку грабители или стражники полезут первым делом, – возразил Джульверн. – Может, поручим его Кузьме-Демьяну? Завернём в узел поплотнее…

– Да, филин его раньше-то запросто выносил из разборок, – сказал богатырь. – Но тогда Колобок был нормальный. Они даже как-то между собой тёрли. А теперь Кузьма-Демьян решит, что это просто хлеб, и расклюёт. Он хоть и учёная, а всё-таки птица… И руки, то есть когти, у него всегда должны быть свободны – на всякий случай!

– Учти, народ в Средневековье вечно ходит голодный, – сказал Филимонов. – Ладно, от разбойников отобьёмся, а вот выйдет на дорогу тощая девочка-сиротка: «Добрые сэры, что это у вас так вкусно пахнет? Я не ела уж целую неделю!»

– На такой случай есть кольцо колбасы от Азиатыча, – сказал Костя. – Она ещё вкуснее пахнет. Хотя твёрдая, как червлёный вяз…

– Допустим, кончились продукты подчистую!

– Тогда и базарить не о чем. Хотя девочку жалко. И нас тоже… На заставе богатырской в таких случаях отправлялись на охоту. Потом коптили мясо, солили – впрок…

– Не умеем мы охотиться!

– Да почему же? Я с луком худо-бедно управлюсь – только нет у нас лука.

– Луки в Англии делали из тиса, – припомнил ботан. – Ты знаешь, как выглядит тис?

Он посмотрел по сторонам.

– Опа! Лес-то как изменился!

И верно – на смену бесконечному хвойному чернолесью пришли деревья с радостной ярко-зелёной листвой.

Сразу стало веселее, и птицы запели, и даже Кузьма-Демьян, перелетавший с дерева на дерево, засвистел что-то легкомысленное…

Мелодию филина подхватил чей-то молодой звонкий голос:

Я с детства дерзок был, друзья,
И с детства же решил,
Что стану первым парнем я
На весь Ноттингемшир!

И я шерифа застрелил —
Вот так, средь бела дня…
Сам Эрик Клэптон сочинил
Балладу про меня!

I shoot the sheriff, виноват,
Хоть ссору начал он!
Но тех, чей прям и честен взгляд,
Не жалует закон!

Шерифа нового прислал
Король-предатель Джон.
Но тот, кто правый путь избрал,
Не для петли рождён!

Я, нарушая ход игры,
Ушёл в Шервудский лес —
И с той поры, и с той поры,
И с той поры исчез.

Кто там гуляет по лесам
И как зовут его —
Об этом я, признаться, сам
Не знаю ничего!

О, если встретите меня —
Живьём или во сне —
Спешите до исхода дня
О том поведать мне!

– Нештатная ситуация! – спохватился оплошавший Кузьма-

Демьян. Заслушался филин…

Две стрелы просвистели в воздухе и вонзились в землю точно перед носками башмаков Кости и Нила.

Шумел сурово Шервудский лес

…Античный мир не знал понятия «благородный разбойник».

В Древней Греции почти каждый крепкий мужчина мог при случае грабануть путника, но «разбойниками» величали только законченных душегубов и садистов вроде Прокруста с его знаменитым ложем и стремлением привести своих жертв к одному размеру. Полубоги и герои истребляли таких нещадно.

Суровые правознатцы римляне объявляли разбойников вне закона и преследовали их на государственном уровне. Запишись в армию да и грабь себе, если офицер разрешит, – но никакой самодеятельности, иначе распнут на кресте при дороге, другим в острастку.

И, уж конечно, тогдашним рапсодам, певцам и поэтам в голову не пришло бы воспевать злодеев. Разбойник был презренной личностью, на которую стихотворный дар жалко тратить.

Воспевать их стали позже, в Средние века, когда с законностью стало туго, а настоящие преступники носили баронские и графские титулы.

И главным воспеваемым стал англичанин Робин Гуд.

Своё прозвище он получил не потому, что был такой уж хороший (good), а из-за зелёного маскировочного плаща с капюшоном (hood). На Руси капюшон звался «клобук», на Востоке – «башлык».

Но для народа Робин Капюшон был хорош, поскольку грабил исключительно богатых, а награбленное раздавал бедным, оставляя себе и своим людям только самое необходимое. И был при этом весьма справедлив.

Идеальный герой, короче.

В многочисленных народных балладах, посвящённых славному малому Робину, не числится за ним ни одного дурного поступка по отношению к бедному люду. Зато богатым лордам, городским толстосумам да монахам (за исключением весёлого отца Тука) пощады от него не было. Хотя не душегубствовал – если охрана не начинала боевых действий. Ну, тут уж чья возьмёт.

Сначала Робина звали по-другому – то Джерард, то Гамелин…

Король спросил, вставая, весёлых удальцов:
«Зачем же вы живёте в тени густых лесов?»
И Гамелин бесстрашный ему ответил сам:

«Кому опасен город, тот бродит по лесам!»

Окончательно Робин стал Робином в XIII веке, поскольку его имя предания связывают с королём Ричардом Львиное Сердце, а это уже исторический персонаж.

Ричард сей ушёл в Третий Крестовый поход – и с концами. А его братец, король Джон (он же Иоанн Безземельный), незаконно занял трон и начал со своими подручными править с помощью насилия и произвола.

Не факт, что царствование Ричарда Львиное Сердце Плантагенета было бы мягче и гуманней. Но существует в народе обычай считать отсутствующего владыку идеальным: «Вот ужо вернётся батюшка наш, уж он-то злодеям покажет!»

Хотя для исторического короля родная страна была лишь источником доходов, а ради вызволения Ричарда из темницы австрийского императора-рэкетира пришлось ввести особый тяжкий налог. А вот поди ж ты…

Но благородный разбойник никогда не бунтует против законного владыки, он только борется со злоупотреблениями региональных, так сказать, властей.

Главный враг Робина – шериф графства (county) Ноттингемшир. Имени его баллады не называют – обойдётся, все они там такие! Функции у него примерно те же, что у шерифа на Диком Западе, а прав даже побольше:

– Что слышно, хозяйка, у вас в городке? —
Старуху спросил Робин Гуд.
– Я слышала, трое моих сыновей
Пред казнью священника ждут.

– Скажи мне, за что осудил их шериф?
За что, за какую вину?
Сожгли они церковь, убили попа,
У мужа отбили жену?

– Нет, сударь, они невиновны ни в чём.
– За что же карает их суд?
– За то, что они королевскую лань
Убили с тобой, Робин Гуд.

Люто карали в те времена за охоту в лесу, который принадлежал королю вместе с деревьями, зверями и птицами. Охота считалась занятием монархов (не репу же пареную

подавать на стол гостям), делом государственным. И деревья нельзя было рубить. И даже хворост собирать.

Так что недовольных было много. И не все тихонько ворчали на кухнях…

Главным оружием ребят из Шервудского леса был крепкий тисовый лук. И владели они этим оружием в совершенстве. А лучшим стрелком был, конечно, сам Робин Гуд.

Впоследствии именно простые йомены (вольные фермеры) со своими двухметровыми луками обеспечили Англии победы в битвах Столетней войны – при Кресси, Пуатье, Азенкуре. Каждый раз французские кичливые рыцари были разбиты наголову…

Но это было после. А наш герой вёл свою гражданскую войну, и никому не удалось его ни повесить, ни даже поймать… Он и умер свободным в каком-то монастыре от варварских методов лечения… И пользовала-то его двоюродная сестра-монахиня!

Но всякое везение кончается.

Надо ли говорить, что благородный разбойник стал героем или персонажем множества стихов, песен, поэм, романов, кинофильмов, сериалов! Как говорится, погуглите – и нагуглится вам!

Даже в СССР сняли об этом добром малом два фильма. Ещё бы – борец с угнетателями, заступник бедняков!

Герои, подобные Робин Гуду, есть у многих народов. В Китае образ «справедливого разбойника» издревле является традиционным. Там такие лихие ребята даже императорами становились, хотя чаще боролись опять же с продажными местными властями, подобно Сун Цзяну и его удальцам с горы Ляншаньбо из классического романа Ши Найаня «Речные заводи».

Ближе к нашему времени в эпоху романтизма и позже, таких героев – литературных, фольклорных и даже существовавших реально – стало видимо-невидимо:

в той же Англии – Уильям Уоллес, Уот Тайлер, Роб Рой, капитан Блад;

в Германии – Томас Мюнцер, Карл Моор, Михаэль Кольгаас, Клаус Штеттербекке;

в Италии – Спартак, Ринальдо Ринальдини, Луиджи Вампа, Джузеппе Гарибальди, Сальваторе Джулиано, Чипполино;

во Франции – Гийом Каль, Картуш, Равашоль, Фантомас, Жак Мерин;

в Польше… Там каждый шляхтич был сам себе Робин Гуд;

в Чехии – Ян Жижка, Прокоп Чёрный;

в Словакии – Яношик;

в Украине – Олекса Довбуш, Устим Кармалюк;

в России – атаман Кудеяр, Стенька Разин, Емельян Пугачёв,

Владимир Дубровский, капитан Копейкин, Григорий Котовский, Нестор Махно, Юрий Деточкин, бунтари-академики Платонов и Невтонов, держащие в страхе весь научный мир;

в Корее – Пак Цой Ким, Цой Ким Пак, Ким Цой Пак, Ким Пак Цой;

в Аргентине – Мартин Фьерро;

в Чили – Хоакин Мурьета;

в Мексике – Франсиско (Панчо) Вилья, Эмилиано Сапата;

в Австралии – Нед Келли;

в США – Бонни Паркер и Клайд Барроу;

и, наконец, всемирный мятежник Эрнесто Че Гевара!

Кто из них реальная личность, кто литературный персонаж, а кто оба в одном флаконе – сами разберётесь, не маленькие.

В тени густых лесов

– …Ну хорошо, – сказал Робин Гуд и в сотый, наверное, раз щёлкнул зажигалкой. – Вы, ребята, нагородили столько лжи, что хватило бы на десять лондонских проповедников. Или у обоих вас что-то с головой – не иначе, наслушались бабушкиных сказок. Надо же – Владычица Озера! Зачарованный Мерлин! Колдовское золото!

– Тогда верните наши зажигалки, – сказал Джульверн. – И фонарик. Они же, по-вашему, тоже колдовскими должны считаться.

Шервудские разбойники даже не связали друзей – зачем крутить руки, когда при малейшем неповиновении прилетит стрела?

Зелёные братья и их пленники сидели на поляне вокруг костра. Со стороны можно было бы подумать, что идёт дружеская беседа про виды на урожай и про бесчинства проклятого короля Джона. Картину портили только два молодца со взведёнными арбалетами.

– Есть и полезное колдовство, – пожал плечами Робин. – Как это называется, отец Тук, – белая магия?

– Добрый христианин колдовских мастей не различает, – невнятно пробурчал толстый монах. Он как раз пытался разжевать изрядный кусок фирменной колбасы деда Азиатыча, но со стоматологией в графстве Ноттингемшир было туго.

– Это не магия, – заступился за китайские зажигалки ботан. – Тут же колёсико, кремень… Правда, это не совсем кремень… Да ведь когда-то и простое огниво казалось чудом!

Костя молчал и только поворачивал ве́ртел над огнём. На вертел была насажена туша здоровенного кабана. Он думал, почему ему доверили такое важное дело. Скорее всего, чтобы руки были заняты и чтобы не мог внезапно броситься на атамана…

Если бы не стрелок за спиной, можно было бы представить себя на родной богатырской заставе. Там такое простое, но сытное блюдо весьма уважали…

– Говорят, пикты до сих пор добывают огонь с помощью каких-то дурацких палочек, – сказал атаман. – Но мы-то не пикты!

– Конечно, – сказал хитрый Филимонов. – Вы вполне цивилизованные люди. А значит, с вами можно договориться.

– Теперь насчёт этой светящейся штучки, – сказал Робин Гуд, словно бы не слушая ботана. – Когда я кручу рукоять арбалета, я вкладываю силу в удар болта. Когда я кручу рукоять маленького

светильника, моя сила… превращается в свет?

– Совершенно верно! – воскликнул восхищённый ботан. – У вас, сэр, аналитический склад ума!

– Но ведь для превращения силы в свет всё-таки необходимо какое-то заклинание?

– Уверяю вас, прекрасный сэр, что никаких заклинаний здесь не требуется. Просто… Ну, это сложно объяснять…

– А мне ничего и не нужно объяснять, – сказал Робин Гуд и почесал спину арбалетным болтом. – Мне всё понятно.

Он встал и принялся ходить взад и вперёд.

– Вот уже несколько дней, – объявил он, – до нас доходят слухи о шайке непонятных парней в соседнем графстве. Верховодят ими какой-то хромой громила с костылём, кличут его Бэзил, и вертлявый тип с норманнской фамилией де Куковьяк. Говорит стихами – не иначе, проклятый лягушатник. Ну, они окормляют свою епархию, а мы – свою, да простит меня достопочтенный отец Тук за такое сравнение…

Монах довольно заржал.

– …Но мне в них кое-что не нравится. Например, они тяжело ранили тамошнего лесничего Сэма Филби. Что и говорить, уложить лесничего – прямой долг каждого вольного стрелка. Но! Старину Филби привозят в аббатство Святого Криспина, и монастырский лекарь начинает осматривать рану. Рана сквозная. Должно быть, думает коновал, стрела прошла навылет, а лесные стражники вытащили её, обломив наконечник и оперение. Но лесные стражники клянутся и божатся, что никакой стрелы вовсе не было, и свиста её они не слышали, зато слышали очень громкий хлопок, словно молния ударила в землю где-то неподалёку. И ещё одна странность: дырочка в груди совсем небольшая, зато из спины бедняги вырвало здоровенный кусок мяса…

– И что из этого следует? – сказал Джульверн.

– А-а! – воскликнул стрелок. – Теперь самое интересное. Лесничие – народ прискорбно живучий, вот и чёртов Сэм Филби пришёл в сознание. И рассказал, что у хромого главаря, который его поразил, не было ни лука, ни арбалета. Злодей просто вытянул руку вперёд, грохнуло – и больше Сэм ничего не помнит. Так вот я себе и кумекаю: а не из этой ли вы компании?

– Как вы могли подумать? – возмутился ботан. – Это наши враги. Мой друг в схватке поломал Ваське ногу, оттого и хромает ваш Бэзил. А Куковяка – это такой хитрый адвокат…

Народный заступник расхохотался, а за ним и все вольные стрелки из Шервудского леса.

– Адвокат, говоришь? Ребята, это мысль. Монах у нас уже

есть, так не завести ли нам ещё и собственного адвоката?

Это предложение вызвало просто-таки дикий восторг среди личного состава:

– Тогда уж заодно и своего прокурора! Чтобы не тащиться в Ноттингем из-за каждой оленьей туши!

– И судью! Чтобы не тратиться на взятки!

– И присяжных – десяток белок и двух зайцев!

– И палача… – выкрикнул кто-то и осёкся.

При упоминании палача все разом погрустнели.

Робин Гуд тяжело вздохнул.

– Ежели вы и впрямь враждуете со своим Бэзилом, то растолкуйте мне, что это за дьявольщина с лесничим?

Филимонов вздохнул в ответ:

– У него рана от пистолетной пули. Пистолет – это такой маленький арбалет, стреляющий кусочком свинца. Только выбрасывает его не тетива, а пороховые газы. А порох – это смесь угля, серы и селитры… Нет, я так, с ходу, не смогу объяснить.

– Тогда мне вас жаль, парни, – сказал Робин. – Допустим, я вам поверил. Вы поняли, что связались не с теми людьми и тайком бежали, прихватив кошель золота и какое-то дурацкое подобие меча… Но вы никуда не заходили по дороге?

– Да мы тут вообще никого не знаем! – сказал Костя, оторвавшись от вертела. – Если бы вы нам не встретились, так и вас бы не знали…

– Значит, не заходили… Тогда как вы объясните это?

И народный заступник высоко поднял над головой румяный каравай.

– Только не оскверняйте мой слух новой ложью, – продолжал Робин. – Хлеб ещё тёплый. А где у нас ближайшая пекарня? В замке сэра Гая Гисборна. Каравай пышный, он почти круглый, как кегельный шар. А кто может позволить себе сарацинскую муку тончайшего помола? Сэр Гай Гисборн. И, наконец, кто назначил награду за мою голову? Уж не Ноттингемский ли шериф, который даже горошины в супе у жены пересчитывает? Нет, награду назначил щедрый сэр Гай. А вот и эта награда!

В другой руке Робина оказался злосчастный кошель Владычицы Озера.

Разбойники закричали:

– Смерть лазутчикам!

– В петлю!

– Здоровяка – на вертел, когда кабан поспеет!

– Да уж поспел!

Предводитель зелёных стрелков торжественно положил обе улики к подножию дуба.

Иногда и нарушителю закона хочется побыть в роли прокурора!

– Что вы можете сказать в своё оправдание?

Филимонов встал. Костя ожидал, что вот сейчас ботан начнёт бросать в лицо врагам тяжкие проклятья, как партизан в немецко-фашистском застенке.

Но Джульверн расхохотался.

– Ну вы даёте, мастер Робин! А я-то решил, что у вас и впрямь аналитический ум!

– До сих пор я им неплохо обходился, мой юный друг. Итак, я вас слушаю…

– Во-первых, – сказал Нил, – мы с вами видимся впервые – следовательно, не можем пока никого выдать. Во-вторых, как ни щедр неизвестный мне сэр Гай, он точно не станет вручать награду авансом. В-третьих, если бы мы, вопреки здравому смыслу, получили кошель золота за вашу голову, то уж нипочём бы не потащились с ним через Шервудский лес. Да и потом – как бы мы получили эту самую голову, голову Робин Гуда? Конечно, мой друг запросто мог бы её оторвать, но не станет этого делать, потому что связан кодексом чести – ваш монах может подтвердить, он же прочитал текст богатыристики…

– Да ничего там нет про честь, – откликнулся отец Тук. – Это просто бессмысленный набор знаков…

– Боюсь, что вы просто-напросто не умеете читать, святой отец, – сказал ботан. – Это типично для средневекового низшего духовенства – имитировать грамотность, цитируя наугад куски вызубренных текстов…

Отец Тук от гнева чуть не подавился трофейной колбасой, но Малютка Джон вовремя дал ему кулаком по спине.

– А хлеб? – воскликнул Робин Гуд. – Отчего хлеб-то тёплый?

– Он всегда тёплый, – вздохнул Джульверн. – И это не хлеб. Это наш наставник. Просто он временно принял такую форму…

– То есть ваш каравай был человеком? – уточнил атаман.

– Не совсем, – сказал Нил. – Это было… нечто большее. Он всё знал, всё понимал, вмещал в себе весь мир…

– Он был самый добрый! – всхлипнул Костя. – И нас учил добру!

И тут раздался неистовый рёв.

Ревел отец Тук, потрясая большим деревянным крестом. Голос у него оказался достойным кафедрального собора.

– Братья! – страстно вскричал монах. – Вы никогда не держали меня за святошу, и упаси вас Бог держать меня за такого – поубиваю к чертям! Да и сам Папа Римский, говорят, нынче какой-то чудной. Я великий грешник – чревоугодник, пьяница,

прелюбодей и богохульник. Но есть предел и богохульству. Братья! Сей юный еретик только что надсмеялся над преосуществлением тела Христова! Как это там сказано? А, «Примите, ядите; сие есть тело Мое, ломимое за вы»… Надо же, помню еще это чёртово Евангелие…

Вольные стрелки, конечно, были детьми своего времени – но вот вставило их не по-детски!

– На костёр колдунов! Кабана потом дожарим!

– В огонь их дьявольские фокусы!

– В огонь их проклятое золото!

Отец Тук пожертвовал самым дорогим – с трудом вырвал у себя же изо рта остаток колбасы и метнул его в костёр.

Робину неохота было расставаться с зажигалкой и фонариком, но пришлось пойти на поводу у коллектива – иначе его могли неправильно понять.

В костёр полетели другие зажигалки, кошель Владычицы, вещмешок Джульверна со всякими гаджетами и, наконец, рюкзак богатыря Кости Жихарева.

Джульверн похолодел. От страха он даже припомнил давным-давно забытое слово и заорал:

– Тикаем все отсюдова! Щас как жахнет!

И жахнуло.

Сперва начал взрываться газ в зажигалках. Огненные брызги полетели в стороны, и разбойники отпрянули от костра, крестясь и бормоча молитвы.

Потом рванул аккумулятор в ноутбуке, разбросав по округе головешки.

И, наконец, дошла очередь до патронов от бандитского «калаша».

Заорал Малютка Джон – в парня трудно было не промахнуться. Его вопль стал сигналом к общей панике. Молодцы из Шервудского леса разбегались резво, что твои галактики.

О пленниках забыли.

Уши для мистера Келли

– …Итак, что нам удалось сберечь? – спросил Нил Филимонов и сам же себе ответил: – Меч, который не вынимается из ножен. Богатыристику, которая не производит никакого впечатления на британцев. И, наконец, вожатого, который уже никуда не ведёт… Ну и по мелочи…

– Ещё поведёт, – хмуро сказал Костя. – Теперь наша главная задача – сохранить Колобка.

– От кого?

– От самих себя: жрать-то больше нечего!

– Ну и чернушные у тебя мысли… – как-то неуверенно сказал ботан.

– Ты в жизни не голодал так, как я на Руси Былинной, – сказал Костя. – Хорошо хоть, что здесь мой метаболизм в норме. А вот когда я всё-таки помру от истощения…

– Ты чего несёшь? – возмутился Джульверн.

– Ты же сам говорил, что первыми склеивают ласты самые большие и сильные, – вздохнул Костя. – А доходяги вроде тебя… Поклянись, Нилушко, что, один оставшись, не схаваешь нашего друга и учителя, а вернёшь его, как был!

– Да ну тебя, – сказал ботан. – Всего полдня не ели, а ты уж запаниковал. Лес вокруг! Ягоды, грибы, орехи…

– Ты хоть знаешь, как орехи растут? – спросил Костя. – А с грибами сто пудов лучше не связываться. И народ неприветливый какой-то. И Буслай со своей кодлой где-то неподалёку…

– Кстати, сэр Костя, мы в Англии. Поэтому следует говорить не «сто пудов», а «четыре тысячи фунтов»… Мне ещё вот что не нравится. Ведь Робин Гуд – это же столетия прошли после короля Артура! Выходит, мы и во времени путешествуем?

– Может, и так. Спросить-то теперь не у кого. Так и дальше пойдём без дороги?

Друзья двигались между могучих дубов, неотличимых один от другого, словно размноженных компьютерным способом.

– Конечно, у Колобка был план, – сказал Джульверн. – Чтобы посетить по пути как можно больше европейских легенд. Он нас просвещал, и правильно делал. Но сейчас обстоятельства изменились, и нам не до… Кстати, где Кузьма-Демьян?

В самом деле, охранительный филин-трансформер подозрительно долго не давал о себе знать.

– Может, и не увидим его больше, – беспомощно сказал Костя. – Он ведь Колобка слушался, а без него начнёт дичать. Плюнет он на нас, да и полетит домой – серым филином над

тёмным лесом, чёрным вороном над чистым полем, белой чайкою над синим морем…

– Да ты поэт, сэр Костя! – воскликнул ботан. – Но я не к тому. Просто я подумал, не может ли филин обернуться бойцовым петухом. Это же любимое народное развлечение! Мы ходили бы с ним по деревням, выигрывали все схватки…

– Я тебе, Джульверн, без всякого Колобка скажу, – отрезал Жихарев. – Здешних обычаев мы не знаем, и некому подсказать. Я в Руси Былинной за косяки по жизни со всех сторон финдюлей получал, пока не освоился. Да на богатырской-то заставе меня хоть в колдовстве не подозревали… Ни к чему нам лишний раз перед людьми светиться! Разве что в одинокую хижину можно постучаться…

– Ага. К людоеду, – сказал Филимонов. – Лесам этим, кажется, конца не будет…

Но конец лесам настал, очень скоро и в буквальном смысле.

Толстенные дубы сменились уродливыми пнями. Видно, рубили деревья в великой спешке.

– Во, работёнка нарисовалась, – обрадовался Костя. – Когда Микула Селянинович новую пашню ладил, то дубы вырубал, а пни корчевать приглашал ребят с заставы – вроде как на субботник. Так мы дрались, чтобы в эту команду попасть: Микула ни подарков, ни угощенья не жалел… Может, и здесь так?

– Разбежался, – сказал ботан. – Тут тебе не там. Не будут здешние буржуи ни платить, ни кормить. Пригонят сюда бродяг, вроде нас, и за миску баланды заставят пахать. А леса свои британцы почти все извели, когда строили флот. Знаешь, сколько дубов уходило на один боевой фрегат? До пяти тысяч стволов! Я худею! Никакая экология такого не выдержит… А вот и одинокая хижина!

Среди корявого моря пней возвышался такой же корявый дом в два этажа. Небольшой был дом – как два газетных киоска, поставленных друг на друга. И никаких хозяйственных построек вокруг – ни конюшни, ни курятника. Но перед входной дверью топтался тем не менее здоровенный индюк.

Присмотревшись, можно было различить на его рябой пышной груди четыре желтеющих кружка.

– Всё под контролем, – сообщил индюк.

Хоть маленько отлегло от сердца!

– Стучи, – велел богатырь. – Кузьма-Демьян дело знает!

Джульверн постучал.

– Что? – донеслось из-за двери.

Филимонов постучал ещё раз.

– Что? Невозможно разобрать!

– Тук-тук-тук!!!

– А, понятно! Заходите!

Прежде чем войти, Костя попробовал вытащить меч, но клинок не поддался…

Крошечная каморка оказалась неожиданно большой и глубокой. В самой её геометрии было что-то неправильное, не по Эвклиду – но заметить такие тонкости мог только Филимонов.

В глубине каморки сидел на высоком табурете человек в длинном чёрном плаще. Свои широкие ладони он приложил к ушам, как бы желая ну вот прямо с порога выслушать все претензии и предложения.

Но, присмотревшись, можно было понять, что никаких ушей у незнакомца нет вовсе, а ладони лишь призваны компенсировать это увечье.

– Само провидение прислало вас сюда, отроки! – воскликнул обитатель домика. Лицо его обрамляла зловещая чёрная бородка, но глаза были весёлые – вернее, весело бегающие (а это не одно и то же).

– Ну, прислало и прислало, – неприветливо сказал Костя. – Только никакое не привидение, а мы сами прислались…

– Вот я и говорю! – не растерялся незнакомец. – Счастливые! Судьба привела вас прямиком к великому магу и волшебнику, математику и геоманту Эдварду Келли, придворному астрологу королевы Елизаветы…

Обстановка хижины ну никак этого не подтверждала.

– Здравствуйте, мистер Келли, – поклонился Джульверн. – Меня зовут Нил, а мой спутник – известный герой Константин э-э-э… Ну, известный.

– И, конечно, вы нуждаетесь в деньгах?

Этот вопрос можно было бы посчитать прозрением, но не стоит – ведь нуждаются в деньгах все и всегда!

– Сперва бы пожрать, – деликатно, в сторону, бросил Костя.

Он заметил на столе дымящийся горшок.

– Простите, юные друзья, но этот пареный горох предназначен не для еды, а для работы.

– Вы изобретаете паровую машину? – обрадовался ботан, готовый тут же резко продвинуть прогресс.

– Не знаю, о чём вы, – сказал Келли. – Горох мне требуется для сеанса гастромантии.

– Да я бы нынче и гороху срубал, – сказал Жихарев. – Если со шкварками – так самое то!

– Молодой человек, – сказал астролог. – Гастромантия есть наука гадания по звукам, производимым человеческим желудком.

– По бурчанию, значит? – сказал Филимонов.

– Грубо, но верно! – оживился Келли. – Изощрённое ухо способно и в простом бурчании гастера различить сотни оттенков, определяющих жизненные циркумстанции клиента…

Тут астролог понял, что зарапортовался, так как не было у него ушей – ни изощрённых, ни обыкновенных. Лицо мистера Келли, и без того длинное, вытянулось…

– А по-моему, дядя, ты просто не хочешь поделиться едой со странниками, – сказал Костя. – У нас, в Былинной Руси, такое не принято. Всякому гостю – честь и место!

– Так вы из Тартарии? Ну, присаживайтесь, – без всякого удовольствия сказал придворный астролог. – Только ложка у меня одна…

– А у нас – две! – радостно объявил ботан и действительно вытащил откуда-то из глубины ватника две алюминиевые ложки.

Математик королевы на своём горьком опыте убедился, что две ложки истребляют гороховую кашу вдвое быстрее, чем одна…

– Уф, – отдышался наконец Костя. – Всем хороша горошница, только один у неё недостаток…

– Да тут и без того хоть топор вешай, – сказал Джульверн. – Мистер Келли, так вы ещё и химией балуетесь?

– Алхимия – царица наук, что бы ни говорили богословы, – сказал астролог. – Но это не мой профиль. Так, в свободное время… Вы насытились? Теперь к делу. Мне показалось, что вы желаете заработать…

– Не показалось, – молвил Костя.

– Что? Говорите громче!

– Желаем, мистер Келли! – воскликнул ботан, подумал и добавил: – Сэр.

В конце концов, язык не отвалится, а британскому человеку приятно!

Мистеру Келли и вправду стало приятно: он улыбнулся, показав бывшие зубы.

– Юный мистер Нил! – торжественно сказал он. – Сумеете ли вы убедительно изобразить падучую?

– Эпилепсию, что ли? – сказал ботан. – Да запросто! Насмотрелся в нашей больнице. Только, чур, мыло для пены жевать я не буду. Больно противно.

Мистер Келли пожал узкими плечами.

– Есть мыльный корень. Правда, он тоже не похож на брайтонский леденец. Ну, пока обойдёмся без пены…

Джульверн взвыл и закружился на месте…

Костя и не знал за Филимоновым таких актёрских способностей! Вот что значит хороший драмкружок!

Ему даже страшно стало, когда тело друга на неметённом

полу изогнулось немыслимой дугой – и вдруг обмякло…

– Великолепно! – воскликнул Келли. – То, что надо! А от вашего могучего друга требуется лишь слабоумное мычание и тыканье пальцем в нужном направлении…

– Я что-то не понял насчёт слабоумия, – сказал Костя.

– Дорогой друг, слабоумие тоже нужно лишь изображать! Просто ваш облик максимально соответствует понятию «дитя природы»…

Жихарев не понял, обижаться ему или не надо.

– Вы хотите с нашей помощью собирать милостыню? – сказал ботан. – Вышибать слезу и денежку из сограждан?

Мистер Келли выкатил глаза.

– Да кто вам такое сказал, юноша? Нет, вы пойдёте работать вполне самостоятельно – мне не следует появляться на людях. Кстати, никакой милостыни вы от них не дождётесь, уж я-то знаю свой народ. Нет, вы будете разоблачать ведьм и колдунов – с последующей конфискацией имущества…

Адское пламя из ночного горшка

…В семнадцатом столетии Европа словно обезумела.

Конечно, колдунов изобличали и в предыдущие века – допустим, соседки поссорились, одна другую обвинила в том, что та вызвала град на её пшеницу или наслала бесплодие на мужа. Если сельский священник был умный, ему было достаточно строго отчитать жалобщицу да побрызгать для порядку святой водой.

Но ежели пастырь желал продвинуться по службе и показать рвение, он давал делу ход – и понеслась! Ведь колдовство считалось опаснейшим преступлением во всех уголовных уложениях мрачного Средневековья. Время от времени тут или там вешали или сжигали на костре то ведьму, то колдуна. А как без этого? Люди нуждаются в разрядке и в развлечениях, а телевизора-то нет!

Признание можно выбить практически из любого человека, это давно известно. Особенно доставалось бродягам, имевшим неосторожность зайти в деревню или городок. На несчастного тут же навешивали все нераскрытые преступления и вешали в буквальном смысле. И все были довольны…

Потом кому-то в светлую голову пришла светлая же мысль о конфискации имущества колдуна или ведьмы в пользу государства и святой матери церкви. Кое-что перепадало и доносителю. Тогда брались не только за бродяг…

С одной стороны, в Европе вовсю разворачивалось Возрождение – переводились с арабского труды античных авторов, выкапывались из земли великолепные статуи греческих или римских времён, сочинялись «Божественная комедия» Данте и «Кентерберийские рассказы» Чосера, создавались картины Леонардо, скульптуры Микеланджело, дворцы Браманте и Брунеллески.

С другой стороны, несчастная рыдающая женщина признавалась палачам-святошам, что умеет оборачиваться мастифом, чёрным львом, белым медведем, быком, псом и котом…

А масштабы этой эпидемии были чудовищными. Вот что писал немецкий священник из Бонна сиятельному знакомцу:

«…Кажется, вовлечено полгорода: профессора, студенты, изучавшие право, пасторы, каноники, викарии и монахи уже арестованы и сожжены. …Канцлер с супругой и жена его личного секретаря уже схвачены и казнены. На Рождество Пресвятой Богородицы (7 сентября) казнили воспитанницу князя-епископа,

девятнадцатилетнюю девушку, известную своей набожностью и благочестием. …Трёх-четырёхлетних детей объявляли любовниками дьявола. Сжигали студентов и мальчиков благородного происхождения от девяти до четырнадцати лет. В заключение скажу, что дела находятся в таком ужасном состоянии, что никто не знает, с кем можно говорить и сотрудничать».

И это в одном-единственном германском городке. Год 1629-й.

А поскольку имущество осуждённых подлежало конфискации, то на костёр отправляли самых успешных и зажиточных. А из женщин – самых красивых, гордых и независимых. Короче говоря – элиту.

Процесс пошёл, и остановить его не могли ни войны (в том числе Тридцатилетняя), ни крестьянские бунты, ни голод, ни чума. Для колдуна и ведьмы всегда находилось время!

И всё это не легенды – сохранились хроники, протоколы суда, накладные на хворост и верёвки…

Как-то счастливо миновала эта разоблачительная зараза нашу страну: не до того было, хватало реальных бед – Орда, царь Иван, Смутное время. И православная церковь принципиально не перенимала ничего у проклятых католиков. К тому же крестьянская община лучше знала, кто у них ведьма, а кто просто вредная баба. А уж без знахарок-травниц было и подавно не обойтись…

…Думаете, почему русские женщины в Западной Европе пользовались таким бешеным успехом? Почему к их ногам падали прославленные художники и поэты – Сальвадор Дали, Пабло Пикассо, Амедео Модильяни, Диего Ривера, Фернан Леже, Луи Арагон и Поль Элюар?

Да потому что своих красоток в окаянном XVII веке европейцы извели под корень. Вместе с генами. Оставались самые неприметные…

Вспоминать о тех событиях европейцы очень не любят. Стыдно и страшно. Ведь это не вражеское нашествие было: сами писали доносы, сами пытали, сами собирали хворост для костра, сами петлю вязали…

Но глубокая тень от охоты на ведьм легла и на нынешнюю жизнь.

Мы никак не можем понять, что за штука такая – толерантность, она же терпимость. Смеёмся над ней, пророчим, что она погубит прекраснодушную Европу.

Откуда же она взялась? Да оттуда же, из тех страшных лет охоты за ведьмами, когда жизнь человеческая ничего не стоила. А потом ещё и Гитлер повторил этот жестокий урок, мигом

превратив прекрасно образованных и хорошо воспитанных немцев в стаю кровожадных дикарей. Люди глянули сами на себя – и ужаснулись!

Вот европейцы и решили: лучше уж отменить смертную казнь вовсе, чем покарать невиновного. Лучше уж пусть гуляют по улицам хиппи, панки, готы, наркоманы и прочие фрики, чем сыщики, доносчики и палачи. Лучше уж пусть будут на площадях гей-парады, чем костры и виселицы… Любую дурнину стерпим – лишь бы не повторился позорный кошмар прошлого!

Хотя академики Платонов и Невтонов считают, что их средневековые коллеги всё делали правильно – иначе в наше время от ведьм и колдунов было бы не продохнуть. А кому нужна конкуренция?

…Но вернёмся к мистеру Келли и его предложению.

Старая добрая Англия не избежала, увы, континентального безумия, даром что завела свою собственную англиканскую церковь. Более того, короли и королевы то и дело издавали законы о борьбе с колдовством и другими сатанинскими штучками. И требовали от подданных постоянной бдительности.

В обличении слуг сатаны особенно отличились британские пацаны. Они так и вошли в историю – «Бартонский мальчик» Томас Даулинг, «Нортвичский мальчик» Том Харрисон, «Лестерский» – Джон Смит, «Билсонский» – Уильям Перри. А вообще их было гораздо больше.

Ушлые тинейджеры быстро сообразили, как легко можно к себе привлечь всеобщее внимание, да ещё и наварить чего-нибудь из конфиската. Изобразить припадок при виде богатого соседа – и кричать, что явственно зришь у него на голове рога. Или клятвенно утверждать, что видел, будучи в гостях у Браунов, как из хозяйского ночного горшка вырывались языки адского пламени. Или рассказывать, как мисс Грин обернулась зелёной кошкой и пошла воровать молоко у нашей коровы…

Десятки, сотни невинных людей оговорили малолетние поганцы – одни действовали бескорыстно, другие с расчётом. Хотя жертвам-то всё равно. Даже если оправдают – жизнь поломана, семья распалась, имущество растащили…

Правда, иногда встречался здравомыслящий судья, который, почесав вспотевшую под париком башку, задавал резонный вопрос: а не брешет ли бойкий маленький ублюдок? Вот тогда пацан сам получал по полной программе, как взрослый клеветник. Но за клевету на костёр не посылали – могли разве что ушки отрезать…

Трёхгрошовый бес

– …Так что если и попадётесь – не беда, – закончил свою речь мистер Келли. – К тому времени вы будете в состоянии заплатить любой штраф… Вы практически ничем не рискуете! Главное – заткнуть рты католикам, тем более что Папа Римский нынче какой-то чудной…

Костя, пока слушал астролога, всё больше и крепче наливался праведным гневом. Физиономия у него стала красная, как у Васьки Буслая. А Филимонов, наоборот, – бледнел, сжимая небольшие кулачишки.

– Не слышу вашего согласия, – сказал Келли и приставил ладони к пустым отверстиям.

…Если бы у придворного астролога сейчас и были уши, то они немедленно бы отвалились – такой страшный словесный поток обрушился на его бедную голову. Простые и понятные русские слова он принял за какие-то неведомые, но мощные заклинания – и даже закрылся руками в ожидании грома, молнии или даже чего-нибудь похуже.

Но брань на вороту не виснет, и мистер Келли мигом пришёл в себя.

– Простите, молодые люди, – сказал он, – за моё неприличное и позорное предложение. Беру его обратно. Я не учёл этическую составляющую. Понимаю всю чудовищность ситуации. Больше такое не повторится…

– Пошли отсюда, Костя, – сказал Джульверн. – Гороховую кашу мы уже съели, а больше тут ничего и нет…

– О, джентльмены, уверяю вас, что существуют по крайней мере ещё два способа быстро и безболезненно разбогатеть!

Мистеру Келли почему-то очень не хотелось расставаться с новыми знакомцами.

Зачем-то они ему были нужны…

Друзья обернулись с порога:

– Ну, послушаем…

– Во-первых, можно получить в лаборатории философский камень. Во-вторых, нужно попробовать заключить договор с дьяволом – только не продешевите!

Астролог пустился в долгое и путаное объяснение, беспричинно переходя от одного способа к другому, пока слушателям не стало скучно.

– А что? – сказал Филимонов и ткнул Костю в бок. – Чем мы рискуем? Ведь души-то никакой нет!

– Ну да, – сказал Жихарев. – Тогда почему она у меня болит?

– Что болит?

– Ну, так говорят. У меня душа болит за батю с мамой, за сестрёнку, за братьев… Даже за тебя немножко болит, хоть ты и сачок!

Джульверн засомневался, потом решительно заявил:

– И всё-таки мы ничем не рискуем. Эти придурки, – он повёл рукой, имея в виду не только мистера Келли, но и прочих жителей мрачного Средневековья и ясного Возрождения, – не понимают элементарной вещи. Ведь банкует тот, кто вызывает, а не тот, кого вызывают…

– Не понял, – не понял Костя.

– Эдуард э-э-э… как вас по батюшке? – обратился ботан к хозяину.

На этот раз не понял мистер Келли.

Джульверн досадливо махнул рукой:

– Короче, маэстро, объясните подробности всей процедуры в целом…

Астролог почувствовал себя в своей стихии:

– Есть два способа вызвать потустороннюю сущность – один занимает много времени и требует хорошей подготовки, второй проходит значительно быстрее, но…

– Что «но»?

– Жертву надо, – замялся мистер Келли. – Лучше всего – ну, сами понимаете… Что нибудь вроде маленькой девочки…

– А корноухий дяденька не проканает? – сказал Костя.

Астролог побледнел. Такая мысль ему даже в голову не приходила.

– С-сойдёт и животное, – выдавил он. – Или птичка…

– Птичку не трожь, – сказал Жихарев. – Птичка сто пудов наша. А какое реально животное?

– Чем крупней, тем лучше, – сказал мистер Келли. – Например, королевский олень. Или йоркширский хряк.

– Костян, может, нам пока в кружок лучников записаться? – сказал Филимонов. – Тогда и оленя добудем.

– В гробу я видал здешних лучников, – сказал Костя. – Психопаты какие-то.

– Тогда я пойду и поклонюсь Кузьме-Демьяну, – сказал ботан. – Он у нас находчивый…

И вышел, оставив друга наедине с хозяином.

Мистер Келли сразу же зашептал:

– Молодой человек, опасайтесь своего спутника. Его физиономия просто-таки дышит коварством. Он не тот, за кого себя выдаёт! Впалые щёки говорят о вероломстве и мстительности, высокий лоб – о целом сонме преступных

умыслов…

– Ещё чего скажешь? – поинтересовался Костя.

– Главное – ни в коем случае не соглашайтесь, чтобы дьявола вызывали от вашего имени, – горячо сказал астролог.

– Это правильно, – кивнул Костя. – Лучше мы на тебя стрелку переведём. Так спокойней.

– На меня нельзя! Я уже… – пискнул мистер Келли и прикусил язык.

Тут, на его счастье, вернулся Нил. Он держал за хвост здоровенную крысу-пасюка. Крыса возмущённо пищала и пыталась вырваться.

От подготовки к обряду вызывания Костя отвернулся – и правильно сделал, потому что пасюк хоть и вредное, но всё-таки живое существо.

Даже ботан сам себя подбадривал вслух:

– Кузьма-Демьян кого попало не поймает. Может, это та самая крыса, которая принесла на британскую землю чёрную смерть в 1348 году? Или та, которая нашему хозяину в детстве ушки отгрызла? Вот пусть и отвечает…

Костя смотрел в захламлённый угол и дивился хладнокровию товарища. Вот что значит научный склад ума! Не моргнув глазом любую тварь замучит на благо человечества, как академик Павлов! А потом поставит ей памятник…

Наконец крыса перестала визжать.

– Да, вот тут, прямо на полу… – давал указания мистер Келли. – Нет, не пальцем, а тушкой, как кистью, и наносите… Пентакль не должен быть сплошным, вот здесь оставьте пробел, чтобы вызываемый мог выйти…

– А мне не надо, чтобы он выходил, – сказал ботан. – Помечется – и сговорчивей будет.

– Но… так никогда не делают! – возмутился астролог.

– Всё бывает в первый раз, – успокоил его Джульверн. – Теперь давайте вашу тарабарщину…

Ну, заклинательные слова придётся на всякий случай опустить – мало ли что взбредёт в голову иному читателю!

Когда мистер Келли умолк, Костя спиной почувствовал, как по комнате полыхнуло жаром преисподней.

Он обернулся и даже решительно подался вперёд, потому что ожидал увидеть огромное рогатое чудовище – вроде давешнего подводного монстра – и хотел показать ему, что настоящий богатырь никого и ничего не боится…

Но вместо гиганта с витыми рогами внутри пятиугольника, нарисованного прямо на досках пола крысиной кровью, стояло что-то вроде коротко остриженного чёрного той-пуделька на

задних лапках. А вот рыло у существа было не собачье…

Джульверн, как видно, тоже не ожидал такого облома.

Только придворный астролог-математик спрятал в жидких усах злорадную усмешку…

– Ты… ты кто такой? – спросил Филимонов.

– Антютиком кличут, – с достоинством ответил маленький дьявол. – Бес четырнадцатого класса, восьмого разряда. Прибыл для заключения единовременной транзакции… Ой! Да я же не могу выйти! Кто звал меня, сволочи?

Мистер Келли указал на Филимонова.

– Вы что, с ума сошли? Это против правил!

Голос у Антютика был неожиданно густой, глубокий и бархатистый. Оно и понятно – для обольщения!

– Не торопись, – сказал ботан. – Давай всё по порядку…

– Вы сами нарушили всякий порядок! – тут голос дьяволёнка сорвался на ожидаемый визг. – А там, в углу… Это же известный работник Балда! Тот самый, который! Меня предали, меня коварно заманили…

– Это кто балда? – спросил Костя. – Это я балда?

– Успокойся, Костян, – сказал Филимонов. – Значит, ты, Антютик, русский?

– Правильней сказать, наш сектор курирует Восточную Европу, – выкрутился мелкий бес.

– А посолиднее тебя, что ли, никого не нашлось? – спросил ботан.

Антютик аж взвился от возмущения.

– Ну, знаете… Вы что – хотели, чтобы за дохлую крысу пред вами предстал целый Мефистофель или даже сам Люцифер? По барину и говядина… Сейчас же обеспечьте мне свободный коридор наружу для подписания…

– Нет, – меланхолично сказал Джульверн. – Сейчас мы уйдём, если не договоримся. А ты останешься в пятиугольнике. Один. Надолго, а возможно, и навсегда. Места здесь глухие – лесорубы уже ушли, а земледельцы ещё не пришли. Вот и будешь тут куковать. И не напоминай мне о договоре. Ничего я не буду подписывать, ты сам всё для нас сделаешь – в обмен на свободу…

– Это подло! – сказал Антютик и гордо поднял рыльце. – Это мы имеем право так поступать, а люди – никогда! Коварство и вероломство – наши прерогативы! Настоящий человек всегда правдив и честен!

Тут Костя припомнил клевету мистера Келли на ботана и подумал, что Филимонов и вправду того… Поступает дурно!

Но вмешиваться ему почему-то не захотелось. И выслушивать эту беседу – тоже. Он был правдив и честен.

– Пойдём, дядя Эдик, на свежий воздух, – сказал богатырь. – А то от твоей гастрономии дышать нечем. Я тебе настоящее русское чудо покажу – облезешь! У вас таких сто пудов нет!

– Правильное решение, – отозвался Джульверн. – Нам ни к чему лишние уши!

И захохотал так, что мистер Келли поёжился.

При виде двухголового филина астролог затаил дыхание – не всегда же он был шарлатаном, в молодости наверняка хотел стать настоящим магистром!

Кузьма-Демьян снисходительно давал рассматривать себя и даже заглядывать под перья. Потом озвучил свои коронные реплики…

– Это же золотое дно! – воскликнул мистер Келли. – Мы будем возить сие пернатое чудо по ярмаркам! Или нет! Его нужно приподнести в дар самой королеве, и старуха Бесс насыплет нам мешок червонцев!

– Филин не продаётся, – решительно сказал Костя. – Он учёный.

– Учёный? – обрадовался Келли. – Тем лучше! Значит, мы сможем продавать его по нескольку раз, а он всегда будет к нам возвращаться!

– Чтобы ни про какие продажи я больше не слышал! – рявкнул Костя.

– Напрасно, – пригорюнился корноухий астролог. – Ведь у вашего тощего приятеля ничего не выйдет. Бесы на редкость упорны. Этого малыша можно замучить, но не сломить…

– Русские маленьких не обижают, – улыбнулся Костя. – Они договорятся…

– Ну, не знаю, не знаю… Кстати, не разрешите ли мне взглянуть на ваше оружие?

Костя не стал снимать перевязь с Мечом Спецназначения, а просто повернулся спиной к мистеру Келли.

– Так-так, – бормотал корноухий. – Интересно… Не об этом ли клинке писал Гальфрид Монмутский в своём «Разоблачённом Мерлине»?

– Не в курсе, – сказал Костя и снова стал лицом к астрологу. – А что он писал?

Келли побледнел.

– Это страшное оружие, – сказал он. – Не хотел бы я дожить до тех дней, когда его придётся применить…

Рассказывать о некоторых особенностях меча богатырь не стал – если астролог о них не знает, то и не надо ему знать.

Говорить стало не о чем. Они сели на пенёк – спинами друг к другу. Кузьма-Демьян взлетел на крышу домика и принялся из-

под крыла осматривать окрестности.

Бесёнок в хижине визжал, а Костя хмурился всё сильней – не нравился ему сегодня ботан.

– Хватит, – сказал он наконец, встал и подошёл к двери.

…Джульверн сидел на табурете, бессильно опустив руки, и постанывал. Точно такие же звуки издавал Антютик. Бесёнок при этом держался за головку…

– Вы… Вы капали ему на темечко святую воду? – в ужасе спросил мистер Келли. – Да вы… вы…

И не нашёл нужного слова, поскольку маркиз де Сад со своим садизмом ещё не родился.

– Не-ет, – улыбнулся ботан. – Это мы прикалываемся над вами. Дело сделано, партнёр?

– Так точно! – доложил бес.

– Я впарил нашему маленькому другу одну примочку, – сказал Филимонов. – Чисто юридическую. Мне она всё равно никогда не пригодится, а ему – в самый раз. И он согласился обслужить нас совершенно бесплатно…

– Ты хоть денег-то у него попросил?

Джульверн замялся.

– Да он такой, понимаешь, малобюджетный бес. Трёхгрошовый. Может выдать всего три медяка за один вызов. Обслуживает в основном алкашей, которые готовы за самую дешёвую выпивку последнюю душу продать…

– Ну и на что тогда нам эта шавка? – нахмурился Костя.

– Антютик сможет доставить нас в любую точку земного шара, – похвалился тактико-техническими данными нового приятеля ботан.

– Тогда поехали домой, – сказал Костя. – Снова загрузимся едой и твоими гаджетами…

– Увы, – сказал Филимонов. – За реку Смородину, то есть в реал, ему нельзя. Зато мы надёжно скидываем с хвоста Буслая и Куковяку. Полетим на континент…

– В Прагу! – с великим пылом воскликнул мистер Келли.

– Почему именно в Прагу? – удивился Костя.

– Да ведь Прага, мои юные друзья, – мировая столица знаменитых алхимиков, адептов Великого Делания! – провозгласил корноухий. – Потому её так и называют – Злата Прага!

Ночной полёт

…Есть такой цирковой номер: клоун садится на крошечный мотоцикл, к нему присоединяются двое-трое других – и эта гимнастическая пирамида начинает кружиться вдоль барьера, отделяющего арену от зрителей. Один из гимнастов при этом держит в руках полотнище флага, чтобы развевался, – и получается очень красиво!

Вот примерно такую пирамиду и представляла сейчас наша компания в ночном небе Британии. Только без флага.

Костя Жихарев каким-то невероятным образом сидел на крошечном бесёнке – точнее, осторожно держал его между ног, а подъёмная сила у Антютика обнаружилась невероятная!

На одном плече богатыря пристроился Джульверн, на другом – безухий мистер Келли. Оба цеплялись за воротник Костиной телогрейки. Холод в небе стоял страшный – вот и телогрейки пригодились!

Кузьма-Демьян в своём собственном обличье летел впереди, разгоняя грозным уханьем рассеянных валькирий и встречных птиц, чтобы никому из пассажиров бесёнка не прилетел в физиономию дикий перелётный гусь – при такой скорости ведь и башку снести может!

А гусей и валькирий даже пилоты военной авиации боятся!

Далеко было до Антютика тому гоголевскому чёрту, который осуществлял с кузнецом Вакулой на спине беспосадочный перелёт Диканька – Санкт-Петербург!

Бесстрастная полная луна сперва осветила белые скалы Дувра, потом широкую полосу пролива Ла-Манш (бесцеремонные британцы называют его Английским каналом) – и вот уже внизу поплыла Легендарная Старая Европа.

Сверху казалось, что они летят над огромной стратегической игрой – где-то там вёл домой грозные полки разгромивший злых мавров Карл Великий, а его верный рыцарь Роланд прикрывал отход победителей (!) ценой своей жизни, там варил своё убойное пиво сказочный король Гамбринус, там скитались по тёмным лесам хитрый лис Ренар, Жеводанский оборотень и мессир Данте Алигьери, там гвельфы сражались с гибеллинами, Римские Папы с Антипапами, католики с гугенотами, крестьяне с баронами, эльфы с орками, а гномы – со всеми…

Батальный пейзаж слегка оживляли огоньки – то ли пожары, то ли костры инквизиции. Невозможно было рассмотреть с такой высоты, кого именно изуверы подвергают наказанию «без пролития крови» – Орлеанскую Деву, Яна Гуса или Джордано

Бруно.

Ботан наклонился к богатырю.

– Вот уж Колобок так не торопился бы, – прокричал он Косте в ухо. – Уж он бы нам устроил подробную экскурсию!

Костя ничего не ответил, а только потрогал драгоценный свёрток на груди – хорошо ли Глобальному за пазухой?

– Держитесь крепче! – крикнул Антютик. – Поворачиваем на Прагу!

Продаётся подержанная душа

«1. Люцифер, ты обязан немедленно доставить мне 100 000 фунтов золота!

2. Ты будешь доставлять мне в первый вторник каждого месяца 1000 фунтов.

……..

4. Вышеупомянутое золото не должно быть фальшивым, не должно исчезать при передаче в другие руки или превращаться в камень или уголья. Это должен быть металл, отмеченный руками людей, законный и распространённый во всех землях».

Далее следуют ещё 24 пункта.

Предусмотрительный заявитель, некий дворянин из Пиньероля, потребовал ещё на 50 лет отменного здоровья и долголетия для себя и близких, неуязвимости в сражениях, благосклонного отношения к себе короля, возможности мгновенной телепортации, кольцо-невидимку (привет, Бильбо и Фродо!), способности излечивать любые болезни, права безболезненно посещать церковь и прочая, и прочая…

Всё предусмотрел хитрый сеньор, и лучшего юриста для составления договора нанял. А юрист, не будь дурак, подложил под лист с текстом копировальную бумагу. И копию сразу же представил куда следует – со всеми вытекающими последствиями…

А на дворе, между прочим, – 1676 год! Расцвет правления Людовика XIV, «короля-солнца»! Уже сошли со сцены три мушкетёра, а их друг-гасконец получил перед смертью в бою вожделенный маршальский жезл. Создаёт свои труды великий философ Блез Паскаль. В театрах идут великие пьесы великих Корнеля, Расина и Мольера. В Версале зацвели сады и аллеи великого ландшафтного дизайнера Ленотра. Успешно работают великие художники Ватто и Калло и музыканты Люлли и Рамо. Великие финансисты Фуке и Кольбер добывают великие деньги для всех этих великих королевских затей.

Заложены основы великой французской кухни, наконец! Изобретены майонез, салат «Оливье» и шампанское!

Да что там кухня, уже буржуазия зарождается, третье сословие – а тут этакое мракобесие развели! Прямо Средневековье какое-то!

Только про мушкетёров и Мольера нация вспоминать любит, а про такие вот дела – как-то не слишком… Но мы уже об этом говорили.

Сей блистательный юридический документ венчает кучу

подобных соглашений, заключённых за две-три сотни лет перед этим. Все они приобщены к судебным делам…

…Легенда о грешнике, кровью подписавшем договор с Князем Тьмы, возникла уже давно. Можно только предполагать, откуда именно она возникла.

Допустим, жил честный, порядочный парень. Упорно трудился, никого не обижал. Да только никак этот честняга не мог выбиться из бедности.

Вот он и подумал: «Уж больно я положительный. По рукам и ногам вяжут меня заповеди Христовы, правила приличия и уголовное законодательство. А не послать ли всю эту хрень к Парижской Богоматери?»

Как думкой, так и делом. Написал на соседей донос и поживился их имуществом. Подделал в свою пользу завещание богатого родственника, отравив его перед этим. Втихушку прирезал купца на большой дороге. «Кинул» партнёра по бизнесу. Да мало ли возможностей возникает – без тормозов-то жить куда как сподручней!

Знакомые дивятся: «И что это с нашим Жаном (Иоганном, Джоном, Джованни, Хуаном)? Такой был славный мужик, и на тебе! Грешит напропалую и не попадается. Не иначе, сам чёрт ему ворожит. Только ведь дьявол благотворительностью не занимается, ему плата нужна. Какая? Да христианская бессмертная душа, что же ещё?»

Вот и легенда готова. А для инквизиции – уже и не легенда, но основание для обвинения…

(Между прочим, академики Платонов и Невтонов уже много лет пытаются привлечь потустороннюю силу, чтобы хоть таким образом добыть доказательства для своих дерзновенных теорий, да что-то никто на их зов не откликается.)

Европейская литература сразу же ухватилась за сей богатый и нравоучительный сюжет. Ещё в XII веке была сочинена мистерия (то есть религиозная театральная постановка) под названием «Миракль (чудо) о Теофиле». Несчастный промотавшийся юноша Теофил в отчаянии прибегает к услугам Нечистого. Впоследствии он раскаивается, и только милосердная Богородица, поверив в его искренность, даёт дьяволу по лапам: не твоё – не трожь!

Но вершиной сочинений подобного рода стала легенда о докторе Иоганне Фаусте.

Человек с таким именем действительно существовал в середине XVI века, доподлинно был доктором философии и прославился своими фокусами в разных немецких городах. Конец шарлатана был так страшен, что, по мнению общественности, без дьявола тут явно не обошлось: беднягу нашли в запертой изнутри

комнате со свёрнутой шеей.

Сперва появилась пьеса для кукольного театра, так что Фауст предстал фигурой скорее комической, вроде нашего Петрушки. Но в этой нехитрой народной байке было уже всё, необходимое для будущих прославленных трагедий.

Первым был молодой англичанин Кристофер Марло – современник и соперник Уильяма нашего Шекспира. Можно сравнить его сочинение «Трагическая история жизни и смерти доктора Фауста» с любой шекспировской трагедией, и сравнение будет не в пользу Марло, поскольку Бард (так запросто зовут У.Ш. в Британии) знал театр изнутри и понимал, что именно должно понравиться публике. Так что все разговоры о подлинности авторства гениального драматурга – досужая болтовня.

Увековечил же образ Фауста другой гений – Иоганн Вольфганг Гёте. Ну, тут трудно что-либо возразить: сработано на века. И успешно работает уже 250 лет.

Старик Фауст у Гёте заключает договор с дьяволом оттого, что разочаровался в науках, его ум требует чего-то нового. Посланец ада, весьма симпатичный хроменький чертяка по имени Мефистофель, так говорит о своём клиенте:

> Он рвётся в бой и любит брать преграды,
> И видит цель, манящую вдали,
> И требует у неба звёзд в награду
> И лучших наслаждений у земли,
> И век ему с душой не будет сладу,
> К чему бы поиски ни привели.

Ну и к чему же они привели? Обретши молодость, погулял по кабакам, погубил невинную девушку и заколол на дуэли её брата. Маловато будет для великого человека!

Тогда Фауст решает осчастливить человечество – прекратить войны и эпидемии, построить идеальное государство. И что же? Уговорить земных владык забыть вражду ему не удалось. Властью и территориями никто делиться не хочет. Вот разве что отвоевать у моря большой участок суши, как это сделали голландцы, да там и ставить свои социальные эксперименты…

Но довольно прикалываться над гением. Ни серьёзный, ни насмешливый пересказы здесь неуместны.

На самом деле всё в трагедии Гёте сложнее и глубже. Поэтому лучше всего не гуглить, а взять сам текст и прочитать. Тем более что существуют прекрасные русские переводы…

Книжка больно толстая? Читай-читай, при случае за умного сойдёшь, блестнув цитатой!

С лёгкой руки Иоганна Вольфганга (а его долгий и славный путь сам по себе увлекательный роман) образ беспокойного доктора зажил в литературе и искусстве самостоятельно. Появился даже термин «фаустианство».

Разные авторы делали Фауста своим героем – или использовали его историю в иносказательном смысле. Лучшие режиссеры ставили спектакли по этой трагедии. Итальянец Арриго Бойто и француз Шарль Гуно написали каждый по опере («Са-та-на там пра-авит бал!»). Особенно удачно Мефистофель правит бал в исполнении Шаляпина.

Потому что успешно использовать образ, созданный гением, под силу только другому гению.

Пушкин не стал полностью переводить трагедию, а написал совершенно самостоятельные «Сцены из «Фауста». Его героем движут не благородные побуждения, но обыкновенная хандра. Он так и говорит: «Мне скучно, бес»…

(Сразу видно, что в ссылке написано!)

Александр Сергеевич даже отправил своё сочинение самому Гёте, благо великий старец был ещё жив и ясен умом. Гёте так растрогался, что послал дерзкому русскому в подарок гусиное перо, которым был написан «Фауст». (На самом деле, конечно, этих перьев был целый воз – книга-то толстая!)

А «Шагреневая кожа» Бальзака? Это тот же «Фауст», только осовремененный и офранцуженный. Неспроста же старичок-антиквар, что подсунул бедному студенту Рафаэлю талисман, исполняющий все желания владельца, так напоминает… Ну вы поняли, кого.

А «Искушение Фодерингея» Герберта Уэллса? Там сатана возникает на холсте из-под кисти бедного художника и предлагает ему за душу два, нет, три, нет, ладно, пять шедевров! Но фиг ты упёртого английского ханжу соблазнишь!

А повесть Куприна «Звезда Соломона», в которой к скромному российскому чиновнику является хромой адвокат по имени Мефодий Исаевич Тоффель?

А «Мастер и Маргарита» Булгакова с его знаменитым эпиграфом? Тень «Фауста» ощутимо реет над этим великим, но и спорным текстом…

Но первенство здесь, несомненно, принадлежит соотечественнику Гёте – Томасу Манну с его «Доктором Фаустусом». Это поразительный и страшный роман и об искусстве, и о политике. Композитор Адриан Леверкюн продал (в своём воображении, тронутом болезнью) душу в обмен на гениальную музыку. Точно так же немецкий народ продал душу Гитлеру за обещание мирового господства – вот что имел в виду

автор. Мол, мы, немцы, – нация трагически обманувшихся Фаустов, а не голодное стадо взбесившихся от музыки Вагнера истинно арийских свиней, визжащих: «Курка! Млеко! Яйки! Пух-пух!»

Ну-ну. Бес попутал, с кем не бывает…

А от шедевра Томаса Манна прямой путь к антиутопии фантаста Томаса Диша «Концлагерь», герои которой, узники режима, соглашаются на заражение особой спирохетой в обмен на месяц – всего лишь месяц! – подлинной гениальности. После этого будет распад мозга и смерть, но никто – ни один! – не отказывается…

Фантасты вообще взялись эксплуатировать Фауста в хвост и в рожки! Ведь это такая богатая тема: гениальный учёный – великое открытие – непредсказуемые последствия…

У Терри Пратчетта есть весёлая и мудрая повесть «Фауст (зачёркнуто) Эрик». У Майка Суэнвика – жуткая антиутопия «Джек/Фауст». Совместный роман Роджера Желязны и Роберта Шекли озаглавлен цитатой из трагедии Гёте – «Коль с Фаустом тебе не повезло»…

А русский писатель Андрей Столяров вообще довёл фаустианство до логического конца. В его мини-романе «Маленькая Луна» настырный учёный-биолог дьявола не вызывает, а выводит в лабораторных условиях – но с теми же печальными последствиями. А душу свою он потерял давно – на пути к успеху подставил коллегу-соавтора, предал любимую…

Вот так и протянулась эстафета от средневековой мистерии до наших дней, и отслеживать её этапы, поверьте, – занятие интересней любого детектива…

О, суббота!

…Прага была хоть и не золотая, но великолепная.

– А станет ещё лучше! – уверял мистер Келли. – Вместо булыжников под ногами у нас будут лежать золотые слитки…

– Ну да, – сказал Филимонов. – И грош цена тогда будет вашему золоту…

Антютик приземлился аккурат на Карловом мосту.

– Ну, я не прощаюсь! – сказал на прощание бесёнок.

– Само собой, – подтвердил Джульверн. – Мои предложения остаются в силе.

И маленький трёхгрошовый искуситель исчез, оставив по себе только сизый вонючий выхлоп.

Кузьма-Демьян прикинул, в каком обличье ему существовать, – и через некоторое время предстал в облике толстого и брыластого голубя. Голубь покряхтел, поднатужился, замолотил крыльями и кое-как поднялся в синее пражское небо.

Занимался рассвет, и город был безлюден – только какая-то шайка молодых людей нестройно шагала по улице, возвращаясь после ночной попойки.

Шли они, сильно шатаясь и поддерживая друг друга, а вот пели слаженно:

Хоть высок души полёт,
Все мечты о низком:
Тело бренное влечёт
К пиву и сосискам.
Брюхо знать себя даёт
Бульканьем и писком —
То кишка кишке поёт
«Доминус вобискум».

Если каждый божий день
Этак вот поститься —
Можно превратиться в тень,
В символ превратиться!
Чем терпеть такую хрень,
Лучше удалиться
Под таинственную сень,
Где и удавиться!

Всяк судьбу свою клянёт
Письменно и устно.

Всякий новый день несёт
Новое паскудство.
Но возрадуйся, народ,
К чёрту словоблудство —
К нам на выручку придёт
Царское Искусство!

Вот закончится зима,
И тогда, о братья,
Нам Алхимия сама
Распахнёт объятья!
И наполнит закрома,
И могу сказать я,
Что нажрётся задарма
Каждый, без изъятья!

И затеплится огонь
В старом атаноре,
И запляшет Красный Конь
На Зелёном Море.
Это пламя только тронь —
И в последнем споре
Камень ляжет на ладонь
Скептикам на горе.

Озарится всё само
Философским светом,
Станет золотом дерьмо
Не поздней, чем летом!
Знайте тайное письмо:
Под большим секретом
Сам великий Бальзамо
Сообщил об этом!

Дальнейшие подробности грядущих чудес потерялись в узких улочках Праги.

– Ну вот – и просвещённое студенчество меня поддерживает, – сказал астролог. – Получение Философского Камня не за горами, а поэтому – вперёд!

– Неудобно будить стариков в такую рань, – заметил Костя. – Пошлют нас подальше эти алхимики…

– Ничего-ничего, – сказал корноухий учёный. – Как раз самое время. У городских стражников сейчас пересменок. Уж я-то

знаю… Адепты Философского Камня здесь на одной улице живут, она так и называется – Златна уличка. Весь цвет научной Европы собрал к себе в Прагу император Рудольф фон Габсбург, второй этого имени! Очень даже удобно: один шарлатан пошлёт – пойдём к другому… Да и не все они старики… И не все шарлатаны…

Конечно, мысль использовать алхимиков была так себе, но ведь другой-то и вовсе нет!

Хорошо хоть, что Златну уличку не пришлось искать – мистер Келли явно был в имперской столице как дома.

– Здесь живёт мой давнишний приятель Гуго Бременский, – показал астролог на дверь, обитую медными бляхами. – В прежние времена у него всегда можно было угоститься моравским пивом… Вот дьявол!

Дверь гостеприимного Гуго была опечатана шнурком между двумя блямбами красного сургуча.

– Печать императорская… Допрыгался, голубчик, – вздохнул Келли. – А я ведь его предупреждал – нельзя сыпать в астральный настой непрокалённую мочевину в таких количествах, мера нужна… Ну да он тут не один такой, с ним соседствует старый гейдельбергский бурш Фриц Доппелькюммель. Он чуть ли не с самим принцем Гамлетом на одном курсе учился! Пива у него не допросишься, зато…

Но узнать, чем угощал пожилой студент вместо пива, не пришлось: и следующая дверь была тронута государственным сургучом.

– Фрица-то за что? – пожал плечами корноухий. По голосу было слышно, что астролог встревожился.

Он метался от дома к дому, благо улица была узкая – и везде натыкался на следы царственного вмешательства.

– Тенденция, однако, – сказал Джульверн. – Борьба с генетикой, кибернетикой, алхимией и прочими лженауками… Надеюсь, за домами репрессированных не следят, мистер Келли?

Корноухий лихорадочно озирался.

– Неужели старину Руди попёрли с престола? Кто бы при нём осмелился хоть пальцем тронуть императорского алхимика? Значит, надо… Надо…

Костя молчал, но чувствовал, что назревают крупные неприятности.

– Надо тупо тикать! – сказал Джульверн. – Причём в разные стороны. Нам в одну, а вам, господин астролог, в другую…

– Постой, – сказал Костя. – Дядя Эдик, с золотом мы обломились, это сто пудов. А нет ли тут такого учёного, чтобы разбирался в этих… в големах?

Он ведь чуть не забыл о Колобке!

Мистер Келли даже подпрыгнул:

– Да! Вот оно! Именно в Праге именно такой учёный и живёт! Правда, придётся пройти в здешнее гетто, но мы же с вами выше мещанских предрассудков…

– Куда? – сказал Костя.

– В место компактного проживания национальных или религиозных меньшинств, – сказал Филимонов. – Говоря по-русски – в еврейский Чайнатаун…

(Вообще-то в России раньше говорили не «чайнатаун», а «шанхай»…)

Здешний еврейский Чайнатаун выглядел поскромнее здешнего Золотого академгородка. Но, по крайней мере, двери невзрачных домишек не были опечатаны…

– Странно, что на входе нет стражи или этого глиняного болвана, – сказал Келли. – Но тем лучше. Вот дом человека, который вам нужен. Его зовут рабби Лёв бен Бецалель…

От соломенной куклы до трансформера

Изначально кукла не была детской игрушкой.

Во времена, называемые «детством человечества», кукла была чем угодно, только не ребячьей забавой. Кукла была заместителем человека. Кукла была духом предков. Кукла была богом. Кукла могла обозначать врага.

Её мазали мёдом и жиром, чтобы умилостивить предков и выпросить у них удачу. Её пороли в случае или недорода, или провальной охоты. Её прокалывали иглами и прижигали углями, чтобы причинить вред врагу.

Если тело заведомо погибшего человека не могли найти (утонул, сгорел дотла, съеден каннибалами), то в могилу опускали куклу.

От дикарской куклы ведут своё происхождение и статуя Венеры Милосской, и «Мыслитель» Родена, и памятник Булату Окуджаве на Арбате.

Но ещё предполагалось, что священные фигурки, стоит только человеку отвернуться, начинают двигаться… А если их подчинить людской воле?

Нам даже не понять и не представить, какой голодной, тяжкой и мучительной была жизнь наших отдалённых и не очень предков. Поэтому они и мечтали о рукотворных помощниках (как, впрочем, и об искусственном золоте, скатерти-самобранке и прочей халяве)…

Греческий бог-кузнец Гефест изготовил медного великана Талоса по заказу жителей острова Крит. Великан обходил Крит по периметру и швырял обломки скал во вражеские корабли. Этот первый робот (а робот ведь тоже потомок куклы!) был даже снабжён «защитой от дурака»: в пятке гиганта имелась ма-аленькая втулочка. Вытащи её – и Талос рухнет, истекая волшебной влагой, которая приводила его в движение. Это так, на всякий случай.

По той же схеме придуман и Голем.

«Голем» на иврите – «комок глины», «сырьё», «нечто неоформленное, незавершённое». О древних големах мы знаем очень мало. Разве что о праотце Адаме: Творец создал его из красной (цвет жизни!) глины и вдохнул в неё душу живую…

Рабби Лёв бен Бецалель действительно жил в Праге времён императора Рудольфа II. Это факт. Но вот создание им Голема – уже легенда, причём, как все хорошие легенды, весьма

плодотворная.

Рабби Лёв был каббалист. А Каббала – это учение о слове, знаке, букве, числе. Познай законы Каббалы – и природа станет подвластна тебе. Поэтому Лёв сперва вылепил из глины подобие человека. Потом попробовал его оживить. Написал на свитке пергамента слово «жизнь» и вложил свиток в открытый рот глиняного болвана…

Оживший пражский Голем должен был охранять гетто от несознательных (или слишком сознательных) горожан. От ночных налётчиков и грабителей. Использовался Голем также для выполнения всяких тяжёлых или запретных для иудея работ. Благодать – кормить не надо, платить не надо, вытащил из пасти бумажку-активатор, прислонил к стенке – и пусть стоит, пока вновь не понадобится…

Но пришлось однажды рабби Лёву отлучиться – и не справились его нерадивые ученики с великаном-слугой! Много беды натворил неуправляемый монстр, пока не вернулся великий каббалист. Разгневавшись, он начертал на пергаменте слово «смерть», изловчился, засунул глиняному разрушителю в рот – и рассыпался Голем в прах!

Мораль тут простая, но до сих пор толком не усвоенная: прежде чем включить что-либо, подумай, сможешь ли ты *это* выключить.

Пражскому Голему посвящено некоторое количество литературных текстов, кинофильмов, прочих сочинений. Самые известные из них, пожалуй, роман австрийского писателя Густава Майринка «Голем» (чтиво довольно тяжёлое для любителя стандартных триллеров) и фильм чешского режиссёра Мартина Фрича «Пекарь императора» (1951 г.). Вот фильм получился что надо! Его можно без труда найти в Сети.

А вообще големы размножились в литературе чрезвычайно.

Это и ожившая статуя Командора в легенде о Дон-Жуане («О, как тяжело пожатье каменной твоей десницы!» – воскликнул пушкинский Дон Гуан), и ревнивая «Венера Илльская» в новелле Проспера Мериме, и марширующие батальоны памятников Сталину в песне Александра Галича…

А уж про записных фантастов и говорить нечего.

У всех бессчётных взбунтовавшихся роботов один предок – Голем. Тут сто раз подумаешь, прежде чем обычный пылесос-то включить!

В Плоском Мире сэра Терри Пратчетта големы стали наёмными рабочими города Анк-Морпорка и даже объединились в профсоюз.

В «Граде обреченном» братьев Стругацких существует целый

Город Оживших Статуй.

В романе «Деревянный ключ» израильский писатель Тони Барлам (пишущий, впрочем, по-русски) описывает деревянного голема. Знайте, что истории про Пиноккио и Буратино сочинены неспроста!

У неистового левака и великого придумщика Чайны Мьевиля големов делают вообще из чего угодно – из земли, из воды, из хвороста, из мусора на свалке…

А от свалки недалеко и до модных ныне трансформеров…

…Кстати будет сказать несколько слов и об императоре Священной Римской империи германской нации (это её полное название) Рудольфе II Габсбурге.

Удивительный государь, поразительный человек, восхитительный дилетант. Переложил все государственные дела на брата, а сам перенёс столицу в любимую им мистическую Прагу и стал там жить в своё удовольствие. Собрал вокруг себя множество деятелей науки и искусства – достаточно назвать имена астронома Тихо Браге и художника Джузеппе Арчимбольдо (найди репродукции его картин – не пожалеешь). Стремился раскрыть все тайны Вселенной, не имея систематического образования. Легко увлекался самыми вздорными проектами и так же легко их бросал. Был по-детски доверчив и не по-детски жесток…

Именно он завёл среди венценосных коллег моду на собирательство уникальных предметов – природных феноменов, мутантов, раритетов, древних рукописей, легендарных артефактов. В ту эпоху у каждого мелкого германского князька был свой кабинет диковин.

И Пётр Великий не только из чистой любознательности учредил Кунсткамеру на берегу Невы, но и чтобы показать всему миру – я тоже самый настоящий европейский государь!

…Костя деликатно постучал в дверь, над которой висел похожий на фонарь стеклянный ящичек со свитком.

– О горе мне! – послышался из-за двери надтреснутый голос. – О, Суббота, будь она трижды, хм, того… благословенна! Я в этот день не вправе открыть свою дверь даже преследуемому беглецу! Впрочем, она ведь и не заперта…

– Понял, не дебил, – сказал Костя и толкнул рукой дубовые доски, испещрённые загадочными знаками.

Больше всего жилище мудрого рабби напоминало школьную химическую лабораторию – только стекло многочисленных сосудов было какое-то мутное.

Хозяин сидел в резном кресле с высокой спинкой и

поглаживал немалую седую бороду. Он поразительно походил на директора школы Семёна Ароныча.

Джульверн чуть было не назвал его так, когда здоровался.

– Шалом вам, молодые люди, – сказал рабби Лёв. – Что привело вас ко мне в этот… хм… священный, но совершенно бесполезный день?

– Так это… Где он? Куда он подевался?

– Кто подевался? – спросил старец.

– Мистер Келли, – пояснил Филимонов. – Нас направил к вам Эдуард Келли. Только он в последний момент как бы испарился…

– Это похоже на него, мерзавца, – сказал рабби и сурово насупил брови. – Удивительно только, как он вообще решился вернуться в Прагу? Ведь ему лично мной предсказана смерть в императорской тюрьме! Помнится, он так перепугался… Хе! Знать, большой куш почуял шарлатан! Но зачем он вас притащил с собой? Небось наобещал золотые горы? Да вы садитесь, садитесь, снимайте свой меч…

– Где-то так, – сказал Джульверн. – Но золото не главное. Дело в том, что наш друг и наставник… Одним словом, он разочарован…

– Я не целитель душевных ран, – сказал Лёв бен Бецалель. – А доктор Зигмунд родится ещё не скоро…

– Да я просто неудачно выразился, – сказал Филимонов. – Он был заколдован, а потом его по ошибке расколдовали… Костя, доставай Виссариона!

Жихарев извлёк из-за пазухи завёрнутого в шарф Колобка. Странное дело – на груди вожатый был плоский, как блин, а теперь снова стал пышный и шаровидный…

– Это… он? – спросил старец.

– Он самый, – вздохнул Костя. – Но он не умер – просто перестал быть самим собой…

– Это тяжёлый диагноз, – заметил рабби. – Конечно, если речь идёт о человеке… Но я сегодня не могу вкушать хлеб, испечённый из заквашенного теста…

«Да тебе, дедуля, никто и не даст его вкушать», – хотел сказать Костя, но воздержался.

– Это не хлеб, – сказал Филимонов. – Это хлебный голем. Так нам сказала одна девушка – с понтом ученица Мерлина… У него были и глазки, и ручки, и ножки, и всё остальное!

– Мерлин – это серьёзно, – вздохнул старец. – Одно то, что вам ведомо его имя, говорит о многом… Но я сегодня не могу заниматься никакими делами, а уж тем более каббалистикой! Соседи живо настучат в Синедрион!

– Да, я знаю, что в субботу вам нельзя, – сказал Джульверн. –

У Марика Фишмана дед такой – на него в субботу муха как сядет, так до воскресенья и ползает… Но… посмотреть-то вы можете?

– Посмотреть могу, – кивнул старец. – Только закройте за собой дверь…

– Простите, – сказал ботан, вернулся к выходу и задвинул щеколду.

Рабби Лёв принял Колобка из рук внезапно оробевшего богатыря. Костя всегда побаивался Семёна Ароныча. Потому что уважал…

– А вы, как вас…

– Меня Нил, а его Константин, – поспешно представился ботан.

– Вот вы, Нил, заварите чаю из трав, – сказал старец. – Я не командую, ибо команда – тоже действие. Я информирую. Травы я обычно храню в том шкафчике…

Великий каббалист умудрялся одновременно осматривать Колобка, давать инструкции Джульверну и рассказывать о своих невесёлых делах.

– …И я, старый дурак, создал Голема. Надеялся, что он будет за меня в субботу проводить опыты и хлопотать по хозяйству. Время, молодые люди, это самый дорогой товар! Да, две ложечки, не больше… Поначалу всё шло хорошо, но потом меня вызвали в Синедрион. Говорят: а какие буквы проставлены на свитке, оживляющем твоего глиняного шабес-гоя? Ах, наши, еврейские? Стало быть, это уже не шабес-гой, а самый настоящий иудей, и в субботу ему тоже положено отдыхать… Столько трудов насмарку! Да, плиту можно раздуть… Но нет худа без добра: теперь я отдаю Голема напрокат, когда не хватает двенадцатого еврея для поминальной молитвы…

– Так вы тогда всех двенадцать поминальщиков и слепите, – откликнулся от плиты Филимонов. – И вообще – пустите концепт в серию!

Рабби Лёв грустно улыбнулся:

– Это богатая мысль, молодой Нил. Если бы я мог, я бы весь свой народ заменил големами, которые не чувствуют ни обиды, ни боли, не страшатся самой смерти, равнодушны к изгнанию, лишениям и пыткам, а в огне только крепчают… Да, чайничек непременно китайский… Подарок императора, между прочим! И виной всему происки завистников да интриги союза шабес-гоев…

Костя кашлянул и сказал:

– Шабес-гои – они кто такие? Может, с ними надо побазарить по-мужски?

Рабби рассмеялся.

– Шабес-гой буквально значит «субботний иноверец». От

слова «шабад» – суббота… Мы нанимаем этих ребят на один день в неделю. Ясно?

– Да, – обрадованно сказал Костя. – И ещё мне ясно, почему Агапыч в конце тренировки командует: «Шабаш!»

– А итальянцы говорят: «Баста!» – тот же корень! – подхватил старик. – Молодой человек, если не трудно, подкатите моё кресло к столу, будем пить чай с яблочным пирогом… Сами его и порежьте…

Всё было очень мирно и по-домашнему, от чего друзья уже успели отвыкнуть.

Когда крепкий травяной чай был выпит, а вкуснейший пирог съеден, рабби Лёв сказал:

– А теперь займёмся вашим… хлебом. Нил, возьмите письменные принадлежности в верхнем ящике вон того бюро. Так. Несите сюда. Оторвите кусочек пергамента… Не получается?

– Дай-ка я, – сказал Костя. – Я уже работал с пергаментом…

Но его опыт писаря на богатырской заставе, увы, не пригодился – ведь надпись следовало сделать на иврите, а этого языка не знал даже ботан. Зато ботан был сообразительный: он попросил у рабби еврейскую наоборотную азбуку и вскоре выполнил задание.

– Теперь сверните пергамент в трубочку, – сказал рабби. – И попробуйте воткнуть её, что ли…

Костя охнул, заметив, что каравай содрогнулся. Потом из него стали расти маленькие лапки и ножки, прорезался ротик и даже возникли глазки – но не весёлые изюминки Виссариона Глобального, а какие-то мутные, мертвенные буркальца.

Колобок-голем встал на ножки и свистящим змеиным шёпотом произнёс:

– С-слуш-шаюс-сь, хоз-зяин…

И вдруг в уютной келье всем сделалось так страшно и тошно, что Жихарев быстро схватил бывшего Колобка, вытащил из него бумажную трубочку – и хлеб снова стал хлебом…

– Это не наш Виссарион, – сказал богатырь. – Это просто нежить какая-то…

– Недотыкомка, – уточнил побледневший Филимонов.

Рабби Лёв беспомощно развёл руками:

– Это всё, что в моих силах. Жизнь вдохнуть я ещё могу, а вот вернуть душу…

Тут раздался мелкий дробный стук в дверь, и глубокий бас проворковал:

– Нештатная ситуация!

Потом послышался чей-то визг, удар – и дверь дома влетела внутрь, сорванная с крепких стальных петель.

Операция захвата была продумана до мелочей. Должно быть, нападавшие прекрасно знали расклад сил.

Двое стражников сразу устремились к рабби Лёву и встали по обе стороны кресла, скрестив алебарды.

Костя остался в стороне и успел ухватить с лавки Меч Спецназначения – этим воякам вполне хватило бы и ножен…

Но старший группы, усач в парадной кирасе с гравировкой, уже стоял за спиной Филимонова и держал ботана за шею, угрожая кинжалом.

Костя плюнул и бросил меч. Ему споро скрутили руки верёвкой, да ещё каким-то хитрым узлом. Юный богатырь уже знал по былинному опыту, что вырываться и выкрикивать свободолюбивые лозунги при задержании стыдно и бессмысленно. Один бы он мог попытаться уйти. И даже не попытаться, а просто уйти. Но рисковать жизнью ботана не мог… За здешними ребятами перехватить глотку не заржавеет!

– Позвольте! – запоздало вскричал рабби Лёв. – Это мои гости! Вы не имеете права! У меня охранная грамота самого императора! Это произвол!

Старший передал Джульверна своему помощнику и подошёл к креслу. Алебарды встали по стойке смирно.

– Рабби, – поклонился он и прижал руку к сердцу. – Его императорское величество велел передать вам глубочайшие извинения за беспокойство. Только что мы избавили вас, а может быть и наш христианский мир, от страшной опасности…

– Извольте объясниться, полковник фон Бюлов!

Начальник стражи прокашлялся.

– Эти мерзавцы, – заревел он страшным голосом, – эти ваши так называемые гости, с которыми вы тут распивали чаи, на самом деле посланцы нечестивого турецкого султана! Они хотели выкрасть вас и доставить в Стамбул, чтобы вы изготовили для басурман целую глиняную армию! Нехристи пользуются тем, что нынешний Папа Римский какой-то чудной…

Филимонов поймал себя на том, что про чудного Папу он уже где-то слышал, но думать об этом сейчас было некогда.

– Такого не может быть, – сказал поражённый каббалист. – Зачем султану глиняная армия, у него и живых-то некуда девать…

– У нас зря не хватают, – сказал полковник. – Говорю честно, по-солдатски. Видите, как притихли заговорщики? Возразить-то злодеям нечего…

– Зато мне есть что сказать этим юношам. Увы, друзья, до исхода субботы я не могу пойти во дворец, чтобы ходатайствовать за вас. Но суббота, к счастью, не длится вечно. Я уверен, что

недоразумение разрешится…

– Можете и не успеть, рабби, – осклабился фон Бюлов.

– Это почему?

– Потому что мне предписано доставить преступников в Подземелье Высокой Науки для опытов. На них наши светила будут проверять эликсиры бессмертия и прочую гадость. Я считаю – это лучше, чем травить несчастных собачек, кошечек, кроликов и даже крыс. Крысы, в отличие от вражеских наймитов, достойны честной солдатской смерти от удара сапогом, а не от подлой отравы. Недаром наши придворные мудрецы называют себя гуманистами…

Бен Бецалель бессильно уронил руки.

Круглый каравай по-прежнему лежал посреди стола, потому что страже было строго указано – в доме каббалиста нельзя ничего трогать, а тем более тырить оттуда! Себе дороже выйдет!

Мученик лженауки

– Ладно хоть Колобок в безопасности, – сказал Филимонов. Их гнали по утреннему городу, уже наполненному торговым, рабочим и праздным людом. – А филин-то успел слинять?

С ближайшей крыши донеслось басовитое гульканье.

– Хорош голубок, – проворчал Костя. – Но всё-таки лучше, что он остался на свободе.

– Ну да, – согласился Джульверн. – Будет прилетать к нам в темницу, вскормлённый на воле орёл молодой, а мы станем передавать с ним записки безутешной родне… Герр полковник, а что это за тюрьма, в которую нас ведут?

Полковник фон Бюлов, на счастье или несчастье, оказался словоохотлив:

– Это не тюрьма, а Подземелье Высокой Науки, турецкое отродье! И вскоре ты отведаешь плодов этой науки!

– Да я ни слова не знаю по-турецки, – сказал Филимонов. – Разве что «секир-башка»…

– Все вы так говорите, – проворчал полковник. – Тем хуже для вас, предатели христианской веры! Перед лицом басурманской напасти наш мудрый император Рудольф приказал всем своим астрологам да алхимикам объединиться в одну штрафную роту. И поклялся, что никто из них не получит свободы, пока их чёртова наука не даст реальных боевых результатов! Вот это честно, это по-солдатски! Давно надо было так сделать, умная голова этот его новый советник…

– Какой советник? – сразу встрепенулся Филимонов, потому что болтуна следует потрошить, не отходя от кассы.

– Да этот, как его… Кукко… Вякко… Я полагаю, из финнов он, да башка у него толковая! Хоть и не военный…

– Выследил всё-таки нас, – проворчал Костя.

– А не надо Священную Империю германской нации нехристям продавать! – наставительно молвил фон Бюлов. – Вот тебя, парень, охотно взял бы любой командир, даже и в гвардию. Но нет, ты предпочёл честной солдатской судьбе и честному солдатскому жалованью грязное золото турецкого великого визиря!

– Выходит, что Куковяка нас подставил… – сказал Костя.

– Ну конечно! Станет императорский советник заниматься мелкими доносами! Да нет – доложил о вас ваш же сообщник, печально известный всей Праге проходимец Келли-Ушки-Топориком. Рассчитывал, что заслужит прощение и награду от старины Руди. Как же! Теперь сдохнет в тюрьме, потому что так

предсказал ему рабби Лёв. А то, что предсказал рабби Лёв, не в силах изменить даже император. И скажу как честный солдат: и он, и вы заслужили участь подопытных крыс!

Судя по частоте употребления слов «честный» и «солдатский», полковник фон Бюлов явно намекал на необходимость взятки. Тем самым грязным турецким золотом…

Наконец конвой остановился перед сплошной булыжной стеной.

– Завязать глаза шпионам! – скомандовал фон Бюлов, дивясь недогадливости стамбульских наймитов. Ведь так легко избежать мучительной научной смерти: копьё в спину при попытке к бегству – и всё кончено! А золото поделить – честно, по-солдатски…

Но полковник не был до конца уверен в своих людях – вдруг да среди них затесался действительно честный солдат?

…Наконец повязки были сняты.

Костя Жихарев никогда не вращался в академической среде, а вот вундеркинд Филимонов сразу определил: это заседание учёного совета!

Заседавших в огромном зале с низким потолком было не меньше сотни. Одни были одеты в расшитые серебром мантии и островерхие колпаки, другие в рабочей одежде, повязанной кожаными фартуками, третьи вообще выглядели как давешние певцы-студенты.

Вдоль стен стояли столы, на которых громоздились колбы, реторты, перегонные кубы, тигельки, алембики, змеевики и прочие атрибуты Великого Делания – то есть извлечения из окружающей среды Философского Камня.

И разумеется, здесь властвовали страстный дух прогресса, аура неустанного коллективного поиска, флюиды не знающего границ научного энтузиазма, атмосфера всепобеждающего желания познать тайны Вселенной и прочая чепуха, которую обычно городят журналисты в научных обозрениях…

В особенности впечатляли настенные факелы, пылавшие то обычным, то синим, то зелёным огнём.

В общем, фауст сидел на фаусте и фаустом погонял!

Хотя многие откровенно дремали.

Главный фауст стоял за кафедрой и о чём-то горячо вещал. Увидев вошедших, он прижал палец к губам и показал рукой в сторону.

Полковник понимающе кивнул, сделал соответствующие знаки солдатам и арестантам – и почти на цыпочках повёл свою команду в указанном направлении.

В углу зала была просторная железная клетка – вроде тех, что

применяются в современных залах суда (большой прогресс по сравнению с мрачным-то Средневековьем!). Прутья надёжно вмурованы в пол и потолок. Под ногами разбросано вонючее сено, а на сене дрыхнет или помер какой-то бедолага, укрытый мешковиной…

Подскочивший местный служитель отпер маленькую дверь, пропустил туда пленников и сейчас же навесил замок – по мнению Кости, несерьёзный.

Жихарев, как бывший узник князя Владимира Красное Солнышко, освоился быстро – снял телогрейку и бросил на солому.

– Хоть не в темноте сидеть, и то ладно, – сказал он и сел.

Учёные мужи зашикали на него – и обратили свой слух к оратору.

А оратор пражский говорил:

– …Ибо сказано в «Иероглифике» Ламбспринка: «В этом лесу есть животное, полностью покрытое чернотой, и если кто-либо отрубит ему голову, то чернота сойдёт с него и он приобретёт белоснежный цвет». Хотите ли вы понять, что это?

– Хотим! Хотим! Давно ждём! Давай рожай! – вразнобой заорали высокоучёные слушатели, сидящие на длинных лавках.

– Чернота называется головой Ворона, которая, будучи снята, немедленно приобретает белый цвет; другими словами, когда тучи больше не возвращаются, тело называют обезглавленным. Таковы его истинные слова…

– В точку!

– Хорошо сказано!

– Кроме того, – продолжал докладчик, – мудрецы также говорили: возьми гадюку, называемую de Rexa, отруби ей голову и так далее, то есть избавь её от черноты. Они также использовали этот парафраз, когда, описывая операцию по умножению Камня, они называли змею гидрой, у которой, если отрубить голову, на её месте тут же вырастут десять. Так сила Камня возрастает вдесятеро каждый раз, как отрубают голову Ворону, то есть его вновь делают чёрным, а затем белым, или, другими словами, заново повторяют растворение, а затем коагуляцию…

От духоты и занимательности доклада Костю неудержимо клонило в сон – тогда как ботан слушал очень внимательно.

Снился Косте и несчастный обезглавленный Ворон, и Король, которого кормят Молоком Девственницы, сваренным в три этапа по пятьдесят дней – так дремлющему у включённого телевизора видится в причудливом искажении то, что несут с экрана.

Время от времени богатырь открывал один глаз, убеждался,

что оратор всё ещё продолжает, – и задрёмывал снова.

Финал доклада был довольно шумным.

– Итак, – сказал главный фауст, – я был краток. Тем не менее всё, что вы сейчас услышали, является величайшим секретом всех времён и народов, и поэтому вы все сейчас у меня умрёте!!! Я вас предупреждал!!!

С этими словами оратор бросился на кого-то в первом ряду и начал бедолагу душить – насилу оттащили и угомонили учёного.

– Во психи, – сказал Костя.

– Обычная полемика, – пожал плечами ботан.

Потом на кафедру зашёл другой докладчик – судя по молодости, кудрям и завыванию, поэт:

Кто истинной науки ищет
И знания правдивого металлов,
Того, как превращать один в другой
И трансмутировать их верно,
Тот должен уяснить весь путь,
Какой они проходят в недрах:
Возникновенье их и созреванье
В глубоких шахтах под землёй…

– Нескладушки, – шепнул Костя. – Куковяка наш и то лучше умеет…

– Вероятно, подстрочник, – откликнулся ботан. – Зато, пока они всю эту хрень перетирают, на нас не ставят опыты…

А Жихарев уже и забыл, что он тут всего лишь лабораторная белая мышка. Ему-то снилось, что он Красный Лев и его запихивают в Философское Яйцо с целью подвергнуть Алхимической Свадьбе…

Разбудил богатыря ботан – тычком в бок.

– Смотри, кто на трибуне!

– А кто? Сам Мерлин, что ли?

– Нет! Там китаец! У них, оказывается, было и межконтинентальное сотрудничество!

И точно: место за кафедрой занял старичок с реденькой бородкой, в алом шёлковом халате и в чёрной шапочке с золочёным шариком на верхушке.

– …Но если адепт стремится вознестись на небеса, ему следует поститься сто дней, год воздерживаться от употребления в пищу злаков и принять один лян раствора. Тогда непременно он вознесётся к бессмертным.

– Ну ясное дело – вознесётся! При такой-то диете! Только зачем так долго ждать, мастер? – спросил кто-то.

Старичок торжествующим взглядом обвёл аудиторию.

– Существует также ещё более совершенный метод приготовления золотого раствора, приносящего великую радость, – объявил он. – Нужно взять золотой раствор и одну меру водяного серебра-ртути. Эти вещества надо смешать и затем нагревать в течение тридцати дней. Потом положить эту смесь в сосуд, сделанный из жёлтой глины, и добавить в него глину «шесть-один», затем запечатать сосуд и нагревать на сильном огне. Греть следует шестьдесят часов. Тогда смесь превратится в эликсир. Если принять пилюлю этого эликсира с маленький боб величиной, то быстро станешь бессмертным…

– Сообщал уже! Мы и этой пакостью подопытного накормили!

– Он вторые сутки спит!

– Или уже не спит, а того… стал бессмертным…

– Да нет, пациент попался на редкость выносливый. Что мы только на нём не пробовали! Даже самому страшно!

– Господа, господа, мы ищем панацею или оружие массового уничтожения?

– А какая разница?

– Эй, ребята в вольере, проверьте там вашего соседа – не сдох ли? Ткните его чем-нибудь!

Костя Жихарев поднялся в полный рост и оттуда посмотрел на учёного гуманиста.

– Тебе надо, – сказал он веско, – ты и ткни.

После чего уселся на своё место и закрыл глаза.

Но тут же распахнул их – так пронзительно взвизгнул Филимонов.

Богатырь и сам чуть не взвизгнул, потому что было из-за чего.

С вороха соломы поднялась, пошатываясь, жуткая личность, одетая в мешок с прорезанными для головы и рук дырками.

Это, несомненно, был Василий Буслаевич Буслаев – но как он переменился!

То ли на ушкуйника так подействовала борьба за недолгое счастье английского народа, то ли опыты здешних имперских гуманистов – но он утерял все свои алые одежды и утратил такой же цвет лица, как и мордастость в целом. Благородно бледен был ныне Васька, и бледность эта отливала металлом, словно под кожу дебоширу впрыснули ртуть или выкрасили физию серебрянкой.

Зато глаза стали ярко-красными и такими безумными, что Джульверн спрятался за спину Кости, да и самому Жихареву тоже очень захотелось укрыться за чью-нибудь спину, только таковой не нашлось.

А из шеи у Васьки торчала какая-то трубка.

Но герой новгородского эпоса даже не поглядел на недавних противников. Он заревел, словно последний мамонт на земле, и, вцепившись в прутья, стал их раскачивать.

Алхимики явно ожидали какого-то другого эффекта.

– Вагнер, это ведь вы должны были поставить дикарю на ночь клистир из макового молочка?

– Нет, маэстро! Обычно клистир ставит Кафка, а Кафка нынче отдыхает!

– Позовите стражников!

– Он перевозбуждён! Несите ведро с бромом!

– Куда подевался Фукс?

– Продолжаем, продолжаем симпозиум, коллеги!

– Никакой паники!

И верно – без всякой паники и худого слова Буслай выдавил из потолка и фундамента два прута (теперь они больше напоминали огромные железные скобки) – и боком вышел из клетки. Он уже обходился без костыля – разве что чуть прихрамывал. Скорей всего и перелома-то не было – Костя же не зверь.

Прутья Буслай взял в обе руки и нехорошо, как-то по-кинг-конговски, поглядел на столпившихся полукругом гуманистов.

– Вася добрый, Вася гут… – безнадёжно пискнул кто-то из фаустов.

– Вася сейчас кушать ням-нам, Вася пить, Вася спатеньки! – поддержал коллегу другой магистр-бакалавр и показал Буслаю большую кожаную флягу с черепом и костями.

– Они его тут на местной наркоте держали, – сказал Косте Джульверн. – Да, видно, последнюю дозу слишком разбодяжили, вот его и ломает… Коррупция в научном мире!

Но ломало ли Васю – неизвестно, зато сам Вася учинил здешней науке хорошую ломку!

Ломами послужили всё те же прутья клетки.

Смыться из зала адепты Царского Искусства не могли – видно, император держал их на строгом режиме. А допекли они Буслая своим научным любопытством изрядно!

– Давай к двери – и ходу, – скомандовал Костя. – Пусть Васька сам с ними разбирается. А стражников беру на себя…

Причём взять стражников на себя ему пришлось тут же, перед дверью. Два усача в шлемах, кирасах и с алебардами ворвались в зал, привлечённые шумом.

– Это ты безобразишь? – заревел стражник на богатыря и замахнулся своим оружием.

– Оставь парня, Густав, – сказал другой стражник. – Видишь –

дикарь из Тартарии поломал-таки свою клетку! Но связываться с ним у меня пока нет желания. Вот поубивает он тут человек пять, как в прошлый раз, успокоится – и мы возьмём его голыми руками…

– Голыми так голыми, – охотно согласился Костя и вырвал алебарды у одного и другого. – Теперь мечи попрошу, – добавил он.

– Мы ведь, господа, и сами-то будем дикари из Тартарии, – представился ботан. – А ключ от двери пожалуйте сюда…

Кажется, до стражников не сразу дошла суть событий – они, раскрыв рты, смотрели, как бушует новгородский ушкуйник.

Васька между тем, орудуя железными скобками, загонял своих мучителей-гуманистов в вольер. Многие, сообразив, к чему дело идёт, предпочли скрыться туда добровольно, а недогадливых Буслай подбодрял молодецкими ударами по хребтинам.

– Открывай дверь, – сказал Костя. – Будем прорываться, пока им не до нас… Эй, вы, служивые, – давайте-ка тоже в клетку!

– Вместе со штатскими?! – возмутился было тот, которого звали Густав, но богатырский пинок убедил солдата не быть столь щепетильным в вопросах чести.

– Костя, – сказал Филимонов. – Убежать мы успеем, но у меня возникла одна гениальная идея…

– Свернут нам буйны головы с твоими идеями, – вздохнул Костя и толкнул разоружённых стражников в сторону клетки, где бедняг встретил торжествующий новгородец. – Видно, всё-таки придётся мне с Васькой Буслаем переведаться…

Васька повернулся в их сторону и устремил на друзей свой огненный взгляд.

– Он здорово похудел, – заметил ботан. – Да и под кайфом. Справишься.

Но Буслай бросил свои страшные ломы и заревел по-медвежьи:

– Наши! Святая София, наши! Родненькие! Как же я тут без вас намаялся! Истинно говорят: на чужой сторонушке рад своей воронушке! А тут вместо немцев взаправдашние люди!

И, широко расставив лапищи, побежал к стоящим у двери Жихареву и Филимонову.

– Братцы, обнимемся по русскому обычаю!

– Самопалы где? – хмуро спросил Костя и для верности изобразил огнестрельное оружие с помощью указательного и большого пальцев.

Васька опешил. Вот так землячок!

– Опоили меня нехристи, – забормотал он и потупил пылающие очи. – Дурман-травы в мальвазию набуровили…

– Ладно, за потерю личного оружия дома будешь ответ держать, – смилостивился богатырь. – А сейчас поступаешь в моё распоряжение…

Генеральский сын хорошо знал, как завоевать командирский авторитет!

Нил Филимонов не был генеральским сыном, но тоже кое-чего стоил.

– Внимание! – заорал он изо всех сил. – Извольте молчать, иначе прикажу дикарю из Тартарии перегрызть всем вам глотки! Это не побег! Повторяю: это не побег! Это захват заложников!

Стокгольмский синдром в пражском подвале

…Слово сие журналисты замызгали и обесценили до невозможности.

Отключили в доме горячую воду – пишут, что жильцы стали заложниками теплоэнергетиков и т. д.

Продают в магазине просроченные продукты – значит, покупатели стали заложниками недобросовестных и т. д.

Нечем заправить самолёт в аэропорту – пассажиры стали заложниками монополистов и т. д.

Результаты выпускных экзаменов приводят в ужас – школьники стали заложниками реформы и т. д.

Идёт на сцене бездарный спектакль – зрители стали заложниками и т. д.

Грянет над городом внезапная гроза – граждане стали заложниками метеорологов…

А на самом деле заложники – люди, которые в любую минуту могут погибнуть. И это намного страшнее, чем остаться немытым, запоносить от прокисшей сметаны, опоздать на симпозиум или провалиться на экзамене. Другая шкала ценностей…

– …Джульверн, ты спятил? – сказал Костя. – Какие заложники могут быть в эти… эти…

– Эти жестокие времена, – закончил ботан. – Ты прав. Жизнь человеческая тогда ничего не стоила, согласен. Но только не в нашем случае…

Филимонов словно всю жизнь только тем и занимался, что заложников захватывал.

И немудрено: ведь заложников захватывают нынче в каждом втором фильме или сериале! Кое-что из показанного соответствует действительности. Да и жизнь, к сожалению, даёт подобные примеры. Так что было ботану время навостриться!

Сначала он узнал у стражников, скоро ли будет смена караула. Причём спрашивал каждого по отдельности. Солгать под наблюдением горящих и голодных очей ушкуйника служивые не посмели. Кроме того, за дверью, на посту, были прикреплены к стене здоровенные песочные часы – не вывешивать же ради тупых вояк дорогущие механические!

Времени было достаточно.

Потом Филимонов велел участникам псевдонаучного симпозиума выходить из вольера по одному и, сидя за столом,

проводил краткий опрос:

– Имя?

– Фома из Кицбюэля, мой господин.

– Тема исследований?

– Греческий огонь.

– Результаты?

Фома замялся.

– Это тайна, мой господин. Государственная и военная тайна.

– Ну, судя по тому, что тебя ещё не повесили, результаты как минимум обнадёживают. Иди направо. Следующий! Имя?

– Никанор Марселец, ученик самого Николя Фламеля!

Кто-то выкрикнул из вольера:

– Врёт, проклятый паффер! Фламель давно умер!

– Протестую! Это для бездарностей и шарлатанов он умер, – сварливо бросил тощий и обросший щетиной Никанор. – Для подлинных адептов Великого Делания гениальный Фламель бессмертен!

– Понятно, – сказал Нил. – Ступай налево. Следующий! Имя?

– Оно секретно, монсиньор.

– Почему?

– Потому что меня по всей Европе разыскивают венецианские шпики. Я лучший стеклодув нашего вре…

– Достаточно, мастер. Причина уважительная. Кого попало искать не станут. Направо. Следующий! Имя?

– Иоганн из Дюссельдорфа, мой господин.

– Тема исследований?

– Я изобрёл laterna magica, мой господин.

– А! Волшебный фонарь! Отлично. Направо. Следующий!

– Алекс Юстас Мюллер из Шелленберга, мой господин.

– Тема исследований?

– Порошок бессмертия из кишок зеркального карпа, мой господин!

– Хм. Порошок из кишок… Впечатляет! Налево! Следующий!..

– Бруно из Брно, пан начальник.

– Тема?

– Настойка, могущая заменить краску индиго, пан начальник.

– Хорошо. Значит, будут у народа синие джинсы. Направо!.. Следующий!

– Фридрих Доппелькюммель, мой господин.

– А! Вы тот самый Фриц, который учился с принцем Гамлетом?

– Совершенно верно.

– Ну и каким он был, принц Гамлет?

– Так себе студент. Только за громкий титул и терпело его

университетское начальство. Вечно у меня сдувал курсовые. А диплом за него писали Розенкранц и Гильденстерн. Вот потому он их впоследствии…

– Понятно. Герр Доппелькюммель, непременно напишите мемуары. Обязательно! Ступайте направо…

Имена и профессии Джульверн записывал на листе пергамента, причём не боясь хроноклазма, делал это обыкновенной шариковой ручкой, прятавшейся до того в телогрейке. Не ковыряться же с перьями!

Костя при этом сидел на том же столе и не мог понять, для чего ботан устроил это действо, но постепенно понял.

Филимонов уверенно отделял настоящих мастеров и изобретателей – стеклодувов, кузнецов, механиков, металлургов, изготовителей пороха, фармацевтов и вообще дельных людей – от явных безумцев и наглых шарлатанов, именуемых в те времена пафферами.

Богатырь, сам работавший подмастерьем у кузнеца Людоты (того самого, из учебника истории), дивился тому, как много знали и умели люди к концу шестнадцатого века!

Он даже позволил себе вписаться в допрос, когда услышал от кузнеца-француза, что «в моче рыжеволосых ребятишек орудия закаливаются много твёрже, чем просто в воде»:

– А разве для этой цели не используют мочу трёхлетнего козла? Я тоже учился у настоящего мастера!

Весёлый рыжий француз ответил:

– Брать козла напрокат дорого. Выдерживать его три дня в бочке голодом – терять время. Чтобы потом накормить бодучую скотину папоротником, придётся идти в лес, кишащий разбойниками. Да мне проще детишек настрогать!

Ботан поглядел на Костю с уважением и отослал весельчака направо.

Мастеров и умельцев нашлось немало.

Увы, психов и проходимцев было больше.

– Этих мы кормить не будем, – загадочно сказал Джульверн. – Это балласт.

Василий Буслаев меж тем зорко бдил, чтобы заложники не переговаривались между собой. Такие попытки он пресекал без всяких слов.

Напоследок Костя сказал Филимонову:

– А что с китайцем делать будем? Что-то я тревожусь – вдруг дедушка из Шаолиня? С виду тихий-тихий, а потом… Не прибить же его для профилактики!

– Ты прав, – озабоченно сказал Джульверн.

Он встал и сам подошёл к старичку, скромно

пристроившемуся в самом конце очереди.

– Прошу прощения, сэнсэй, – сказал он.

– Сюцай, господин длинноносый… э-э-э, – робко поправил китаец.

– Конечно! Сэнсэй – это же по-японски. Длинноносый варвар ещё раз просит прощения, сюцай. Вы выйдете из подземелья в первую очередь.

– Ничтожный Лю Седьмой хотел бы разделить участь всех остальных учёных длинноносых, – поклонился китаец.

– Ответ благородного мужа! Но вы мне нужны, сюцай, – сказал ботан, – чтобы передать моё послание императору Рудольфу. Вас к нему наверняка допустят…

После чего всех, отошедших налево, очень вежливо попросили вернуться в вольер и не рыпаться.

Наконец Джульверн усадил на лавки мастеров и спросил:

– Коллеги, нравится ли вам императорская затея – собрать вас всех вместе?

– Император не виноват, – угрюмо сказал красильщик из Брно. – Мы любим нашего чудака Руди. Наверняка он ничего не знает. Всё дело в новом советнике…

– Из-за него нас оторвали от дела!

– Из-за него мы разлучены с семьями!

– Из-за него наши ученики и подмастерья без присмотра такого напортачат!

– Из-за него мы зря просиживаем штаны и слушаем всякий вздор!

– Из-за него нас кормят баландой и фальшивыми сосисками из фасоли!

– Пивечко курвы-стражники разбавляют! – с большим душевным надрывом выкрикнул явный чех.

– Мы положим этому конец и поставим советника на место. Вы поможете мне, друзья?

– Со всем старанием, мессир!

Филимонов сказал ещё несколько слов, после чего господа профессионалы разошлись по своим мастерским и лабораториям, расположенным в коридорах, отходящих от конференц-зала.

Шарлатаны и фаусты глядели им вслед с тоской и завистью.

А ботан сказал богатырю:

– Вот видишь – ещё песок в часах не высыпался, а у заложников уже возник стокгольмский синдром.

Погуглите… а что делать, если из названия «Яндекс» невозможно образовать производные? «Пояндексируйте»?

Заодно узнайте, что такое «шарашка».

О, четверг!

…Китайского сюцая отправили с посланием в сопровождении стражников. Ботан даже выкинул им вслед алебарды и мечи – зачем парням лишние неприятности?

Потом Филимонов отправился в обход своих новых владений, а Костя и Буслай сели за стол. Василий прихлёбывал якобы (или в самом деле) разбавленное пиво и взахлёб же рассказывал долгожданному русскому собеседнику о своих подвигах. Говорил он сбивчиво, путано, то и дело перескакивая с эпизода на эпизод. Костя терпеливо переспрашивал и уточнял, пока не вытянул из новгородского озорного гуляки всю возможную информацию о прошлых похождениях и нынешних мучениях. Туго же Васе пришлось под опекой злодеев в черных мантиях – они его разве что серной кислотой не поили!

Выходило, что восстание Куковяка всё-таки поднял, причём подробности были весьма странные: бунтовать они начали против легендарного короля Артура, а подавлял мятеж вполне реальный Вильгельм Завоеватель.

Мужиков, как водится, развешали вдоль дорог, а зачинщики благополучно ушли разбойничать в леса, где и дождались вскоре времён Робин Гуда и короля Ричарда.

– Мы, Костя, чуть-чуть не успели вас тогда выручить, – говорил Буслай. – На самую малость опоздали. Выскочили на поляну – а там уже пусто. Только разбросанное кострище да жареный поросёнок валяется на траве. Лихо вы этих зелёных охотничков разогнали! А за то, что оставил под дубом мой червлёный вяз, – особое спасибо. Не раз он мне ещё пригодился! Чуял, поди, братка, что Василий-от Буслаевич непременно на выручку своим придёт! Русское сердце – оно вещее! А за ногу зашибленную я на тебя уже не в обиде. Да ведь кабы не вы…

Ох и погуляли мы вволюшку по доброй старой Англии! Узнали лорды чопорные да купцы скаредные, сколь тяжка десница Господина Великого Новгорода! Научили мы их нашему кулачному бою!

А потом патроны кончились, зато началась в моей дружине великая смута…

Васька махнул рукой и приложился к кожаной кружке, а потом стал рассказывать, что ушкуйники его разбежались по здешним вдовушкам, поклявшись друг дружке снова сойтись «на будущий год у паперти Святой Софии Новгородской».

– Ну а мы с Куковякой угнали лодочку – и на материк. Свой своему поневоле брат! Он за меня держался, а я за него. Вот,

думаю, друг-то верный, на всю жизнь! Все страны прошёл, все обычаи знает, а уж как складно бает! С Ефрем Ермилычем не пропадёшь!

– Да уж конечно, – вздохнул Костя. – На себе испытал такую дружбу. Остался из-за него в чистом поле гол как сокол…

– А мне-то откуда было знать, что он коварный изменник? – всплеснул могучими руками новгородец. – Мы же всё делили пополам, хотя делить было, в общем, нечего. Оказалось, что и без нас хватает в окаянной Европушке и разбойников, и адвокатов, и скоморохов…

Далее последовала трудная повесть о скитаниях, лишениях и злоупотреблениях. Кончилось тем, что Куковяка придумал водить Ваську с ярмарки на ярмарку, выдавая за дикаря из дикой Тартарии. Для этого бывшему первому городскому щёголю Буслаю пришлось не бриться, не мыться и волос не чесать… Бр-р! И собирали-то сущие гроши…

– … А потом пришли мы сюда, в чехи, к римскому кесарю. Напоил меня злодей Куковяка в кабаке, да и продал на опыты учёным людям. Жил я тут, аки дикий зверь в клетке, ничего не соображая, словно бы во сне. Кормили меня мучители и камнями, и глиной, и ящерицами зелёными – думали, подохну. Ну да в русском брюхе долото сгнило! Так я уже сам себе смерти начал желать, когда в башке светлело. И вдруг ваши голоса услыхал… Да, мы, русские, своих не бросаем. Воскресили вы меня к новой жизни…

Богатырь уж не стал огорчать ушкуйника, не сказал, что попали они в подземелье вовсе не ради него.

Тут как раз вернулся Джульверн. Ботан радостно потирал руки, заляпанные и обожжённые химикатами.

– Рядовой Буслаев! – объявил главнокомандующий Жихарев. – Умыться, почистить зубы и отдыхать! К ночи разбужу, будете дневальным!

(Да, дневальный – он и ночью дневальный. На таких вот парадоксах армия и держится!)

Васька охотно побежал выполнять команду.

– Чего тут только нет, – сказал Джульверн. – Даже воду сюда провели… От жажды не умрём! Я велел сделать запас.

– Вода – это плохо, – угрюмо сказал Костя. – Не будут они с нами договариваться, а утопят всех, как котят.

– Побоятся, – сказал ботан. – Мы ведь с тобой держим в кулаке всю здешнюю оборонку, ювелирку, чеканку монет и промышленное производство. Всю научно-техническую элиту. Для государства таких людей потерять – это всего лишиться, а на носу война. Она в Европе всегда на носу…

– И всё равно, – проворчал Костя, – не нравится мне твоя затея с заложниками. Ведь кто так поступает? Только бандиты.

– Не скажи, – возразил ботан. – А как же борцы за свободу?

– Убийцы они за свободу, – сказал Костя. – А мы теперь вровень с ними становимся… Нужно было тупо бежать и не мудрить.

– Но ведь тупо бежать неинтересно, – сказал Джульверн. – А теперь мы тоже войдём в легенду, не хуже прочих. Тут, в подвале, пороха и прочих компонентов хватит, чтобы весь город поднять на воздух!

Историю последней войны генеральский сын знал неплохо, не по учебникам.

– Даже гитлеровцы Прагу не взорвали, – сказал он. – И наши освобождали аккуратненько так, щадили красоту. А мы поднимем на воздух?

– Ну, это уж на крайняк, – сказал ботан. – Ведь какая у нас главная цель? Живыми вернуться домой и выручить своих родных. Любой ценой. Я правильно понимаю?

– Правильно, – сквозь зубы сказал богатырь. – Только от этой правильности не легче. Видишь – что-то не торопится пока твой Рудик с ответом!

– Император Священной Римской империи германской нации – не хвост собачий, – сказал Филимонов. – Там ведь протокол, церемонии всякие. Тем более что и отправили китайца. Да и не привыкли они к таким экстремальным ситуациям. Пока найдут переговорщика, пока созовут государственный совет, пока соберут выкуп… Скоро только кошки родятся!

Косте только и оставалось, что вздыхать и сомневаться. Самое тяжкое испытание в жизни – выбор…

– Вот что, – сказал он наконец. – Отставить переговоры. Выпустим всех – и будем прорываться!

– А людей погоним впереди себя живым щитом? – сказал Джульверн. – Под огонь из мушкетов?

– А что, разве уже есть мушкеты? – растерялся Жихарев.

Неизвестно, на что решился бы богатырь, но тут в потолок постучали.

Вернее, грохнуло так, словно кто-то на поверхности решил заколотить в землю огромную сваю, да наткнулся на кирпичный свод.

Потом ударило ещё раз. И ещё. И ещё.

Встревоженные мастера повыскакивали из своих келеек и стали вопросительно глядеть на Джульверна. А что он мог им сказать?

Полетели первые кирпичи, и все, кто был в зале, невольно

отпрянули к стенам.

Обитатели вольера никуда отпрянуть не могли и поэтому просто вопили от страха так, что проснулся недовольный Буслай. На грохот он не обратил никакого внимания, а вот крикунов приструнил по-своему.

А Костя Жихарев даже облегчённо выдохнул – вот сейчас всё само собой и определится… Потолок рухнет, и всему…

Кажется, император нашёл самое простое решение проблемы!

Но из дыры в потолке сперва показались огромные глиняные ступни, похожие на утюги, потом глиняные же ноги и, наконец, их обладатель целиком.

Друзья сразу поняли, что перед ними знаменитый Пражский Голем, хоть и не видели старинного чешского кинофильма.

Как и в фильме, страж гетто был похож на коренастого столичного ремесленника, обстриженного под горшок. А физиономия была глупая-преглупая – должно быть, чтобы не стал умничать и своевольничать.

Но если явился Голем – значит, у его хозяина закончилась наконец мучительно праздная суббота.

Так что ещё поживём…

И мастера, и шарлатаны недовольно зашумели:

– Надо же – нехристи уже и до нас добрались!

– Распустил император своего любимчика!

– Ой, братья, он сейчас как пойдёт нас пинать, топтать…

– Давно надо было повесить старого дурака!

– Выжечь змеиное гнездо с конфискацией!

– Изыди, идол иудейский! Заклинаю тебя именем Асмодея и Астарота, Бегемота и Автобота, Бельфегора и Киркегора!

– Колосс-то, братцы, на глиняных ногах! Тащите кувалды! Разнесём болвана в черепки, а потом и до хозяев доберёмся!

– Чтобы ихним духом в городе и не пахло!

– Чуму разносят!

– Детей похищают!

– Спички воруют!

– Дома не ночуют!

И орали-то, между прочим, не тёмные религиозные фанатики, а передовые люди своего времени, гуманисты…

Голем сделал шаг в сторону – и храбрецы снова бросились подпирать стены.

Костя воспользовался моментом и возгласил унаследованным от отца командирским голосом:

– Смир-рно! Совсем распустились! Личному составу молчать, ждать моих распоряжений и бояться дикаря из Тартарии! Я вам покажу кувалду в сто пудов!

Из пролома в потолке выпала верёвочная лестница.

– Вылезай первым! – велел Костя ботану. – Потом пойдут остальные. Мы с Буслаем будем прикрывать…

Джульверна не пришлось просить два раза, он взялся было за бамбуковую перекладину – но тут чуть не на голову ему вынесло из дыры ногами вперёд давешнего китайца.

Филимонов всплеснул руками.

– Почтенный сюцай! Как вы здесь очутились?

Лю Седьмой отряхнул шёлковый халат с драконами, снял с головы шёлковую шапочку и об колено выбил из неё пыль. Потом лукаво поглядел на ботана и сказал:

– Позволять молодым людям делать глупости – значит, нарушать установления Неба. Вэйскому павлину никогда не догнать курицу из Фучжоу. Один совершенномудрый – тонкая былинка на ветру, двое совершенномудрых – надёжная опора державы. К счастью, в этом городе нашёлся и второй…

Точно – из дыры возникли бледные ноги в домашних тапочках.

Солидный рабби Лёв сильно уступал китайцу в физической подготовке, он кое-как спустился вниз. Халат на каббалисте был полосатый, а на голову он нахлобучил огромную шапку с опушкой из рыжего меха.

Потом вся компания уселась за столом, а Голем остался стоять, как чучело медведя с подносом в старинном ресторане.

– Шалом! – сказал рабби Лёв. – Рад видеть своих гостей в добром здравии. Я сидел и ломал голову, как бы вас выручить. Благословенная суббота всё не кончалась. Но на помощь мне, бестолковому носатому варвару, пришёл рабби Лю. И стоило ему произвести несколько телодвижений…

– О, не преувеличивайте моих заслуг, почтенный. Я всего лишь применил древнюю стратагему, которая называется «Принуждение субботы к преобразованию в четверг»…

– И таки стал четверг! – восторженно подхватил каббалист. – Я тут же проверил по календарю. Потом достойный китаец познакомил меня с экзотическим методом гадания на стеблях тысячелистника, и вышло, что тигр не в силах пересечь уже горный поток, а вас следует удержать от противоправных действий…

– Так ты, старая… – ботан помотал башкой и опомнился. – Так вы, почтенный сюцай Лю, не передали императору моё послание?

Китаец пожал плечами, и рабби Лёв ответил за него:

– Да как же мой восточный друг мог вложить в августейшие длани ваш ультиматум, если на дворе минувший четверг и Его

Величество ещё не вернулся с лечения из Карловых Вар?

– А стражники? – вспомнил Костя. – Густав и этот…

– А ваши стражники ещё и не заступали на пост, – сказал каббалист. – У них же сутки через трое…

– Ничего не понимаю, – растерянно сказал Костя.

– Только глупец старается понять, – утешил богатыря восточный алхимик. – А совершенномудрый берёт и пользуется.

– В смысле – не парься, Костян, – перевёл Джульверн с древнекитайского.

– А как же они, – не унимался богатырь и показал рукой в сторону обитателей Подземелья Высокой Науки.

Гуманисты, мастера и шарлатаны тоже пребывали в недоумении. Опасаясь репрессий, они не позволяли себе выкриков, только глухо роптали, и в ропоте этом явственно различались слова «четверг» и «суббота».

Только Василий Буслаев, один из всех, был по-настоящему спокоен – он добрался до ведра с крепкой настойкой брома, и теперь ему всё было, как говорят в простом народе, deep purple, то есть глубоко фиолетово.

– За этих длинноносых учёных можно не беспокоиться, – сказал Лю Седьмой. – Они разойдутся по домам и вернутся к прежним трудам…

– Так их же опять сгонят сюда! – сказал Костя.

– Нашёл о ком жалеть! – хмыкнул Джульверн. – Они нашего Буслайчика чуть не замучили своими экспериментами. Доктор Менгеле не на пустом месте взялся!

– Так кузнец, например, сто пудов его не мучил, – возразил богатырь. – Не все же здесь такие… И что будет, когда вернётся император?

– Ой, молодые люди, неужели мы об этом не подумали? Уж постараемся, чтобы Его Величество решил, что ему приснился длинный дурной сон. Он почешет в августейшем затылке и скажет: «Это надо же было так набраться!»

– А Куковяка? Он же ему напомнит!

– Вот он где уже у меня, ваш Куковяка! – воскликнул каббалист, вытащил из-за пазухи стеклянный пузырёк и протянул Косте. – Достал меня виршами своими ваш Куковяка не хуже грядущего поэта Бродского! Унесите его подальше с глаз моих, вашего Куковяку!

Костя принял пузырёк, поднёс к глазам и увидел, что внутри мечется крошечная фигурка скомороха и доносится что-то вроде пчелиного жужжания. Богатырь приложил к стеклу ухо и услышал:

– …Не сумели ни чекисты и ни нацисты, а обманом одолели

китайские сионисты! Теперь может видеть любой дикобраз, какой светильник разума здесь, в бутылке, угас! Какой тут умолкнул веселия глас! Какой затуманился глаз-ватерпас! И это на Руси уж не в первый раз! Освободителю своему обещаю заранее, что выполню три его желания. А разойдусь, так и все четыре – только не просите меня о московской квартире. Ночь, улица, фонарь, ипотека – вот что губит русского человека…

И ведь даже не запнётся, окаянный!

Костя осторожно спрятал стеклянную тюрёмку с трикстером в потайной кармашек Святогоровых штанов.

– А… как это вы его?

– Ничего особенного, – улыбнулся Лю Седьмой. – Достаточно просто указать человеку его истинный масштаб и место…

– А кормить его нужно? – спросил Костя.

– Только не после полуночи, – сказал сюцай.

– Вот теперь у нас есть и проводник через Смородину, – сказал Филимонов. – Так что можно обойтись…

Богатырь крепко ухватил ботана за руку.

– Нельзя обойтись, понял? Даже и не думай!

– Не ссорьтесь, юноши, – сказал китаец. – Я знаю, что вас, Костя, соединяет с неким сферическим существом мистическая связь, доставшаяся вам от далёкого пращура. Я хорошо знал и Жи Хана, и его восхитительно круглого спутника. Не раз вместе с ними смотрел и в лицо опасности, и в чашку с персиковым вином. Могу ли я не помочь одному старому другу и потомку другого старого друга?

– Так чего мы тут высиживаем? – вскричал Костя и освободил руку Джульверна. Тот поморщился и стал растирать бицепс.

– Нам некуда торопиться, – сказал рабби Лёв. – Ведь ещё продолжается прошлый четверг. Кстати, можно уже начинать эвакуацию…

– Рядовой Буслаев! – гаркнул богатырь. – Ко мне!

Новгородец, блаженно улыбаясь, выслушал распоряжения и выстроил своё немалое стадо в очередь к верёвочной лестнице. Сейчас он был слишком благодушен, чтобы опускаться до физической мести мучителям-гуманистам.

Самая короткая дорога

…Они снова сидели в кабинете старого каббалиста за рабочим столом. На столе лежали меч, богатыристика в кожаном тубусе и злополучный Колобок на белоснежной салфетке.

В углу похрапывал, подложив под голову Костину телогрейку, новгородский патриций Василий Буслаев – не бросать же соотечественника в чужом городе!

А на мраморном бюсте какой-то античной дамы в шлеме дремал Кузьма-Демьян в голубином оперении.

– Спасибо, что сохранили наше добро, достопочтенный, – сказал Джульверн. – И нашего стража приютили.

Хитро улыбаясь, рабби взял меч и… свободно вытащил его почти полностью, после чего мгновенно задвинул назад в ножны. Потом передал оружие китайскому мудрецу.

Сюцай Лю Седьмой в точности повторил действия каббалиста.

– Как же так? – растерянно сказал Костя. – А почему мне…

– И даже мне… – встрял ботан.

– Думаю, меч подчиняется лишь тому, кто не склонен пускать оружие в ход, – сказал китаец. – Только достигший определённой степени совершенства сможет обнажить его в случае крайней надобности.

– Учиться надо! – сказал рабби – точь-в-точь как Семён Ароныч. Он даже палец поднял, как директор школы.

– А как же – «Без нужды не вынешь»? – спросил зловредный ботан.

– А разве юношество уже не нуждается в воспитании? – ответил вопросом на вопрос каббалист.

– А как же – «Без славы не вложишь»? – не унимался Джульверн.

– Но разве мы не достигли желаемого результата? – сказал рабби. – А всякая там слава, шмава…

Он махнул рукой.

Лю Седьмой меж тем тщательно осматривал чайничек для заварки.

– Вас обманули, дорогой коллега, – сказал он. – Это вовсе не сосуд времён Жёлтого Императора, как гласят знаки на фарфоре. Это массовое производство эпохи Тан. Новодел, можно сказать…

– Дорог не подарок, а благорасположение августейшей особы, – невозмутимо ответил рабби Лёв.

– Зато сейчас вы попробуете настоящую заварку, – сказал сюцай и достал из рукава шёлковый мешочек.

Мудрецы явно никуда не торопились. Странное дело, ведь, казалось бы, это у молодёжи времени хоть отбавляй, а в почтенном-то возрасте его берегут!

Тем не менее друзья ёрзали от нетерпения на лавке, а свои чашки с драгоценным чаем Лю Седьмого опорожнили залпом, обжигаясь и фыркая.

Рабби, смаковавший напиток, осуждающе покачал головой.

Китаец взял кожаный футляр и похлопал им по руке.

– Не зря среди достоинств молодого героя, перечисленных в этой похвальной грамоте, не значатся ни терпение, ни выдержка, – сказал он. – Сказано же: «Если хочешь что-нибудь поймать – сначала отпусти»…

– Да я понимаю, – сказал Джульверн. – Я знаю, что времени у нас вагон, только…

– Ой, ой, ой, – сказал каббалист. – В такие минуты даже мне, битому, старому, заезженному персонажу, хочется стать реальным живым человеком. Хотя исторический Лёв бен Бецалель наверняка был жутким ортодоксом и занудой, чтившим день субботний со всем возможным тщанием…

– Про зануд и ортодоксов не слагают легенд, рабби, – сказал Филимонов.

– Такой молодой и такой льстец, ай, ай, ай, – покачал головой каббалист. – Впрочем, действительно пора определить судьбу бедного хлебного голема. Доставайте свои гадательные палочки, уважаемый китаёза…

– Сейчас, досточтимый большеносый варвар, – откликнулся сюцай.

– А вы, молодые люди, пройдите на кухню, – сказал рабби. – Можете взять там с полки по пирожку… Даже по два пирожка!

– Таинства книги «И Цзин» могут повредить вашему неокрепшему разуму, – пояснил Лю Седьмой.

…Пирожки на полке истребились как-то незаметно.

– Засада, – сказал Костя. – Опозорились, словно с голодного острова приехали…

– Ничего, – ответил ботан. – Неизвестно, когда придётся перекусить в следующий раз. А Голем ему новых настряпает…

Глиняный болван, застывший у печи, действительно начал двигаться: взял с подоконника корчагу с тестом, скалку – и начал орудовать на столе, предварительно посыпав столешницу мукой.

– Хозяюшка ты наша керамическая, – сказал Джульверн. – Комбайн ты наш мультипрограммный…

Но тут их позвали в кабинет.

– Молодые люди, – сказал каббалист. – У меня, как обычно,

две новости: хорошая и плохая. С какой начать?

– Как обычно, с хорошей, – сказал Джульверн.

– Вашего вожатого можно исцелить, – сказал рабби.

Костя облегчённо выдохнул.

– А плохая?

– Исцелить вашего вожатого может только Папа Римский, – развёл руками рабби Лёв. – Но, к сожалению, нынешний Верховный Понтифик…

– …какой-то чудной, – закончил Филимонов. – Это мы уже слышали от самых разных людей… то есть персонажей…

Он сбился и покраснел оттого, что мог невольно обидеть хорошего человека… или персонажа легенды…

– Более того, – почти шёпотом сказал каббалист. – Надёжные информаторы из римского гетто сообщают, что он вовсе даже и не Папа…

– А кто? – Костя тоже понизил голос.

– Это и предстоит вам узнать, – сказал каббалист.

– Тогда мы пойдём, – сказал богатырь. – Спасибо вам за всё, товарищи учёные. Хотелось бы отплатить вам по чести, по совести, да не знаю как – и не ведаю…

– Ай, бросьте, – отмахнулся каббалист. – Нам, старым дуракам, в радость учить молодых дураков…

– Тогда кажется, что жизнь прожита не зря, – добавил китаец. – Хотя это лишь иллюзия…

– Тут у вас есть какой-нибудь транспорт до Рима? – спросил богатырь. – Типа дилижанс? А то ведь пешедралом-то обломно…

– Зачем тебе транспорт? – сказал ботан. – У меня же с Антютиком договорённость. Рабби Лёв, где здесь можно приобрести чёрного петуха?

– А для чего вам чёрный петух?

Филимонов обстоятельно объяснил для чего, для кого и с какой целью.

Рабби Лёв помрачнел. Лю Седьмой тоже перестал улыбаться.

Джульверн встревоженно озирался – может, зря ляпнул?

– Молодой человек, – сказал наконец каббалист. – Запомните навсегда: если вы используете дьявола, пусть даже ради самой благородной цели – вы всё равно *используете дьявола*. А это значит, что на самом-то деле он использует вас.

– Простецы считают, что добро-де можно сделать только из зла, потому что его больше не из чего делать, – добавил сюцай. – Они ошибаются. И добро, и зло извлекают из пустоты, потому что их неоткуда больше извлечь. Так учит нас вечное Дао.

Тут и ботан задумался.

– Всё сходится, – сказал он с удивлением. – Ведь откуда

берутся электроны и позитроны? Из вакуума… Выходит, в Китае ещё вон когда об этом знали! Вот потому китайцы всех и обгоняют…

Костя до такой высокой премудрости не опускался.

– А не собираются ли из Праги в Рим какие-нибудь купцы? – спросил он. – Мы с Васей могли бы охранять караван, богатырям это дело разрешается… Денег не возьмём, чисто за кормёжку!

– Мы подумаем, – сказал рабби. – А вы пока вернитесь на кухню и возьмите там горячих пирожков на дорогу. Кажется, Голем уже вынимает их из печи…

– …И как он догадался про пирожки? – спросил ботан, ища, во что бы завернуть гостинцы.

– По запаху, – сказал Костя.

– Ну конечно! Я, например, ничего не чуял. Тут вытяжка грамотная, как в алхимической лаборатории… Надо попросить у хозяина хоть старую газетку… Не в миске же их тащить и не на лотке, как светлейший князь Меншиков!

Но на полпути вундеркинд сообразил, что никаких газет в Праге может пока ещё и не быть, а если и есть, то пирожки в них уж точно не заворачивают. Он хотел вернуться и вдруг прислушался к голосам стариков, доносившимся из кабинета.

– Не беспокойтесь за молодых друзей, коллега. У одного умная, но злая голова, у другого умное, но доброе сердце. Это наилучшее сочетание из всех возможных. Они сумеют извлечь нечто из ничего.

– Но если Папа действительно тот, о котором предупреждал христиан пророк с острова Патмос?

– Тогда положимся на волю Неба…

Сердце Джульверна тревожно заколотилось, но говорить другу он ничего не стал – вернулся и сел на табурет в ожидании.

– Да и чёрт с ним! – воскликнул ботан неожиданно для себя.

– Это ты о чём?

– О пирожках… – выкрутился Филимонов.

Наконец их позвали.

– Возьмите мой старый заплечный мешок, – сказал каббалист, хотя Нил ещё и рта открыть не успел. – Когда-то мы с ним дошли до Иерусалима… Выдержит! Как только вы слопаете все пирожки, так и очутитесь там, куда вам надо!

– Каким-нибудь каббалистическим путём? – спросил Джульверн.

– Нет, чисто топографический фокус, – ответил рабби. – Все дороги ведут в Рим, верно?

– Верно… – растерялся ботан.

– Следовательно, среди них есть и самая короткая. Вот вам

схема, по которой надлежит двигаться. Тут важно не пропустить перекрёсток у цветочного рынка. А Вечный город предстанет перед вами за пятнадцатым углом после седьмого поворота!

– Говорят, что путь длиной в десять тысяч ли начинается с первого шага, – сказал сюцай. – Но бывают случаи, когда достаточно только этого шага…

…Как старики вещали, так и получилось.

Вечный город – большая деревня

– …А ты говорил – не возьмём, не возьмём! Лишний рот, лишний рот! А вышло наоборот! – сказал Костя, невольно подражая своему пленнику Куковяке.

Очень не хотелось ботану признать свою неправоту – а кому хочется?

Они сидели в таверне на Пьяцца Навона и наворачивали макароны с сыром, запивая их родниковой водой. Вода здесь, к слову, была дороже, чем вино, но богатырь объявил сухой закон.

Это не могло понравиться Василию Буслаеву:

– Ну хоть разбавленного-то можно? В Рим пришли – значит, романею пить положено!

– Никакого нельзя, рядовой! Вот если будем праздновать победу, тогда уж…

Но в победу как-то не верилось.

Пробиться к самому Папе на аудиенцию было нереально. Мало того, что придётся его туфлю целовать, так ещё и денег нужна куча на взятки кардиналам, чтобы допустили подозрительных юнцов к Верховному Понтифику.

А что могли дать друзьям на дорогу старые мудрецы? Горсть монет да добрый совет. Конечно, подчас добрый совет бывает дороже золота, так это же подчас…

– Да кабы не я, нас бы вовсе сюда не пустили… – ныл Васька.

На самом деле Костя и Нил опасались, что как раз с Буслаем-то их никуда не пустят – его фейс не вписывался ни в какой контроль, а дресс не укладывался ни в какой код.

Босой ушкуйник оставался всё в том же мешке с дырками на голое тело – в доме у рабби не нашлось для него подходящего прикида, а ободрать на прощание какого-нибудь фауста или гуманиста и друзья не догадались, и одурманенный Буслай не сообразил. Ему подошла бы разве что одежда с плеча Пражского Голема, но големы ведь тем и хороши, что не требуют ни питания, ни обмундирования, ни денежного и махорочного довольствия.

И тем не менее всю компанию охотно пустили в таверну «Старая синьора».

Причина этого выяснилась сразу.

Синьора хозяйка (действительно старая) сразу безошибочно определила самого толкового из троицы и отвела ботана в сторону.

– Скажи, мальчик, ваш мессир – он из какого дома?

Джульверн оказался не таким уж толковым, потому что

спросил:

– В смысле?

– Ай, придурок! Кто он – Сфорца, Орсини, делла Ровере?

Будущему нобелиату пришлось изобразить даже не придурка, а полного идиота, чтобы вытащить из старушки побольше информации.

Оказалось, что среди здешней аристократии распространилась мода на покаяние.

Самые знатные синьоры облачались в грязное и дырявое рубище, чтобы в таком скорбном виде предстать перед Папой и умолять его об отпущении грехов. А уж грехов у этих ребят хватило бы на всё население тогдашнего Апеннинского полуострова.

Вот хозяйка и решила, что высокий и породистый босой Буслай – из этой же категории. И обижать мнимого оборванца нельзя ни в коем случае! Добрый Папа отпустит ему прежние прегрешения, очистит душеньку – а он вернётся и с чистой, свежей душой разгромит в отместку несчастное заведение!

По этой же причине не следовало даже заикаться о деньгах, а кормить и поить много и вкусно. Тогда можно расчитывать, что знатный господин оценит кухню и винный погреб и в следующий раз заявится с большой свитой, и уж тогда-то денежки потекут рекой!

Буслай тем временем приканчивал уже пятую миску спагетти, наматывая тонкие длинные нити непосредственно на кулак. Так было сподручней – вилок здесь не подавали.

– Так из какого же он семейства, милый мальчик?

В голову Филимонову, как назло, лезли сплошные итальянские автогонщики да футболисты. «А, будь что будет», – подумал он и бухнул:

– Феррари!

Старушка охнула и прошептала:

– А кто он герцогу – сын, племянник?

– Кузен, – облегчённо сказал Джульверн. – А что у вас подают на десерт, любезная?

…Конечно, в таверне можно сидеть на халяву до бесконечности, да и на ночлег устроиться в верхних комнатах тоже можно, только цель будет по-прежнему недостижимой.

Римляне и гости Вечного города, яростно жестикулируя, вели разговоры за каждым столом. Главной темой были чудачества нынешнего Папы.

– Надо узнать о нём побольше, – сказал ботан.

Он встал, спросил у хозяйки даровой кувшин самого лучшего и дорогого вина. Хозяйка поморщилась, но щедро наполнила

посудину – а вдруг этот бамбино инкогнито тоже знатный синьор?

– Я пошёл в разведку, – доложился Джульверн Косте и, прижав к себе кувшин, направился к одному из столов, за которым сидели самые шумные и самые седые клиенты. Ведь что можно узнать у юнцов? Про девок да про драки?

Патриархи таверны с радостью усадили к себе свежего слушателя, да ещё такого щедрого.

Вы уже убедились, что ботан умел вытряхивать из болтунов информацию.

Чудным и загадочным было само появление нового Папы на престоле.

– Такого не припомнит даже старый пьяница Амброджо Фрескобальди, а ему скоро девяносто девятый пойдёт! – рассказывал скорняк Пьетро (так называли его приятели). – Обычно-то мы выходим на площадь перед собором моего святого тёзки и ждём, когда из дворцовой трубы повалит соответствующий дым. Потом на балкон выходит толстенный такой кардиналище и объявляет: у нас есть Папа! Выпивайте и закусывайте, христиане! Словом, сплошная дольче вита. А с нынешним не так всё было…

– Именно что не так! – подхватил сосед скорняка. – Совсем не так!

– А как? – спросил ботан и щедро плеснул говорящему в кружку.

Тот вытёр усы и продолжал:

– Да вот так: спать легли при одном Папе, а проснулись при другом!

Заговорили и остальные:

– Никаких выборов не было!

– Куда прежний Папа подевался – неизвестно!

– Святые отцы молчат, лишь глаза отводят, как мошенники!

– Так мошенники и есть! Святую воду, и ту разбавляют!

– Про всех не говори! А только видно, что все они как бы не в своей воле… Как бы очаровал их кто-то…

– Говорят, этот Папа ни одной молитвы не знает!

– На людях почти не бывает!

– Постов не соблюдает!

– И всё-то при нём не так!

– А ещё говорят, – понизил голос скорняк Пьетро, – что и не Папа это вовсе…

– А кто? – Джульверн затаил дыхание.

В ответ рассказчики хором насупились и замолчали. Тем более что и кувшин опустел.

Ботан хотел было подбодрить их, заказав ещё винишка, но тут раздался зычный голос:

– Базилетто, дружище! Какими судьбами в наших краях? Да ещё в таком виде? Неужели тебя ограбили разбойники? Это тебя-то, который сам любого…

– Антонушко, за ногу тебя и об угол! Так ты не утоп! А я-то за твою душу пудовую свечку поставил Николе Морскому!

Филимонов оглянулся.

Васька Буслаев обнимался с таким же здоровенным парнем в кожаном камзоле и в бархатном берете.

– Ну, за встречу-то можно? – сказал Буслай, обращаясь к богатырю.

– А с каких это пор всякая пузатая… – начал Васькин знакомец, но подоспевший Джульверн его успокоил:

– Это наш известный новгородский лекарь – у Василия Буслаевича ведь печень больная, ему нельзя…

Рекомый Антонушко с подозрением посмотрел на Костю.

– Лекарь, говоришь? С такой-то рожей? И чем он лечит – деревянным клистиром на большой дороге?

Ботан не растерялся:

– Бывает и такое! Лекарю ведь часто приходится ночью к больному спешить! Он же давал клятву Гиппократа!

Антонушко расхохотался и представился:

– Антонио Челентано из Генуи, негоциант! Бывал в ваших краях, пивал ваш мёд. Как это… пил вместе с усами мёд, да не попало в рот… Забыл уже, клянусь Вакхом!

– То-то я смотрю – лицо знакомое, – сказал ботан.

– Мы уже виделись раньше? – спросил кондотьер.

– Челентано у нас всякий знает, – сказал Джульверн. – Меня зовут Нил, а моего друга – Константин.

– Постой, – сказал синьор Антонио из Генуи. – Это не тот ли оруженосец Константин, которого обвиняли в смерти моего несчастного родственника Черилло, предательски убитого в Киеве?

– Я самый, – угрюмо сказал Костя. – Только я не убивал…

Надо же, как тесен выдуманный мир! Как всё в нём связано со всем!

– Да я знаю, – добродушно сказал Челентано. Он и вправду походил на знаменитого певца и актёра, только был при усах и ленинской бородке. – Знаю и то, что юноша обличил настоящего злодея. Однако скор ваш князь на расправу! Но нашу встречу необходимо…

– Мы дали зарок перед иконой, – нашёлся Джульверн. Иначе Костя ему бы навешал финдюлей!

– Но мы-то с Базилетто не давали! – воскликнул Челентано. – А посему…

Кончилось тем, что Филимонов обучил повеселевшего генуэзца песне из репертуара его потомка.

– Лашьяте ми канта-аре! – старательно выводил синьор Антонио.

Вскоре песню подхватила вся таверна. Музыкальный народ эти итальянцы! Итальяно веро!

В промежутке между переменами блюд Челентано спросил:

– Так что же привело в Вечный город таких славных ребят?

– Так это… Им к Папе надо… – объяснил Буслай. – На эту… уединенцию…

– Клянусь Вакхом! – рявкнул синьор Антонио. – У меня совсем вылетело из головы! Вам нужен Папа, а Папе нужны вы!

– Мы-ы? – опешил ботан.

– Ну, не вы лично, – сказал Челентано. – А всякий пришелец из ваших краёв. Его Непогрешимое Святейшество распорядился, чтобы в любое время дня и ночи, немедленно, за весьма приличное вознаграждение…

– Вот это да, – сказал Костя. – А ты говорил – оставим его в Праге, сам доберётся…

– Проехали, – сказал ботан и наступил ему на ногу.

– Тогда и пошли прямо сейчас, – сказал генуэзец. – Двести золотых на дороге не валяются…

Все четверо вышли из таверны. Кузьма-Демьян летел над ними и осенял своими крылами. Только сизые голубиные перья он поменял на белоснежные – всё-таки к Папе идём, а не кули с углем ворочать!

По дороге богатырь не уставал восхищаться своей прозорливостью:

– Знал же я, что Буслай нам пригодится. И что своих сто пудов нельзя бросать! Вот удача!

– Погоди радоваться, – сказал ботан. – Может, Папа у нас какие-то секретные сведения хочет узнать. Сколько полков, сколько дивизий на Руси…

– Нет, – уверенно сказал Костя. – Никаких заморочек больше не будет. Потому что Куковяка у меня вот где!

И похлопал по тайному карману.

Папские гвардейцы-швейцарцы в нелепых пёстрых одеяниях (форму проектировал сам Леонардо да Винчи, вот уж повеселился!) сперва преградили им путь алебардами, но генуэзец объяснил им, что таких гостей Папа ждёт не дождётся.

– Йа, мы понимать, – сказал стражник, и их пропустили в Ватиканский дворец.

Перед глазами друзей предстала лестница, уходящая вверх.

Они поднимались по бесконечным ступеням, пока не увидели фигурку Папы, сидевшего на своём святом престоле.

Голову Верховного Понтифика почему-то венчал турецкий тюрбан, украшенный страусиными перьями. Маленькое доброе личико напоминало печёное яблоко…

– Сказочная бабушка! – радостно воскликнул Костя. – Я тебя узнал! Ты-то нам и нужна!

Во всём виноват Пушкин

Легенда о женщине, занявшей престол верховного римского первосвященника, родилась примерно в середине XIII века.

Одни историки говорят, что в основе её лежит религиозная ненависть к грешному прекрасному полу и придумана она для того, чтобы ни в коем случае и близко не подпускать дам к церковной службе – им даже в алтарь запрещено входить…

Жанну д'Арк отправили на костёр ещё и за то, что она ходила в мужской одежде. Внушить такое мог только дьявол!

Другие медиевисты (спецы по Средневековью) считают, что в легенде о папессе Иоанне отражены реальные исторические события и персонажи.

В X веке всеми делами Вечного Города заправляли две лихие бабёнки – Феодора и Мароция, мать и дочь. Обе выдающиеся красотки. Мужчин укладывали штабелями. Три века спустя инквизиция живо бы с ними разобралась, а пока…

Три десятка лет эти особы определяли, кому быть Папой, кому – королём, а кому даже императором Священной Римской и т. д. Времена были совершенно продажные и позорные. Рыцарством и не пахло. Брат убивал брата. Шли постоянные войны, затевались мятежи, плелись заговоры. И всё это – результаты непредсказуемой дамской политики. Вечный Город «завис» в критической ситуации…

Как должен был сицилийский, к примеру, крестьянин воспринимать вести из далёкого Рима? Коли там всеми делами заправляет баба, то она и есть самая главная. А кто может быть главнее Папы? Вот так и создалось мнение народное.

Имена сиятельных профурсеток забылись, а история о женщине на папском престоле накрепко застряла в заскорузлых мозгах и обросла подробностями.

Как могла самозванка стать Верховным Понтификом? Переоделась в мужскую одежду и пошла продвигаться по духовной стезе. Стала отличницей (отличником), заткнула за пояс лучших богословов, прославилась праведной жизнью – вот её и выбрали на конклаве кардиналов. Имя себе она выбрала простое и скромное – Иоанн.

Финал у легенды тоже был страшен и позорен: папесса Иоанна во время крестного хода вздумала рожать и тем себя разоблачила.

Указывали даже точное место, где произошло сие прискорбное событие: между Колизеем и церковью Святого Климента. Такие детали вставляют нарочно, чтобы рассказ

казался подлинным.

Вновь воскресла римская легенда уже в XIX веке, когда женщины стали играть ведущие роли в искустве и политике и начали добиваться мужских привилегий. Самая известная из первых феминисток – писательница Аврора Дюдеван, печатавшаяся под мужским псевдонимом Жорж Санд. Она носила брюки, дымила сигарой и, закончив написание одного романа, немедленно начинала строчить следующий.

А в России к тому времени уже появилась героиня Отечественной войны 1812 года – кавалерист-девица Надежда Дурова!

Тема стала актуальной.

Душераздирающая история женщины в папской тиаре достигла и модных салонов Петербурга, быстро перенимавших всё парижское. Тут же за неё ухватился великий пересмешник – Александр Сергеевич Пушкин. Он в ту пору сочинял известную ныне всем «Сказку о рыбаке и рыбке».

Сказка с этим сюжетом в прозаической форме была напечатана в известном сборнике братьев Гримм. Но не тех бесшабашных проходимцев из одноимённого фильма Терри Гиллиама, а настоящих – кропотливых собирателей фольклора. Правда, в их сказке желания сварливой жены рыбака выполняла не сверкающая золотая рыбка, а унылая плоская камбала. Одно слово – немец-перец-колбаса! А ведь братцы считались романтиками!

Это именно в их пересказе рыбачиха пожелала стать Римским Папой!

Ну, наш поэт сперва и пошёл по этому пути.

Вот отрывок из черновика:

Проходит другая неделя,
Вздурилась опять его старуха,
Отыскать мужика приказала —
Приводят старика к царице,
Говорит старику старуха:
«Не хочу быть вольною царицей,
Я хочу быть римскою папой!»
Старик не осмелился перечить,
Не дерзнул поперёк слова молвить.
Пошёл он к синему морю,
Видит: бурно чёрное море,
Так и ходят сердитые волны,
Так и воют воем зловещим.
Стал он кликать золотую рыбку…

Добро, будет она римскою папой.

Воротился старик к старухе,
Перед ним монастырь латинский,
На стене латинские монахи
Поют латинскую обедню,
Перед ним вавилонская башня.
На самой на верхней на макушке
Сидит его старая старуха.
На старухе сарачинская шапка,
На венце тонкая спица,
На спице Строфилус птица…

Кажется, так и слышишь голос Арины Родионовны!

Ну, потом следует желание стать владычицей морскою…

Почему же Пушкин исключил этот эпизод в дальнейшем?

Да потому что вкус у Александра Сергеевича был отменный. Он почувствовал: что-то не то. Продвинутые друзья поэта, конечно, будут веселиться – эка ловко наш арап вставил в текст пресловутую папессу Иоанну! Прыкольно!

А вот простые читатели недоумённо пожмут плечами.

В самом деле – с какой стати русской православной царице вдруг заблажит стать Римским Папой? Ведь старуха с каждым желанием поднимается на качественно новую ступень – такова логика сказки. Верховный же Понтифик в лучшем случае равен монарху. Стоит ли затеваться?

Другое дело – владычица морская. Это уже иной уровень. Ведь сам же Пушкин написал в «Медном всаднике»: «С божией стихией / Царям не совладать»… Владычица морская будет поглавней любой царицы…

Как ни смешон, как ни забавен эпизод с «Римскою Папой», а пришлось от него отказаться!

Гений потому и гений, что умеет отсекать всё лишнее…

Колобок возрождённый

– …Когда ничего у нас не вышло с Курочкой-Рябой, тогда мы его и испекли… И на окошко положили… А он… Да вы кушайте, кушайте, у них еды много… А он, неблагодарный…

Старушка всхлипнула. У неё весь вечер глаза были на мокром месте. Давно чаемая встреча со своими, родненькими, наконец состоялась! Поневоле всплакнёшь!

Всё-таки она слабая женщина, хоть и Папа!

Предсказание пражского каббалиста и Лю Седьмого сбылось.

Как только первая слеза капнула на каравай, Виссарион Глобальный стал самим собой.

Колобок, лежавший на коленях своей изготовительницы, потянулся враз выросшими ручками, зевнул образовавшимся ротиком, открыл изюмные глазки и произнёс:

– Долго же я спал!

Римская Папа сказала: «Охти мне!» – и сомлела.

– Спать бы тебе вечным сном, если бы не мы! – торжественно продекламировал Джульверн. Так положено отвечать в сказках…

– Смотреть надо, где ночлег устраивать, – сварливо сказал Колобок. – Это надо же додуматься – над самой берлогой Мерлина! Чему я вас учил!

– Так ты всё знаешь? – ахнул Костя.

– Конечно. Я всё видел и слышал, только сделать ничего не мог… Эй, вы на бабушку-то хоть водой побрызгайте! А то ещё помрёт от счастья!

Джульверн чуть не окатил старушку водой из золотой чаши для омовения рук, но богатырь вовремя остановил его:

– Сказано же – побрызгай!

Филимонов так и сделал, да ещё и похлопал старуху по щекам.

Верховная Понтифика медленно приходила в себя.

– Так это что получается, – сказал Костя. – Значит, и Курочка-Ряба была у них, и Колобок – их рук дело, так ещё и «Сказка о рыбаке и рыбке» тоже про них сложена?

– Конечно, – ответил Колобок. – Они ведь не просто старик со старухой, они – архетипы…

– Никакие мы не Архиповы! – возмутилась очнувшаяся бабушка. – Архиповы через три избы от нас жили! Скандалисты твои Архиповы, а уж детки ихние – Кий, Щек и Хорив… Я ведь думала, родненький мой, что как раз они тебя и слопали…

И снова залилась слезами.

К счастью, посторонние не видели этих слёз – вход в папские

покои охраняли гвардейцы.

– Вы и на меня, между прочим, думали, – заметил Костя.

– Так ведь горюшко нам все глазоньки застило, – оправдалась Римская Папа. – И характер с тех пор у меня навеки испортился…

Она подняла Колобка на уровень глаз, полюбовалась – и снова положила на колени, на золотое шитьё папской ризы.

В дальнем углу зала за специальным столиком красного дерева играли в шахматы Василий Буслаев и Антонио Челентано. Генуэзец явно проигрывал. Ставка была – двести щелбанов против двухсот золотых.

Новгородца уже переодели в гвардейскую форму – она очень ему шла. Трубку, торчавшую из шеи Буслая, Костя всё-таки вытащил, хоть Васька и боялся, что башка отвалится. Не отвалилась, только глаза сделались не красные, а обыкновенные.

– …А уж как завербовались мы со стариком в рыболовецкую артель да уехали к самому синему морю, – продолжала старушка, – я совсем с глузду съехала. Старичка своего тиранила, прочих артельщиков разогнала – остались мы одни в своей ветхой землянке на долгих тридцать три года, пока однажды…

– Понятно, – сказал ботан. – Кризис преклонного возраста. Маразматикус вульгарис…

– Поглядим, каков ты сам-то в старости будешь! – возмутился Костя.

– И что бы мне, старой дуре, остановиться на новой избе? – сокрушалась бабушка. – Жили бы как люди. Так нет, мне подавай дворянство, мне подавай целое царство! Рыбка тоже хороша – понимала же, что я не в себе! Надо было дать мне по мозгам – старичок-то бы не осмелился…

– Это моего пригляду за вами не было, – самокритично сказал Колобок. – А как же ты, родимая, в Риме-то устроилась?

– Худо мне тут было, совсем худо. Сразу же пожалела, что Римской Папой заделалась. Всё получилось, как дед сказал: ни ступить, ни молвить не умею. Всё вокруг не наше, идолы по углам мраморные, голые, парсуны на стенах – тоже голые… Срам!

– Не обижали тебя тут? – нахмурился Виссарион Глобальный. – А то я живо их всех…

– Напраслину возводить не стану – народ уважительный. Кланяются, туфлю целуют. Деньги несут кошелями. А счастья нет! Моют меня в корыте яшмовом, кутают меня в полотна льняные, питают меня кушаньями заморскими… И печатных пряников тоже нет, нечем вино заесть! Я ведь с туги-тоски попивать начала…

– Ностальгия называется, – заметил ботан.

– Прислуживают мне слуги верные, – напевно продолжила старушка и вдруг заорала: – Кардинала Монтанелли ко мне!

Бегом!

– Это от ностальгии, – поспешно сказал Колобок. Ему явно стало неловко за свою создательницу.

Появился дородный, осанистый, бровастый кардинал в алом одеянии до полу и в алой шапочке.

– Весь внимание, ваше святейшество! – сказал он, согнулся и поцеловал перстень на руке Папы.

– Пока ты ползком сюда добирался, – сказала старуха скрипучим голосом, – я уж и забыть успела, зачем звала. Пошёл вон, дурачина ты, простофиля!

Кардинал, рыдая, вышел.

– Я тоже такой прикид хочу, – капризно заявил Колобок.

– Вот видите, – сказала старуха. – А ведь я их не бью, за чупрун не таскаю, как своих дворовых-то бывалоче. Неудобно! Они же тут все иностранцы! Что они о нас подумают? Вот так и мучаюсь… Будет тебе кардинальская шапка, сдобненький мой, сейчас будет…

– Надо с этим кончать, – решительно сказал Колобок. – Ребята, вы знаете что делать.

– Конечно, знаем, – откликнулся ботан. – Бабушка, да ведь твоё горюшко размыкать – что два пальца обсморкать. Только придётся ещё раз послать за бедным рыбаком…

И он обстоятельно растолковал, о чём старик должен просить золотую рыбку и что потом произойдёт.

Старуха пригорюнилась.

– А новую избу нельзя оставить? – нерешительно спросила она.

– Даже новое корыто нельзя! Начнёшь с нуля! Так сам Пушкин постановил!

– Это ещё кто? – подозрительно спросила Римская Папа.

– Тот, кто золотую рыбку создал. Мы против него не тянем, – сказал ботан. – Римляне подчиняются рыбке, а рыбка – Александру Сергеичу. Тут ничего не поделаешь. Лучше разбитое корыто, да на родной земле…

– Ну ты демагог, – хихикнул Виссарион Глобальный.

Старуха резко встала – так что Колобок скатился на мозаичный пол.

– А послать к самому синему морю за стариком пять папских легатов да десять папских нунциев! – вскричала она. – Пять кардиналов да десять епископов! Привести его пред мои мутны очи! Не пойдёт – приведите силой!

– Пора линять, – шепнул Косте Филимонов. – Ещё неизвестно, как на нас посмотрят, когда бабку унесёт к разбитому корыту. Только ты меня немножко подожди, есть дело…

– А успеешь?

– Конечно. Немного времени есть: кардиналы бегом не бегают…

И сгинул в коридорах Ватикана.

Костя подошёл к шахматистам. Антонио Челентано уже успел продуть Буслаю половину своего вознаграждения.

– Вася, пойдёшь с нами?

Буслай помотал головой.

– Нет, я в Риме задержусь. Хочу итальянскую тройную бухгалтерию освоить – тогда у меня весь Новгород вот где будет!

И показал крепко сжатый кулачище.

– Ну тогда прощай. Сто пудов тебя не забуду.

Силачи обнялись.

– Только вот что, Вася, – сказал богатырь. – Не ходи ты в Иерусалим. А если пойдёшь – не пинай череп. А если не удержишься и пнёшь – не прыгай через могильный камень… Понял?

– Не понял… Это зачем?

– Здоровей будешь, – сказал Костя. – Прощай и ты, Антон. В добрый час ты нам встретился. Знай, что потомок твой в далёком будущем на весь мир прославится!

– Эти слова лучше всякой папской награды! – вскричал генуэзец и тоже кинулся обниматься.

И даже Колобок отказался идти!

– Мне ещё алую мантию не сшили, – объяснил он. – А вас через Смородину проведёт заключённый Куковяка… Только потом не забудь его выпустить – нельзя белому свету жить без трикстера!

– Эх, – сказал Костя. – А что я Светланушке скажу? Она в этом году в школу пойдёт…

– Что-нибудь придумаем, – сказал Колобок.

– А Кузьма-Демьян куда подевался?

– Филин сам вас найдёт. Да ты ступай, ступай…

– …Даже не попрощался! – возмущённо сказал Костя, когда они с ботаном зашагали по старой римской дороге, то и дело сверяясь с маршрутом на карте каббалиста. Меч Спецназначения хлопал богатыря по спине и ниже…

– Ну, Виссарион посчитал, что мы можем обойтись без него, – сказал Филимонов. – Обходились же как-то… И не в лучших обстоятельствах… И прежний облик ему вернули. Но старуха же сказала, что он неблагодарный – так оно и есть…

– Стоп, – сказал Костя. – Ведь за чужими заботами мы о своих-то забыли!

И треснул кулаком по лбу – да так крепко, что чуть не сбил

себя с ног.

– Кто забыл, а кто и нет, – снисходительно молвил Джульверн. – Я там в одном кабинетике нашёл неплохую коллекцию редких монет – её собирал Сикст Шестой. То есть они были редкими ещё в то время. Так что сам понимаешь… Там даже лемурийский блямс есть!

– Так ты их украл! Они же на том берегу черепками станут…

Ботан был невозмутим.

– Не станут. Это законный гонорар. Бабушка-Папа заплатила за мой консалтинг. И он того стоил. Монеты потихоньку реализую через Сеть… Хватит и на немецкую клинику, и на ваши долги! Кстати, ты пузырёк с Куковякой не потерял?

Костя схватился за потайной карман. Сосуд был на месте.

– Интересно, слопал ли он свою макаронину? – сказал богатырь и вытащил скляницу.

Она была пуста. Затычка отсутствовала, только на дне валялись чёрные крошки. Вредная, едучая натура скомороха-адвоката истлила совершенно новую пробку… Стеклянную надо было применить, притёртую! Алхимик сообразил бы, а каббалист не догадался…

Наступило скорбное молчание.

Они стояли на брусчатой дороге, а вокруг расстилался типичный итальянский пейзаж, подёрнутый туманной дымкой.

– Вот же гадюка, – сказал наконец богатырь. – В последний момент… Придётся просить Колобка…

– Да только где он теперь, наш Виссарион? – грустно сказал растерянный ботан. – В расколотом корыте на берегу самого синего моря?

– Я здесь, друзья! – раздался откуда-то сверху знакомый голосок.

– Всё под контролем! – заверил другой – тоже знакомый.

Кузьма-Демьян плавно снижался. В когтях он держал Виссариона Глобального. Алая кардинальская мантия развевалась на ветру.

– Да ну её, эту бабку, – сказал Колобок, очутившись в руках у Кости. – Один раз ушёл – ушёл и во второй! Сказал, что покатился к ватиканскому портному на примерку, взял прикид – и был таков!

Друзья облегчённо вздохнули.

– Я ведь вот что подумал, – продолжал вожатый. – Действительно, пойдёт Светланушка в школу – так ведь её там без меня чёрт знает чему научить могут!

– Конечно, дорогой, лучше тебя кто научит? – сказал Костя. – Тем более что Семён Ароныч последний год дорабатывает…

– Теперь директором твоего тренера назначат, – сказал Джульверн. – В свете очередной реформы…

– Это всё завтрашние заботы, – сказал Колобок. – Вы не забыли, что на том берегу Смородины продолжается зима?

– И бандиты ждут, – напомнил Филимонов.

– Да какие это бандиты, – отмахнулся Костя. – Так, ерунда…

– Тогда вперёд! – воскликнул Колобок. – Нас ждут великие дела!

Красноярск, 2014 г.